В. Святловскій

КЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ И СТАТИСТИКИ ВЪ РОССІИ

Сборникъ статей

Книгоиздательство „НАЧАЛО“
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1906

В. Святловскій

18338.

КЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ И СТАТИСТИКИ ВЪ РОССІИ

Сборникъ статей

Книгоиздательство „НАЧАЛО“
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1906

Пров. 1959
„Пров 38"

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Предлагаемая книжка представляетъ собою сборникъ отдѣльныхъ статей, изъ которыхъ всѣ — кромѣ двухъ первыхъ — уже были помѣщены въ періодическихъ, преимущественно спеціальныхъ изданіяхъ. Одна изъ статей: «Отъ славянофильства до идеализма», какъ работа, касающаяся времени, близкаго къ современности теперь нѣсколько устарѣла, такъ какъ часть матеріаловъ, на основаніи которыхъ она составлялась (напримѣръ «Подпольная Россія» — Кравчинскаго, «Исторія революціоннаго движенія» — Туна, «За сто лѣтъ» — Бурцева), стала доступна читателю.

Всѣ статьи касаются одного и того же процесса развитія экономической мысли въ различныя эпохи нашего общественнаго самосознанія, а поэтому автору казалось умѣстнымъ соединить ихъ въ одномъ сборникѣ. Быть можетъ, будущему историку политической экономіи и статистики въ Россіи этотъ трудъ нѣсколько облегчитъ предстоящую работу.

Спб. мартъ 1906 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. **Наканунѣ меркантилизма.** I. Введеніе: оффиціальное и вольное знаніе. II. Протестъ противъ гнета: Даніилъ Заточникъ и поученія Соловецкаго Измарагда. — «Слово о Правдѣ» Стефана Вонифатьева. III. «Домострой» Сильвестра Медвѣдева. — Его экономическое содержаніе. IV. А. Л. Ордынъ-Нащокинъ. — Его экономическое міровоззрѣніе и начинанія въ Псковѣ. — V. Нѣсколько замѣчаній о Юріи Крыжаничѣ.—Характеръ его экономическихъ взглядовъ. — «Инструкція» Волынскаго 1

II. **Физіократизмъ въ Россіи и начало изученія экономіи сельскаго хозяйства.** I. Характеристика русскаго меркантилизма и появленіе физіократизма.—Его отраженіе въ мѣрахъ и взглядахъ Екатерины.—II. Екатерина II и физіократъ Mercier de la Rivière. — Экономическія идеи Наказа. — III. Вольное Экономическое Общество и его первые шаги.—Программа фонъ-Клингштета.—Премія и тема Екатерины.—А. Т. Болотовъ.—Англійская система.—Шубартовская система.—Система Полторацкаго.—Ливановъ и Левшинъ.—IV. Московское Общество Сельскаго Хозяйства и «Земледѣльческій Журналъ».—Павловъ и Дм. Шелеховъ . . . 20

III. **Появленіе ученія Адама Смита въ Россіи** . . . 45

IV. **Появленіе идей свободной торговли и протекціонизма** (Николай Тургеневъ и графъ Н. С. Мордвиновъ) 56

V. **Фурьеризмъ въ Россіи** («Петрашевцы») 73

VI. **Отъ славянофильства до идеализма.** (Развитіе взглядовъ на сущность экономической эволюціи Россіи). I. Славянофилы. — II. Западничество.—III. Народничество.—IV. Марксизмъ 85

VII. **Изъ исторіи русской статистической литературы.** I. Появленіе взглядовъ Конринга и нѣмцы-ученые.—II. Ахенвалль-Шлецеровское направленіе. — III. Паденіе государствовѣдѣнія и появленіе Кетле 161

Наканунѣ меркантилизма.

I.

Умственное развитіе отдѣльныхъ народовъ, какъ и отдѣльныхъ лицъ, не всегда протекаетъ послѣдовательно и равномѣрно; невѣжество, косность и корысть часто затрудняютъ и замедляютъ это развитіе. Въ исторіи умственной эволюціи Европы встрѣчаются и печальныя страницы: цѣлыя эпохи регресса нѣкоторыхъ отраслей знанія, особенно общественнаго и философскаго характера. Наука въ такіе періоды проходила по многострадальному и тернистому пути, свѣтлый и радостный храмъ знанія превращался въ мрачную и пустынную Голгоѳу, а каждый шагъ носителей свободной мысли былъ связанъ съ кровавою борьбою, съ молчаливымъ самопожертвованіемъ. Не даромъ извѣстный Тиссандье, издавая біографіи великихъ ученыхъ, далъ своей книгѣ общее—печальное и вѣщее, какъ надгробная эпитафія,—заглавіе: «мученики науки». Въ итогѣ, curriculum vitae нѣкоторыхъ отраслей знанія,—дѣйствительно, суровый мартирологъ, трагическая цѣпь энтузіазма и самоотреченія.

Такъ было на Западѣ.

Еще меньше розъ и лавровъ на тѣсномъ пути русской науки. Исторія ея—исторія произвола и стѣсненій, которыхъ не знала ни одна страна Запада. Помимо общихъ преградъ, у насъ вліяли еще свои, своеобразные, чтобы не сказать болѣе, «терніи». Вмѣсто тупыхъ представителей филистерской академіи, душив-

шихъ все новое, вмѣсто жестокаго кардинальскаго синклита или опортюнистическаго іезуитизма двора, у насъ на наукѣ и ученыхъ остановилось леденящее и неморгающее око административнаго произвола; и оно, въ атмосферѣ равнодушія и добровольнаго сыска, было всесильно это «око»!

Вспомните сами. Начиная съ несчастнаго «доктора Леона», замученнаго по методу боярина Орши въ одной изъ пустыхъ башенъ Московскаго кремля, на страницахъ исторіи русской науки проходитъ передъ вами длинная вереница засѣченныхъ, заточенныхъ или нравственно искалѣченныхъ дарованій. Заточенный влюбленный въ Россію панславистъ Крыжаничъ, блестящій ученый и государствовѣдъ; замученный Волынскій; нравственно затравленный Тредьяковскій; заключенные и сосланные Посошковъ, Радищевъ, Новиковъ. Минувшій XIX вѣкъ, эпоха развитія русскаго общественнаго самосознанія, не лучше. На порогѣ николаевской эпохи насъ встрѣчаютъ печальныя тѣни Бестужева, Коховскаго, Пестеля, Рылѣева, Кюхельбекера; Николай Тургеневъ и Головинъ всю жизнь скитаются за границею; Полежаевъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Шевченко—ужасно влачатъ и кончаютъ свои великія жизни; Грибоѣдовъ подъ судомъ, Бѣлинскій тоже; Огаревъ и Герценъ—изгнанники, а длинный рядъ профессоровъ, какъ Арсеньевъ, Костомаровъ и др., загнанныхъ Магницкими, Руничами, Толстыми и иными палачами бюрократическаго застѣнка! И въ дальнѣйшемъ дѣло мало измѣнялось... развѣ, впрочемъ, прибавились новыя «мѣропріятія», вродѣ сдачи учащихся въ солдаты. Очевидно, «общій режимъ» не могъ не отразиться на положеніи и науки и самихъ ученыхъ.

Оглядываясь назадъ, мы видимъ, что въ началѣ наши люди науки шли «по рангу», въ ногу съ придворною челядью и держались для декоративнаго блеска. Ученые приравнивались, и даже оффиціально, къ «цирульникамъ и музыкантамъ». Позднѣе, разсортированные по «классамъ и шитью», они, наравнѣ съ низшею бюрократическою братіею, должны были служить цѣлямъ общаго и повальнаго лицемѣрія, исполняя функціи фальсификаторовъ науки. И вотъ, едва терпимые, они превратились въ холоповъ власти, дѣлая изъ науки новый видъ хлѣбной чиновни-

чьей профессіи. Не даромъ проницательный и развязнооткровенный Катковъ, оглядываясь на прошлое русской науки, воскликнулъ: «Наука?!—науки не было въ Россіи: была бюрократія!..»

Эпоха, осмѣянная даже Катковымъ, не миновала. И понынѣ не одинъ нашъ «ученый» тайный совѣтникъ, своеобразный совмѣститель «свободной» каѳедры и декорированнаго казеннаго вицъ-мундира, гордится тѣмъ, что онъ представитель «правительственной науки»...

Конечно, не вся русская наука глядѣла и смотритъ черезъ темныя двери двадцатаго числа. Рядомъ съ позорною «казенною» наукою всегда жила тонкая, но живительная струя «вольнаго» знанія. И даже въ эпохи Павла и Бенкендорфа сверлящее остріе критической мысли протачивало себѣ свои кротовые ходы. Гдѣ-то тамъ, на задворкахъ оффиціальной Россіи, всегда ютилось непризнанное «вольномысліе», искреннее знаніе, невымирающая традиція истинной науки, боевая мысль и смѣлое слово. Носители и глашатаи правды давали въ самыя глухія времена лучи свѣта, которыми только и озарялась мыслящая Россія. Позднѣе, непризнанная «академія улицы», поднявъ высоко надъ головами свой факелъ, совершенно затмила смрадныя коптилки казенныхъ фонарей. Вольная «улица» побѣдила и отвергла казенщину...

И вотъ въ наши дни, непризнававшееся учебнымъ ученымъ и вообще начальствомъ вольномысліе, особенно по спеціальнымъ и экономическимъ вопросамъ, внѣдрилось въ массы интеллигенціи и проникаетъ въ народъ. Въ итогѣ, не зная развитія экономики въ Россіи, мы стоимъ теперь передъ ясно выраженными экономическими программами.

Но все это пришло не сразу, какъ не въ одинъ день создалось и характерное для нашего времени ясное и сознательное отношеніе мыслящей части русскаго общества къ наиболѣе сложнымъ и важнымъ проблемамъ соціальной науки. И бѣдная, эта русская соціальная наука! Много она выстрадала, долгіе годы нужно было ей, чтобы свить прочное гнѣздо въ умахъ людей улицы, въ думахъ общественной совѣсти. Въ русской экономической наукѣ, несмотря на сознательность соціально-экономическаго міровоззрѣнія нѣкоторыхъ партій, многое еще и до сихъ

поръ остается спорнымъ и неустановившимся; но это уже не столь важно, такъ какъ главнѣйшее завоеваніе сдѣлано: создались опредѣленныя, принципіальныя точки зрѣнія, выяснились программы,—словомъ, у русской экономики уже имѣется свое настоящее, какъ, въ силу своего прошлаго, обладаетъ и извѣстною, становящеюся историческою традиціею.

И охватывая умственнымъ взоромъ современность, можно съ извѣстною увѣренностью и безъ всякаго оптимизма утверждать, что въ уже достигнутомъ имѣется прочный залогъ для успѣшнаго развитія въ дальнѣйшемъ.—Конечно, и это «дальнѣйшее» будетъ создаваться только трудомъ и борьбою, быть можетъ, не безъ жертвъ: выразители критическаго настроенія и глашатаи новаго слова всегда расквитывались у насъ за свою правдивую смѣлость, ибо человѣческою кровью пишетъ исторія лѣтопись прогресса.

II.

Протестъ противъ гнета: Даніилъ Заточникъ и поученія Соловецкаго Измарагда. — «Слово о Правдѣ» Стефана Вонифатьева».

Средневѣковая Русь рѣзко отличается отъ современныхъ ей европейскихъ странъ отсутствіемъ идейной работы въ области соціальнаго вопроса и неформулированностью своихъ общественно-экономическихъ желаній и воззрѣній. Грубый произволъ, притѣсненія, систематическое истязаніе рабовъ-холоповъ, безпощадное ростовщичество, подкупность суда, пытки—все это не встрѣчало отпора ни со стороны лучшихъ людей, ни со стороны массы [1]). И если рѣдко, крайне рѣдко слышался гдѣ-либо голосъ протеста или твердое заявленіе возмутившейся мысли, — то это былъ просто в о п л ь истерзанной души, просто неоформленный крикъ негодованія.

[1]) «Богатые и сильные», — по выраженію знаменитаго проповѣдника XIII вѣка епископа Серапіона,—«акы звѣрье» въ ненасытномъ стремленіи къ пріобрѣтенію и порабощенію «жаждали абы всѣхъ погубити, несытьствомъ имѣнія порабощали, не миловали сиротъ, не знали человѣческаго естества». («Прибавленіе къ Твореніямъ св. отцовъ» за 1843 г., ч. 2, стр. 195).

Этотъ вопль мы встрѣчаемъ въ немногихъ памятникахъ: въ знаменитомъ словѣ несчастнаго Даніила Заточника, въ нѣсколькихъ проповѣдяхъ и поученіяхъ. Онъ интересенъ и важенъ какъ характеристика эпохи, какъ свидѣтельство о возможности даже въ то мрачное время выразить чувство соціальнаго протеста.

Благородный Даніилъ Заточникъ предпочитаетъ нищету, связанную съ нравственной свободою, матеріальному благополучію въ домѣ своего притѣснителя. «Лучше мнѣ видѣть, восклицаетъ онъ изъ далекаго заточенія,—свою ногу въ лапти, нежели въ красномъ сапогѣ на боярскомъ дворѣ; лучше мнѣ тебѣ, князь, въ дерюгѣ служить, нежели въ багряницѣ въ боярскомъ дворѣ; хоть золотыя кольца вставь въ уши котлу, все же дну его не избыть своей черноты: такъ и холопу. Сколько не гордись онъ, но укора своего ему не избыть—холопьяго имени. Лучше мнѣ воду пить въ твоемъ дому, нежели пить медъ въ боярскомъ дворѣ... Говорится въ мирскихъ притчахъ: не птица въ птицахъ нетопырь, не звѣрь въ звѣряхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не холопъ въ холопахъ, кто у холопа работаетъ».

Въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ изъ разысканныхъ Щаповымъ въ монастырскихъ библіотекахъ [1]) также встрѣчается этотъ вопль, но цѣнность его умаляется тѣмъ общимъ свойствомъ всѣхъ церковныхъ проповѣдей, обыкновенно далекихъ отъ жизни и чуждыхъ реальныхъ мотивовъ, впадать въ декламацію съ совершенно общихъ точекъ зрѣнія.

Впрочемъ, встрѣчаются выраженія и неподдѣльнаго и глубокаго негодованія.

«Богачъ! — гремитъ «слово о немилостивыхъ богатыхъ» невѣдомаго пастыря въ рукописномъ Измарагдѣ XV вѣка, сохранившемся въ библіотекѣ Соловецкой обители, — ты зажегъ на свѣтильникахъ Церкви свои свѣчи. Но вотъ сюда же пришли

---

[1]) См. *А. Щаповъ*: «Голосъ древне-русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей». Казань, 1859. Изъ этой интересной брошюры мы и заимствуемъ нѣсколько приводимыхъ далѣе текстовъ поученій.

обидимые тобою рабы, сироты и вдовы съ воздыханіемъ къ Богу на тебя. Они слезами своими погасятъ твою свѣчу.

О лицемѣріе! Лучше бы тебѣ не обидѣть ихъ, чѣмъ освѣщать храмъ Божій несправедливо собраннымъ воскомъ. Лучше помогай тѣмъ, кого ты изобидѣлъ. Это лютость, а не милостыня—рабовъ обидѣть, а другихъ миловать; однихъ заставлять работать, а другихъ надѣлять. Если и подашь ты когда милостыню убогимъ, но ежели рабы твои, пасущіе стада, потравили нивы сиротины, а другіе рабы твои мукою и неправдою приневолены къ работѣ, босые и нагіе, голодные и избитые невинно, а иные изморенные безмѣрными накладами, иные селъ тобою лишенные и ограбленные,—тѣ всѣ съ плачемъ вопіютъ на тебя къ Богу. Что и милостыня твоя, неправедный судія! Лучше оставь неправды твои и сдѣлай рабовъ своихъ безпечальными, чѣмъ Богу безумно приносить неправедно собранное имѣніе: тотъ истинно милостивецъ, кто отъ своей силы, отъ своего труда даетъ».

Я приведу еще одну выдержку, также характерную, но изъ другого болѣе поздняго сочиненія. Это любопытный проектъ, приписываемый Стефану Вонифатьеву, духовнику царя Алексѣя, объ основаніяхъ благоустройства крестьянства. Онъ помѣщенъ въ «Словѣ о Правдѣ», напечатанномъ въ книгѣ 2-й «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи».

«Если поискать, въ нынѣшнее время благовѣрнаго царя, — льстиво говорится здѣсь, — то не знаемъ во всѣхъ народахъ, кромѣ русскаго народа, правовѣрующаго царя. И если царь нашъ вѣрою правъ, то онъ долженъ нелѣностно изыскивать и разсматривать все, что относится къ общему благополучію всѣхъ его подданныхъ. Не о благѣ однихъ вельможъ пещись, но и о всѣхъ до самаго послѣдняго. Ибо вельможи нужны; но они никогда не удовольствуются одними своими трудами. Прежде же всего нужны земледѣльцы; отъ ихъ трудовъ производится хлѣбъ; а хлѣбъ главизна всѣхъ благъ... Земледѣльцы безпрестанно переносятъ различныя работныя бремена, то даютъ денежные оброки, то ямскіе сборы, то другое что-либо. А эти люди (вельможи), если когда бываютъ посланы

за царскими сборами, то сверхъ царскаго указа и себѣ много собираютъ съ земледѣльцевъ, также и тѣ, которые посылаются для прокорма коней; на ямскіе расходы много серебра выходитъ. Много также обиды бываетъ земледѣльцамъ и отъ того, что когда царскіе землемѣры—писари ѣздятъ по своему землемѣрному дѣлу, то отмѣриваютъ царскимъ воинамъ землю и всякому полагаютъ землю врознь, и отъ того много медлятъ и много корму у крестьянъ съѣдаютъ. О многихъ царствахъ мы читали, а такого злоупотребленія не знаемъ. Ямской порядокъ должно устроить весь подробно по росписанію—отъ города до города. И тѣмъ, которые въ городахъ торгуютъ, скупаютъ и прикупами богатѣютъ, и имъ должно носить этотъ яремъ между всѣми городами; ибо владѣютъ большими прибытками. Кромѣ же этого ярма, никакимъ другимъ лишеніямъ да не подвергаются, но пусть во всѣхъ городахъ безъ всякихъ воздаяній покупаютъ и продаютъ. Такимъ образомъ всякій мятежъ земскій умалится, и писари уменьшатся, сборы прекратятся и взятокъ не будетъ».

III.

«Домострой» Сильвестра Медвѣдева. — Его экономическое содержаніе.

Трудно указать, гдѣ первые этапы русской общественной мысли, гдѣ первая заря нашего народно-хозяйственнаго самосознанія Медленно, едва замѣтно пробиваются они на протяженіи вѣковъ. Яркая грань русской исторіи—эпоха Петра уже знакома съ опредѣленнымъ экономическимъ направленіемъ, съ воззрѣніями *меркантилистовъ*. Трудъ Посошкова—памятникъ меркантилизма, этими же взглядами проникнуты и указы Петра и вся его эпоха. Какъ и когда созрѣло у насъ это направленіе, какъ вообще мыслили по экономическимъ вопросамъ въ допетровскую эпоху?

Отвѣтъ на это можно найти, углубившись въ «московскій» періодъ, къ начальнымъ годамъ мрачнаго XVI вѣка. Къ этому времени создается цѣнный памятникъ эпохи—знаменитый «*Домо-*

строй» протопопа Сильвестра Медвѣдева. Вотъ характерное зеркало времени, типичный выразитель воззрѣній вѣка.

О «Домостроѣ» Сильвестра очень много писали; и книга, и ея авторъ хорошо извѣстны каждому школьнику, а безсмертныя крылатыя выраженія варварской патріархальности—у всѣхъ на устахъ. Въ дальнѣйшемъ памятникъ разбирается съ иной точки зрѣнія: дѣлается попытка опредѣлить его соціально-экономическое содержаніе, выдѣляется зерно политико-экономическихъ взглядовъ его составителя [1]).

«Домострой» не знаетъ народнаго хозяйства, какъ цѣлаго. Матеріальный бытъ подданныхъ составлялъ тогда еще одну изъ вѣтвей хозяйства властителя, который, по примѣру всѣхъ средневѣковыхъ князей, разсматриваетъ страну, какъ свое имѣніе Отсюда и «Домострой» могъ представлять собою только сводъ правилъ *домашней экономіи*, принципы которой, какъ принципы частнаго хозяйства, антагонистичны общественно-хозяйственнымъ, игнорирующимъ точку зрѣнія выгоды. Вмѣстѣ съ тѣмъ «Домострой» даетъ намъ картину замкнутаго и самодовлѣющаго полуфеодальнаго хозяйства, въ которомъ уже въ значительной мѣрѣ развиты потребности. Каково было въ ту эпоху крестьянское хозяйство, мы изъ этого памятника не узнаемъ, ибо «Домострой» не демократиченъ; правила его непригодны для всякаго русскаго хозяйства, а лишь для домоводства избранныхъ. Только князь, да большой бояринъ, имѣющій чревоугодливое настроеніе крѣпост-

[1]) Съ экономической точки зрѣнія подходили къ оцѣнкѣ Домостроя профессоръ *В. Лешковъ* («Древняя русская наука о народномъ богатствѣ и благосостояніи») и *А. Брикнеръ* («Иванъ Посошковъ»). Первый, пытаясь установить несуществовавшую въ дѣйствительности преемственность во взглядахъ Сильвестра, Волынскаго и Посошкова, приходитъ въ полное умиленіе отъ домостроевской проповѣди «правильнаго житія», которую считаетъ «истинно христіанскою философіею». Второй касается Домостроя лишь какъ небольшого эпизода предшествовавшей Петру эпохи

ника, большія владѣнія и множество домочадцевъ, могъ что-либо почерпнуть изъ наставленій московскаго протопопа. Въ этомъ, конечно, могла бы быть и положительная сторона сочиненія: онъ не могъ бы имѣть значительнаго распространенія въ массахъ, но вспомните хотя бы то, что говоритъ о тогдашнихъ массахъ Флетчеръ—и всѣ слова замираютъ на устахъ.

По своему матеріальному содержанію и по характеру изложенія «Домострой»—простая сводка практическихъ рецептовъ и лукавыхъ совѣтовъ, проникнутыхъ духомъ мелочного скопидомства и тревожной подозрительности. Это одна изъ разновидностей поученій въ той «разумной и трезвой» экономіи, которою во всѣ времена гордилось всесвѣтное мѣщанство. За рецептами лукулловскихъ постныхъ блюдъ и за перечисленіемъ средствъ сохраненія столь обильныхъ запасовъ, что имъ могли бы позавидовать наиболѣе прожорливые гоголевскіе персонажи, слѣдуютъ варварскія правила обращенія съ домочадцами и слугами и рядъ плутовскихъ совѣтовъ для производства выгодной покупки и прибыльной продажи. Особенно антипатична современному чувству послѣдняя, 64-я по счету, глава «Домостроя», содержащая «посланіе и наказаніе отца (т. е. самого попа Сильвестра) къ сыну (Анфиму)». Но, по крайней мѣрѣ, эта глава даетъ цѣльное впечатлѣніе, тогда какъ остальная часть представляетъ механическую смѣсь всевозможныхъ отрывковъ изъ пестрой книжной сокровищницы древней Руси. Чего тутъ только нѣтъ! И начало «Стоглава» Геннадія, патріарха Константинопольскаго, и «Измарагдъ» Златоуста и курьезный сборникъ «Златая чепь», и «Прологъ», и «Поученіе Серапіона Владимірскаго»...

Кромѣ всего этого, заимствованнаго «безъ ссылокъ на источники», попадаются краткія выписки изъ «Номоканона», изъ «Соборныхъ Постановленій» и пр. Послѣднія уже съ прямыми указаніями источниковъ. Такимъ образомъ, работа Сильвестра скорѣе редакторская, но чѣмъ больше историческая и филологическая критика развѣнчивала его, какъ самобытнаго автора, тѣмъ цѣннѣе становился этотъ памятникъ, какъ зеркало коллективной мысли эпохи.

Переходя къ самой экономикѣ Домостроя, необходимо замѣтить, что чисто хозяйственные вопросы занимаютъ 23 главы, что составляетъ около одной трети всей книги. Но ни въ одной главѣ нѣтъ ни единой общей мысли, кромѣ вульгарныхъ наставленій узкой прописной морали.

«Торгуй полюбовно, а деньги плати вручъ».—«Хотя и ненадобе, а дешево—купи».—«Запасено слишкомъ—на томъ деньги будутъ съ прибылью».—Вотъ важнѣйшіе хозяйственные тезисы «Домостроя». Не спасаютъ убогости содержанія и вкрапленныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ филантропическія декламаціи въ лицемѣрно-елейномъ стилѣ. Напримѣръ: «Смирена Богъ любитъ, а покорѣному Богъ благодать даетъ», или: «нынѣ домочадцы наши всѣ свободны, живутъ у насъ по своей волѣ» и пр.

Какую же эпоху характеризуетъ Домострой, разъ онъ повторяетъ положенія столь, какъ мы видѣли, различныхъ памятниковъ?

Домострой не старъ: древнѣйшій списокъ, по даннымъ палеографіи, относится къ первой половинѣ XVI вѣка. На то же указываютъ и его тенденціи: Домострой вѣренъ своей эпохѣ—онъ бюрократиченъ и буржуазенъ. Его первая половина составлена, какъ то видно изъ указаній спеціалиста-изслѣдователя, въ началѣ XVI или въ концѣ XV вѣка и, притомъ, ярымъ сторонникомъ усиленія царской власти Московскаго государства; вторая—писана не позже XV вѣка богатымъ новгородцемъ, промѣнявшимъ тревожную вольность вѣчевика на сытое спокойствіе царскаго холопа [1]). Судя по значительному числу списковъ, московская знать зачитывалась Домостроемъ, но въ петербургскую эпоху онъ былъ совершенно забытъ. Вновь этотъ памятникъ сталъ извѣстенъ со времени его перваго напечатанія, т. е.

---

[1]) *Некрасовъ, И. С.*: «Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя». Изданіе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва, 1873 г., стр. 137. Некрасовъ полагаетъ, что кромѣ двухъ указанныхъ частей, третью часть Домостроя составляетъ болѣе древнее его ядро, «продомострой», по его терминологіи. Авторъ высказываетъ также предположеніе, что Сильвестру, быть можетъ, принадлежитъ компиляція: приспособленіе этого новгородскаго памятника къ московскимъ условіямъ.

съ 1849 года [1]), послѣ чего онъ нѣсколько разъ переиздавался [2]).

Намъ остается сдѣлать общую характеристику соціальнаго настроенія Домостроя.

Узость общественнаго кругозора и интеллектуальная приниженность допетровской Руси вполнѣ отразились во взглядахъ на народное хозяйство и благосостояніе, содержащихся въ Домостроѣ, во всемъ его направленіи и сентенціяхъ. Онъ типичный образчикъ московскаго самодержавія и всѣхъ тенденцій допетровской Руси. «Образъ воспитанія»,—какъ говоритъ, образно характеризуя эпоху, Флетчеръ (гл. XII),—«чуждый всякаго основательнаго образованія и гражданственности и признаваемый властями самымъ лучшимъ для государствъ и вполнѣ согласнымъ съ образомъ правленія», наложилъ на все свою неизгладимую печать, усиливая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и контрастъ съ Западомъ. И, дѣйствительно, въ ту эпоху, когда смѣлая мысль европейца уже формулировала высокій соціальный идеалъ, въ то время, когда на Западѣ становились ходячими многіе изъ боевыхъ девизовъ и тезисовъ современности, наши «лучшіе люди» благоговѣйно твердили сомнительныя положенія убогой и лицемѣрной мудрости раболѣпствующихъ подъячихъ.

Итакъ, съ точки зрѣнія современной оцѣнки,—а она для того времени во многомъ допустима,—гордость вѣка, знаменитый Домострой—удивительная смѣсь наивнаго и невѣжественнаго варварства съ коварнымъ смиреніемъ и самоувѣренностью. Читая этотъ памятникъ, не знаешь, чему больше удивляться: дикой ли грубости нашихъ предковъ или печальной скудости ихъ общественной мысли. Жестокость и приниженность даже у домаш-

---

[1]) Изданъ впервые *Сахаровымъ* во II томѣ его «Сказаній русскаго народа» и въ томъ же году *Д. Голохвостовымъ* («Домострой попа Сильвестра») во «Временникѣ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ».

[2]) Таковы изданія: 1) Императ. Общ. Исторіи и Древн. Росс., 1881 г., 2) *В. Я. Яковлева*, Москва, 1887 г., 3) *А. Н. Чудинова* въ его «Русской классной библіотекѣ», Спб., 1891.—Полное заглавіе Домостроя, по нѣкоторымъ спискамъ, слѣдующее: «Книга, глаголемая Домострой, имать въ себѣ вещи, зѣло полезны во ученіе и наказаніе всякому христіанину, мужу и женѣ, чадомъ и рабомъ и рабынямъ».

няго очага! И никакого противовѣса, ничего, что могло бы компенсировать этотъ безпросвѣтный эгоизмъ, это животное себялюбіе! Участь русскаго человѣка того времени несравненно печальнѣе, чѣмъ раба античнаго Рима или франконскаго виллана въ самую темную эпоху средневѣковаго варварства: у нихъ есть хоть свой Спартакъ, свой Флоріанъ Гейеръ. Гнѣвное возмездіе, кровь и огонь подымали по временамъ человѣческое достоинство угнетенныхъ. И въ мірѣ идей всегда создавался серьезный противовѣсъ мѣщанской пошлости и злорадному филистерству. Такъ, рядомъ съ древне-греческимъ варіантомъ Домостроя, съ «Экономіею» Ксенофонта,—свободолюбивая мысль грека создала сурровую политику Аристотеля и вдохновенную, заоблачную утопію Платона. Такъ, рядомъ со скопидомными поученіями европейскаго Сильвестра—«заточника въ Бари» и одновременно съ плоскими выходками италіанскаго Домостроя Пандольфини, средневѣковый европеецъ грезилъ о Новомъ Сіонѣ анабаптистовъ, вѣрилъ въ «Вѣчное Евангеліе», зачитывался Томасомъ Моромъ и Компанеллою, бѣжалъ за Гуссомъ и Саванароллою... А у насъ... русскому Домострою нечего противопоставить. И зато Домострой и царствовалъ безгранично.

IV.

А. Л. Ордынъ-Нащокинъ.—Его экономическое міровоззрѣніе и начинанія во Псковѣ.

Ближе къ Петру затхлая атмосфера холопства и домостроевскихъ настроеній начинаетъ нѣсколько освѣжаться. Въ серединѣ слѣдующаго XVII вѣка находятся люди, высказывающіе сознательные взгляды на народное хозяйство въ его совокупности. Такъ, совершенно инымъ духомъ вѣетъ отъ предтечи просвѣтительной эпохи *Аѳанасія Лаврентьевича Ордына-Нащокина.* Проницательный и свободолюбивый, знаменитый бояринъ уже отрѣшается отъ національной замкнутости и шовинизма,—этихъ ужасныхъ язвъ московской Руси,—и вырабатываетъ самостоятельные политическіе и экономическіе взгляды. Онъ первый провозгласилъ у насъ правило: «доброму не стыдно навыкать и со

стороны, у чужихъ, даже у своихъ враговъ». И это правило, будучи человѣкомъ государственнымъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, и обладая реформаторскою натурою, онъ всю жизнь стремился осуществить на дѣлѣ.

Ордына-Нащокина нѣкоторые, наприм., проф. Ключевскій, совершенно справедливо называютъ первымъ русскимъ экономистомъ [1]). Онъ, дѣйствительно, первый понялъ, что домашнее хозяйство властителя и народное хозяйство не одно и то же. «Наблюденія надъ жизнью Западной Европы привели Нащокина къ сознанію главнаго недостатка московскаго государственнаго управленія, который заключается въ томъ, что это управленіе направлено было единственно на эксплуатацію народныхъ массъ, а не на развитіе производительныхъ силъ страны. Народно-хозяйственные интересы приносились въ жертву фискальнымъ цѣлямъ и цѣнились правительствомъ лишь какъ вспомогательныя средства казны. Изъ этого сознанія вытекали вѣчные толки Нащокина о развитіи промышленности и торговли въ Московскомъ государствѣ. Онъ едва ли не раньше другихъ усвоилъ мысль, что народное хозяйство само по себѣ должно составлять одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ государственнаго управленія. Нащокинъ былъ однимъ изъ первыхъ политико-экономовъ на Руси» [2]). Основнымъ факторомъ развитія народнаго хозяйства Нащокинъ считалъ *самоуправленіе*. Путемъ послѣдняго онъ и самъ пытался поднять производительныя силы промышленныхъ сословій стараго Пскова, гдѣ съ 1665 года онъ былъ воеводою.

Нащокинъ усматривалъ главные недостатки русской торговли въ духовныхъ свойствахъ самихъ торговцевъ. «Русскіе люди,—говоритъ онъ,—въ торговлѣ слабы другъ передъ другомъ», т. е. не держатъ даннаго слова, несолидарны и не умѣютъ противостоять иностранцамъ. И это не преувеличеніе. Флетчеръ свидѣтельствуетъ намъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ: «что касается

[1]) Брикнеръ эту честь приписываетъ Посошкову.

[2]) *Ключевскій, В. О.*, проф.: «А. Л. Ордынъ-Нащокинъ, московскій государственный человѣкъ XVII вѣка». Въ журн. «Научное Слово» за 1904 годъ кн. III, стр. 132.

до вѣрности слову, то русскіе бо́льшею частію считаютъ его почти нипочемъ, какъ скоро могутъ что-нибудь выиграть обманомъ и нарушить данное обѣщаніе. По истинѣ можно сказать, какъ вполнѣ извѣстно тѣмъ, которые имѣли съ ними болѣе дѣла по торговлѣ,—что отъ большого до малаго всякій русскій не вѣритъ ничему, что говоритъ другой, но зато и самъ не скажетъ ничего такого, на что бы можно было положиться. Эти свойства дѣлаютъ ихъ презрѣнными въ глазахъ всѣхъ ихъ сосѣдей» [1]).

Къ тому же недостатокъ денежныхъ капиталовъ и отсутствіе организованнаго кредита, стѣсненія администраціи и боязнь самозащиты—ставило все на шаткое основаніе, а невѣжество и взаимное недовѣріе подрывали въ корень всякое начинаніе. Попавъ во Псковъ воеводою, Нащокинъ издастъ особое положеніе о торговлѣ съ иноземцами, въ которомъ пытается бороться съ только что указанными недостатками. Съ этою цѣлью онъ устраиваетъ цѣлую систему патроната сильныхъ надъ слабыми. «Маломочные» торговцы распредѣляются «по свойству и знакомству» между крупными капиталистами, которые наблюдаютъ за ихъ промыслами. Земская изба выдастъ имъ изъ городскихъ суммъ ссуды для покупки русскихъ вывозныхъ товаровъ. Для торговли съ иноземцами учреждаются подъ Псковомъ двѣ двухнедѣльныя ярмарки съ безпошлиннымъ торгомъ, отъ 6-го января и отъ 9-го мая. Въ этихъ ярмаркахъ мелкіе торговцы на полученную ссуду при поддержкѣ капиталистовъ, къ которымъ приписаны, скупаютъ вывозные товары, записываютъ ихъ въ земской избѣ и передаютъ ихъ своимъ принципаламъ; тѣ уплачиваютъ имъ покупную стоимость принятыхъ товаровъ для новой закупки товаровъ къ слѣдующей ярмаркѣ и дѣлаютъ имъ «наддачу» къ этой покупной цѣнѣ «для прокормленія», а продавъ иноземцамъ довѣренный товаръ по установленнымъ бо́льшимъ цѣнамъ, выдаютъ своимъ кліентамъ причитающуюся имъ «полную прибыль». Такое устройство торговаго класса должно было сосредоточить обороты внѣшней торговли въ немногихъ

[1]) *Флетчеръ*: О государствѣ русскомъ. Изд. 1905 г., стр. 128.

крѣпкихъ рукахъ, которыя были бы къ состоянiи держать на надлежащей высотѣ цѣны туземныхъ товаровъ. Надо замѣтить, что вообще идея торговыхъ товариществъ была для того времени не нова. Во всей Западной Европѣ, начиная съ XVI вѣка, появляются купеческiе союзы, а англiйское товарищество—«братство святого Бекета»—славилось далеко за предѣлами своей родины. Правда, эти союзы, какъ равно возникшiя и у насъ позднѣе «кумпанства», преслѣдовали иныя цѣли, чѣмъ Нащокинскiе патронаты, но и послѣдние заслуживаютъ извѣстнаго вниманiя. Нащокинъ своими торговыми товариществами предполагалъ сблизить зажиточныхъ торговцевъ, богатыхъ буржуа города, съ торгующею посадскою массою. Это создавало извѣстную организацiю, основанную не только на внѣшнемъ сближенiи, но и на выгодѣ: по плану Нащокина патроны-капиталисты должны были доставлять хорошую прибыль своимъ клiентамъ, «маломочнымъ компанейщикамъ», а послѣдniе, въ видѣ посильнаго реванша, не «портили цѣнъ» остальнымъ.

Благодаря энергiи и такту Ордына-Нащокина, его товарищества осуществились. Они были прiурочены къ городской управѣ, которая превратилась въ своего рода ссудный банкъ для «маломочныхъ» и въ контрольное учрежденiе для ихъ патроновъ. Посадское Общество г. Пскова, при зависимости отъ него пригородовъ, получило возможность черезъ свой судебно-административный органъ руководить внѣшнею торговлею всего края. Но такой порядокъ, прiятный «маломочнымъ», былъ тягостенъ капиталистамъ. «Нащокинъ, какъ заводчикъ дѣла, попалъ,—говоритъ Ключевскiй,—межъ двухъ огней. Сохранилась челобитная, въ которой маломочные посадскiе псковичи извѣщаютъ Царя, что его государевъ указъ о новомъ положенiи они приняли, какъ милость, и дали на него приговоръ всѣмъ городомъ, но «нарочитые прожиточные люди», богачи, привыкшiе ворочать городскими дѣлами безъ мiрского вѣдома, оказали ему противодѣйствiе, а отъ городского совѣта отстали, и даже первые ихъ земскiе выборные, которые должны были вводить новое положенiе, его не одобряли, примыкая къ прожиточнымъ».

Ордынъ-Нащокинъ не оставилъ послѣ себя литературнаго

труда, и мы не можемъ болѣе близко точно установить его воззрѣнія. Можно думать, что онъ былъ довольно одинокъ и, по всей вѣроятности, мало понимаемъ.

То же можно сказать и о другомъ дѣятелѣ московской эпохи—о Юріи Крыжаничѣ, непосредственномъ предтечѣ Петра и Посошкова.

V.

Нѣсколько замѣчаній о Юріи Крыжаничѣ. — Характеръ его экономическихъ взглядовъ. — «Инструкція» Волынскаго.

Передъ нами замѣчательный ученый, первоклассный экономистъ, симпатичный и честный писатель, съ рѣдкою эрудиціею и тонкостью анализа. Но трагическая судьба его дѣлаетъ его имя надолго безвѣстнымъ. Крыжаничъ—жертва невѣжественности и бездушія московскаго приказнаго строя. Пришелецъ въ Московію, которую онъ заранѣе горячо полюбилъ, какъ восторженный славянофилъ и неисправимый идеалистъ, Крыжаничъ, повидимому, могъ бы многое дать своей новой родинѣ, если бы она не встрѣтила его суровою, безсмысленною и безпричинною ссылкою. И сосланный, онъ все же имѣлъ человѣколюбіе и мужество написать замѣчательное сочиненіе, изданное и оцѣненное только спустя... три столѣтія. Для современныхъ Крыжаничу россіянъ его искренія мысли остались совершенно невѣдомы и въ этомъ коренится причина, почему, при всемъ своемъ дарованіи и замѣчательной эрудиціи, Крыжаничъ не оказалъ вліянія и на все послѣдующее развитіе русской экономической мысли. Да, дѣятельность и идеи Крыжанича—большой трагическій эпизодъ русскаго общественнаго развитія, безъ корней въ предыдущемъ, безъ связей въ послѣдующемъ..

«При другихъ условіяхъ,—какъ вѣрно замѣтилъ Брикнеръ,—Крыжаничъ у своихъ современниковъ прослылъ бы реформаторомъ, знаменитѣйшимъ предшественникомъ Петра Великаго. Однако, онъ былъ ссыльнымъ, незамѣченнымъ, забытымъ. Современники не знали о томъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать на пользу Россіи. Современники не могли учиться у него. Его сочиненія,

столь богатыя содержаніемъ, оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». И не только историческая справедливость требуетъ остановиться на Крыжаничѣ: его сочиненія и понынѣ заслуживаютъ вниманія, а какъ историческій источникъ для сужденія о меркантилизмѣ—они неоцѣнимы [1]). Это становится особенно яснымъ при сравненіи его съ Сильвестромъ.

«Его кругозоръ несравненно шире кругозора «Домостроя», авторъ котораго едва заслуживаетъ названіе писателя экономиста, но Крыжаничъ, почти вовсе неизвѣстный на Западѣ и весьма мало извѣстный у насъ въ Россіи, принадлежалъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ писателей экономистовъ XVII вѣка» [2]).

И, дѣйствительно, въ главномъ трудѣ Крыжанича мы встрѣчаемъ рядъ главъ, посвященныхъ исключительно экономическимъ вопросамъ [3]).

Крыжаничъ—по своему направленію меркантилистъ, но взгляды его часто шире этого ученія.

На роль и задачи государственнаго управленія и на отношеніе его къ народному хозяйству Крыжаничъ смотритъ очень широко. «Не королевство для королей,—говоритъ онъ, — а короли для королевствъ». «Въ королевствѣ убогомъ»,—добавляетъ Крыжаничъ, — «не лѣстно быть королемъ». «Въ королевствѣ убогомъ и не общественномъ король не можетъ имѣть обстоя-

---

[1]) Его главное сочиненіе издано *Безсоновымъ* подъ темнымъ заглавіемъ: «Русское государство въ XVII столѣтіи».

[2]) *Брикнеръ*: «Иванъ Посошковъ», стр. 85.

[3]) Таковы: *Дѣлъ I. (О благу)*: разд. I. *О торговству*, разд. II. *О реместву*, разд. III. (О тежачеству).

Дѣлъ II. (Объ силѣ государства): разд. I. (О твердыняхъ), разд. II. (Объ оружію), разд. III. (О строяхъ военныхъ), разд. IV. (О ратникахъ), разд. V. (О воеводахъ), разд. VI. (О бесѣдѣ, именохъ и платьѣ), разд. VII. (О нравахъ, и объ неумѣтельности нашей; и что ины народы объ насъ судятъ (разговоръ Бориса съ Херводмъ), разд. VIII. *Объ русской земли, причины убожества и богатства, нуждъ и щастія*, разд. IX. (О русскихъ законахъ), разд. X. Отвѣтъ на инородческое лаяніе, злоумышленія и соблазны, разд. XI Объ общихъ народа нашего признакахъ и недостаткахъ, разд. XII Объ чужебѣсію, разд. XIII. Какими способы иноземцы бываютъ вредны народомъ разд. XIV. (О женихахъ русской короны).

тельнаго богатства»,—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. «Гдѣ законы добры,—разсуждаетъ нашъ авторъ, — тамъ домовиты и подданные, и радостно живутъ и чужимъ желаютъ (къ нимъ) прійти, а гдѣ законы лакомы, тамъ своевластные подданные желаютъ перемѣнъ государству».

Экономическое міровоззрѣніе Крыжанича сказалось въ цѣнномъ для меркантилизма положеніи: «та страна богата, въ горномъ дѣлѣ которой имѣются какъ *рудники* драгоцѣнныхъ металловъ, такъ и *произведенія* добывающей и обрабатывающей промышленности». Но въ то же время Крыжаничъ противъ монополій и монополистовъ, которыхъ называетъ «самотержцы», противъ фальсификаціи монетъ и небрежной системы налоговъ. Зато онъ рекомендуетъ устройство цеховъ («дружинъ»), банковъ («общая кладовая денегъ») и ломбардовъ («мылосердныхъ складовъ»).

О модной на исходѣ средневѣковья плохой чеканкѣ монетъ и о средствѣ извлекать такимъ путемъ доходъ Крыжаничъ говоритъ: «Сей способъ не токмо есть несправедливъ и полонъ грѣха, но и веле облуденъ». Мнимая прибыль правителей отъ порчи денежной системы является, по его мнѣнію, «истинною убылью и тщетою» для народа. Прибѣгать къ такому средству равносильно рискованной хирургической операціи; «злыхъ пѣнязь кованіе подобно отчаяннымъ смертнымъ лѣкарствамъ». И если постоянно ухудшать монету, то, какъ «кровь изъ открытой жилы»—«все благо изъ народа истечетъ».

Неумѣренное и неустанное обложеніе («обтяжченіе») населенія также встрѣчаетъ энергичный протестъ нашего экономиста. Пользуясь каждымъ случаемъ, онъ горячо защищаетъ интересы народа, или «людства», какъ онъ выражается. Что создается «безъ труда и пота», «безъ правы и терпѣнія», то, по глубокому убѣжденію Крыжанича, «временно и непрочно».

Широта взглядовъ Крыжанича не соотвѣтствовала эпохѣ приказовъ, застѣнка и повальнаго холопства. Онъ былъ столь же одинокъ, какъ и благородный Ордынъ-Нащокинъ.

Между тѣмъ на Руси наступали новыя времена. Центральная власть въ лицѣ Императора суровою рукою внѣдряла новыя идеи и новыя учрежденія. Всеобщая регламентація, опека, надзоръ стали девизомъ новой системы. Варварская, проникнутая духомъ поли-

цейскаго сыска и бюрократическаго цинизма «Инструкція для управленія имѣніемъ» Волынскаго (1740 г.), превосходно иллюстрируетъ систему организованнаго, все проникающаго *надзора* [1]). Когда забытая «Инструкція» была напечатана въ «Москвитянинѣ» (1854 г., №№ I—II), всѣ приспѣшники Николаевскаго режима приходили въ восторгъ отъ этого эмбріона будущей Управы Благочинія и III-го Отдѣленія. Полицейскій кодексъ меркантилизма, «Инструкція» Волынскаго, уже находится въ тѣсной связи съ новымъ теченіемъ — съ энергично вводимымъ въ жизнь меркантилизмомъ. Трудно придумать лучшую экономическую систему для самодержавія. Петръ I терроризировалъ ею страну, а политическій младенецъ Посошковъ довѣрчиво создалъ ей патріотическую идеологію.

---

[1]) На значеніе этой инструкціи кажется впервые обратилъ вниманіе изложившій ее подробно проф. *В. Лешковъ* въ статьѣ: «Древняя русская наука о народномъ богатствѣ и благосостояніи».

Физіократизмъ въ Россіи и начало изученія экономіи сельскаго хозяйства.

I.

Характеристика русскаго меркантилизма и появленіе физіократизма. — Его отраженіе на мѣрахъ и взглядахъ Екатерины.

Петровская эпоха, являющаяся для экономиста временемъ яркаго и послѣдовательнаго проведенія идей *меркантилизма*, имѣла своего идеолога въ лицѣ Ивана Посошкова. Этотъ замѣчательный не только для тогдашней сугубо-невѣжественной Россіи, но и для экономической науки своего времени писатель-самоучка закрѣпилъ на бумагѣ многое изъ того, что являлось основнымъ и типичнымъ для его времени. Но Посошковъ, развивая взгляды, очень близкіе, какъ доказалъ Брикнеръ, къ воззрѣніямъ англійскаго меркантилиста Валтера Раллея и голландца Питера де-ла-Кура [1]), не былъ ученымъ теоретикомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, а лишь публицистомъ-практикомъ, публицистомъ-патріотомъ, оптимистически мечтавшимъ о разнаго рода реформахъ въ духѣ меркантилизма.

Да и нашъ меркантилизмъ сильно разнился отъ европейскаго. Послѣдній являлся идеологіею новыхъ нарождавшихся классовъ: торговцевъ, промышленниковъ, горожанъ. Эмансипація и объединеніе городовъ, ростъ бюргерства, паденіе феодализма и схоластики, развитіе новыхъ формъ торговли и промышленности,—все это создавало новые классовые инте-

[1]) *Брикнеръ, А.*: «Иванъ Посошковъ». Ч. I. Посошковъ, какъ экономистъ Спб., 1876 г., стр. 178—191.

ресы, грубо выдвигало впередъ заботы о развитіи денежнаго хозяйства, о развитіи духа инициативы и индивидуализма. Ничего подобнаго въ Россіи, не знавшей ни цеховъ, ни бюргерства, не было. Даже торговля и та была только побочнымъ занятіемъ при домостроевскомъ замкнутомъ помѣщичьемъ хозяйствѣ.

Очевидно, желая вступить на путь меркантилизма, Петру оставалось только насаждать его правительственными силами и сдѣлать его монополіею нейтральной власти. Меркантилизмъ такимъ образомъ у насъ не естественно развивался, а искусственно прививался, то-есть служилъ и предназначался для совсѣмъ иныхъ цѣлей и задачъ, чѣмъ меркантилизмъ западно-европейскій. Цѣли Петра были создать сильное внѣшнее политическое могущество, хотя бы за счетъ внутреннихъ силъ народа. Всѣ средства казны ставились на карту ради нуждъ арміи и флота. Изъ прекраснаго изслѣдованія проф. П. Н. Милюкова мы знаемъ, что расходы на эти нужды доходили до 96% всего бюджета [1]), а оставшіяся въ нѣкоторые годы средства шли на меркантилистическія предпріятія, преслѣдовавшія въ конечномъ итогѣ все тѣ же нужды милитаризма [2]).

Вся тяжесть нашего меркантилизма упала на крестьянство; эта тяжесть его окончательно поработила и помогла окрѣпнуть землевладѣльческому дворянству. Оно вскорѣ и выступаетъ какъ классъ со склонностью воспринять новую идеологію, которую окрѣпшее самодержавіе ему услужливо подсовывало. Но нашъ физіократизмъ былъ также мало сознательнымъ теченіемъ; это было наносное вѣяніе, черезчуръ благородное для реакціонныхъ и примитивныхъ интересовъ нашихъ дворянъ-крѣпостниковъ.

---

[1]) *П. Н. Милюковъ*: Государственное хозяйство въ Россіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія. 1 изд. Спб. 1902 г., стр. 162.

[2]) «Но военныя цѣли, — какъ совершенно справедливо замѣтилъ *проф. Г. фонъ Шульце-Геверницъ*,—не могли быть достигнуты тѣми средствами, какими пользовались западно-европейскія монархіи: организаціей денежнаго финансоваго хозяйства, опирающагося на буржуазію, ибо подобнаго класса не было въ Россіи. Поэтому центръ тяжести финансоваго хозяйства составляло подушное обложеніе государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ». (Очерки хозяйствен. быта Россіи, стр. 13).

Физіократизмъ, смѣнившій у насъ, какъ и на Западѣ, меркантилизмъ, такъ же какъ и послѣдній не имѣлъ представителя среди русскихъ экономистовъ и писателей по вопросамъ сельскаго хозяйства. У насъ не было ни одного теоретика и ученаго, котораго можно было бы назвать русскимъ физіократомъ. Вполнѣ правъ поэтому проф. П. Н. Милюковъ, говорящій въ одной небольшой замѣткѣ по этому вопросу, что «чистыхъ представителей физіократической теоріи въ Россіи не было», но что «вліяніе прикладныхъ выводовъ ихъ ученія сказалось въ первой половинѣ царствованія Екатерины II» [1]).

Симпатіи Екатерины къ физіократизму выразились въ рядѣ законовъ и мѣропріятій, въ Наказѣ, въ сношеніяхъ съ иноземными физіократами, въ учрежденіи извѣстнаго Вольнаго Экономическаго Общества. Во всемъ этомъ ясно выражено новое теченіе.

Такъ, Екатерина уничтожила привилегіи и монополіи фабрично-заводскихъ предпріятій, отмѣнила посессіонной порядокъ ихъ устройства и способствовала внѣдренію въ Россіи системы свободной конкурренціи. Ея экономическій либерализмъ отражается и на дѣтищѣ меркантилизма, на таможенной политикѣ: она вводитъ уже значительно отступающій отъ принципа протекціонизма таможенный тарифъ 1766 года.

Учрежденіе въ 1765 году Вольнаго Экономическаго Общества является событіемъ большой исторической важности въ дѣлѣ послѣдующаго развитія русской экономической науки вообще и сельско-хозяйственныхъ знаній въ частности. Екатерина содѣйствовала не только организаціи, но и первымъ шагамъ въ дѣятельности этого учрежденія. Изданіе Наказа и сношенія Екатерины еще точнѣе указываютъ на настроенія первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины.

Такъ, наприм., поскольку Посошковъ отводитъ первое мѣсто промышленности и торговлѣ и ратуетъ за протекціонизмъ, постольку Екатерининскій Наказъ возвеличиваетъ земледѣліе и

---

[1]) *Милюковъ, П. Н.*: Физіократы въ Россіи. Энциклоп. словарь Брокгауза и Эфрона. Спб., 1902, т. XXXV, стр. 694.

свободу торговли. Впрочемъ, Наказъ, къ которому мы еще вернемся, нельзя назвать произведеніемъ физіократическимъ: въ немъ много оговорокъ и отступленій отъ ученія Тюрго и Кене.

Поклонница Монтескье, Вольтера и энциклопедистовъ, особенно Дидро, Екатерина не могла не пожелать ближе познакомиться съ родственнымъ энциклопедизму ученіемъ. И, дѣйствительно, Екатерина пыталась вступить въ непосредственныя сношенія съ французскими физіократами, которые являлись какъ бы вѣтвью энциклопедистовъ—ея друзей и наставниковъ. Одного изъ нихъ, именно французскаго физіократа *Мерсье де-ла-Ривьера*, она даже выписывала въ Петербургъ, хотя, услыхавъ и увидавъ этого ученаго, она поспѣшила отъ него отлѣлаться.

II.

Екатерина II и физіократъ Mercier de la Riviere.—Экономическія идеи Наказа.

Мерсье де-ла-Ривьеръ хотя и былъ убѣжденнымъ монархистомъ, но смотрѣлъ на соціальные вопросы совсѣмъ иначе, чѣмъ Екатерина. Онъ находилъ страну совершенно неустроенною, рабство крѣпостныхъ—возмутительнымъ, порядки—архаическими. Не обладая тою осторожностью, которую проявилъ пріѣхавшій нѣсколько лѣтъ спустя послѣ него его единомышленникъ Дидро [1]), Ривьеръ, конечно, возбудилъ неудовольствіе Екатерины, стремившейся маскировать либеральною декламаціею истинное положеніе вещей.

Мерсье де-ла-Ривьеръ отрицательно взглянулъ на Россію съ ея крѣпостнымъ правомъ. Въ сохранившихся его двухъ письмахъ отъ времени поѣздки его въ Петербургъ, т. е. $176^{7}/_{8}$ гг., встрѣчаются суровые отзывы непонятаго русскимъ дворомъ экономиста и философа [2]).

«Въ Россіи, пишетъ онъ аббату Райналю въ октябрѣ 1767 г.,—еще все необходимо устраивать. Чтобы выразиться лучше, слѣ-

---

[1]) См. *Билъбасовъ*: Дидро въ Петербургѣ. Спб., 1884 г.

[2]) Они найдены и изданы *Билъбасовымъ*, *В. А.* въ приложеніи (I, 2) къ его изслѣдованію: «Дидро въ Петербургѣ», Спб., 1884 г.

довало бы сказать, что въ Россіи все необходимо уничтожить и затѣмъ вновь создать. Вы хорошо понимаете, что произволъ деспотизма, абсолютное рабство и крайнее невѣжество глубоко укоренили всевозможныя злоупотребленія, ибо нѣтъ растенія болѣе плодовитаго, болѣе трудно искоренимаго, чѣмъ злоупотребленія. И они растутъ повсюду, гдѣ только ихъ культивируетъ невѣжество». Въ другомъ мѣстѣ того же письма М. де-ла-Ривьеръ пишетъ: «Культура земли находится въ Россіи совсѣмъ не въ томъ положеніи, въ какомъ она могла бы и должна бы быть. Потребленіе всегда служитъ соотвѣтствующимъ указателемъ производительности, но какое же потребленіе возможно среди рабовъ, которые не смѣютъ ничего ни произвести, ни показать, чтобы не привлечь къ этому взора ихъ господина?» Этимъ же де-ла-Ривьеръ объясняетъ скудость скота, жатвы и вообще всякаго достатка у крѣпостныхъ. «Вотъ почему, говоритъ онъ, повторяя наблюденія Наказа,—между рабами распространенъ обычай прятать деньги, которыя они могутъ пріобрѣсти, и уже только поэтому одному деньги могутъ быть рѣдкими въ Россіи» [1]).

Теперь выяснены отношенія Дидро къ Екатеринѣ: послѣдняя была лицемѣрна, фальшива и лжива съ великимъ французомъ Ея извѣстные «отвѣты» на его 88 письменныхъ вопросовъ доставили бы удовольствіе жрецамъ дельфійскаго оракула или отцамъ іезуитамъ. Съ теченіемъ времени и внѣшняя маска почтенія передъ Европою исчезла.

Уже въ письмѣ къ Вольтеру Екатерина саркастически говоритъ о де-ла-Ривьерѣ, что онъ «считалъ русскихъ за четвероногихъ и очень любезно соглашался принять на себя трудъ поставить ихъ на заднія ноги». Правда, Вольтеръ самъ высмѣялъ лучшую работу этого физіократа «L'ordre naturel des sociétés politiques» въ безсмертной сатирѣ «L'homme aux quarante écus»; правда, и де-ла-Ривьеръ сдѣлалъ непростительную ошибку,

---

[1]) «Они закапываютъ, говорится въ Наказѣ,—въ землю деньги свои боясь пустить оныя въ обращеніе; боятся богатыми казаться; боятся, чтобы богатство не навлекло на нихъ гоненія и притѣсненія». (Гл. XII, 276). Да и знаменитый «Денисъ» взглянулъ на русскія условія не снисходительнѣе, хотя ихъ ему вполнѣ сознательно извращали.

искренне повѣривъ либеральной декламаціи Екатерины, но все это уже предвѣщало скорый разрывъ. Онъ наступилъ въ слѣдующемъ десятилѣтіи, когда Екатерина жалуется на назойливость непрошенныхъ совѣтниковъ, развязно величаетъ «экономистовъ», какъ тогда называли физіократовъ, «дурачьемъ» и «крикунами». За критикою былыхъ друзей наступила и измѣна ихъ принципамъ въ практическихъ мѣропріятіяхъ. Прежде поборница свободы, Екатерина уже стоитъ на скользкомъ пути оправданія ограниченій. «Я не сторонница запрещеній, но полагаю, что нѣкоторыя изъ нихъ введены съ цѣлью устраненія неудобствъ и было бы неблагоразумно и опрометчиво ихъ касаться». Вскорѣ вся экономическая политика Екатерины радикально измѣняется въ сторону охранительной и протекціонной системы. Физіократизмъ былъ навсегда оставленъ и забытъ.

Но если опытъ съ де-ла-Ривьеромъ былъ неудаченъ, то направленіе его идей все же, хотя и временно, но отразилось на міровоззрѣніи Екатерины. Мы видимъ, что экономическія идеи Наказа навѣяны физіократами и тѣмъ ученіемъ о необходимости для центральной власти поддерживать размноженіе народонаселенія, которое было модно въ популяціонистикѣ XVIII столѣтія.

Такъ, восхваленіе сельскаго хозяйства, какъ важнѣйшаго фактора народнаго богатства, — этотъ основной девизъ физіократизма,— цѣликомъ отразилось и въ Наказѣ «Не можетъ быть тамъ ни искусное рукодѣліе, ни твердо основанная торговля,—гласитъ 293 статья Наказа,—гдѣ земледѣліе въ уничтоженіи, или нерачительно производится» [1]). «Земледѣліе есть самый большой трудъ для человѣка»,—«земледѣліе есть первый и главный трудъ, къ которому поощрять людей должно», говорится нѣсколько далѣе.

Но земледѣліе не можетъ быть успѣшнымъ въ старомъ аграрномъ, полукоммунистическомъ строѣ. Только экономическій

---

[1]) «Наказъ», глава XIII, стр. 101. Всѣ цитаты, какъ настоящая, такъ и послѣдующія, взяты изъ изданія 1893 года (*Л. Ф. Пантелѣева*).

индивидуализмъ, только частная собственность могутъ дать прочное основаніе для земледѣлія. Эта мысль, проникавшая черезъ многія сочиненія физіократовъ и вскорѣ ярко формулированная однимъ изъ величайшихъ индивидуалистовъ буржуазіи—Адамомъ Смитомъ,—всегда занимала Екатерину II.

На эту тему она даетъ первую свою премію Вольному Экономическому Обществу, на этотъ же смѣлый и опасный, по мнѣнію современниковъ[1]), вопросъ она категорически отвѣчаетъ въ Наказѣ: «не можетъ земледѣльчество процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго»[2]).

Раціональными пріемами къ веденію въ Россіи земледѣлія Екатерина считала «побужденіе закономъ» (ст. 297), «награжденіе» лучшихъ земледѣльцевъ (ст. 299) и «изданіе правительствомъ книгъ о земледѣліи, изъ которыхъ каждый крестьянинъ можетъ во своихъ недоумѣніяхъ пользоваться наставленіями» (ст. 302).

По вопросу о торговлѣ, промышленности, машинахъ Екатерина уже не стоитъ на столь опредѣленной точкѣ зрѣнія, а скорѣе на средней, примирительной, хотя и съ явнымъ предпочтеніемъ въ сторону либерализма.

По важному вопросу о свободѣ торговли она уклончиво замѣчаетъ, что «торговля оттуда удаляется, гдѣ ей дѣлаютъ притѣсненіе, и водворяется тамо, гдѣ ея спокойствія не нарушаютъ» (ст. 317). Она высказывается въ пользу уничтоженія таможенныхъ откуповъ и введенія облегченной системы показаній «на вѣрѣ», но признаетъ необходимость таможни («гдѣ есть торги, тамъ есть и таможни»). Ея таможенная политика и отношеніе къ вопросу о свободѣ торговли и протекціонизму

[1]) Мы знаемъ изъ Исторіи Вольнаго Экономическаго Общества, составленной Ходневымъ, какъ подозрительно отнесся къ темѣ Екатерины весь комитетъ и какихъ усилій стоило либеральной группѣ послѣдняго добиться печатанія нѣкоторыхъ работъ, наприм. Барбье де л'Абейля, представленныхъ на соисканіе этой преміи.

[2]) Необходимость выбора между обѣими формами землевладѣнія занимала не одну Екатерину. Въ числѣ вопросовъ, предлагавшихся ей Дидро, имѣлся вопросъ: «Отсутствіе собственности у крестьянъ не ведетъ ли къ дурнымъ послѣдствіямъ?» («Questions et réponses», «Русскій Архивъ», 1880 г., кн. III, стр. 6).

выливаются въ форму *срединной* позиціи. «Государство,—говоритъ она,—*должно держать средину между таможнею и торговлею* и дѣлать такія распоряженія, чтобы сіи двѣ вещи одна другой не запутывали: тогда наслаждаются люди вольностью торговли» (ст. 323).

По вопросу о свободѣ промышленности Екатерина придерживается той же «золотой середины». «О цеховыхъ мастерствахъ и установленіи цеховъ для мастеровъ по городамъ еще состоитъ великій споръ: лучше ли имѣть цехи по городамъ, или безъ нихъ быть и что изъ сихъ положеній болѣе споспѣшествуетъ рукодѣліямъ и ремесламъ?» (ст. 400). Для Россіи Императрица предлагаетъ слѣдующій выходъ изъ дилеммы: «не то безспорно, что для заведенія мастерства цехи полезны: а бываютъ они вредны, когда число работающихъ опредѣлено», т. е., высказываясь формально за цехи, она желаетъ лишить этотъ институтъ его основного нерва—монопольнаго захвата производства, достижимаго только ограниченіемъ числа лицъ, входящихъ въ цехи.

Такъ же осторожно говорится въ Наказѣ и о волновавшемъ эпоху новшествѣ — о машинахъ. «Махины, которыя служатъ къ сокращенію рукодѣлія, *не всегда полезны*. Если что сдѣланное руками стоитъ посредственной (т. е. недорогой) цѣны, которая равнымъ образомъ сходна и купцу и тому, кто ее сдѣлалъ, то махины, сокращающія рукодѣліе, то-есть уменьшающія число работающихъ, во многонародномъ государствѣ будутъ вредны» (ст. 314). «Однако, замѣчается далѣе, надлежитъ различать то, что дѣлается для своего государства, отъ того, что (производится) для вывоза въ чужіе краи» (ст. 315).

Эта забота о «многолюдствѣ» государствъ, лежавшая въ основѣ системы народнаго хозяйства у всѣхъ экономистовъ XVIII вѣка, очень сильна и у Екатерины. Здѣсь она цѣликомъ и безъ колебаній примыкаетъ къ тѣмъ взглядамъ, которые высказывали въ XVII в.—Секкендорфъ, Конригъ, Локкъ, Петти, въ XVIII в.—Монтескье, Руссо и физіократы. Въ этомъ основномъ вопросѣ тогдашней экономіи и статистики Екатерина разобралась основательно. Особая, XII-ая, глава Наказа спеціально по-

священа вопросу «о размноженіи народа въ государствѣ». Согласно господствовавшему взгляду, заботы объ увеличеніи народонаселенія признавались важнѣйшею задачею государства, которое принимало всѣ мѣры для поощренія размноженія, сохраненія дѣтей и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно сознавалось, что размноженіе населенія стоитъ въ тѣсной связи съ формою производства: «страны луговыя, и къ скоговодству способныя, обыкновенно мало имѣютъ народа потому, что мало людей находятъ себѣ тамо упражненіе; пахотныя же земли большее число людей въ упражненіи содержатъ и имѣютъ» (ст. 273). Въ этомъ замѣчаніи Екатерина на столѣтіе опередила ученіе Левассера и мысли Доррінга по вопросу о соотношеніи народонаселенія съ формою производства.

III.

Вольное Экономическое Общество.—Программа фонъ-Клингштета.—Премія и тема Екатерины.—А. Т Болотовъ.—Англійская система.—Переводы Боудена, Шубарта фонъ-Клеефельда, Рогенбука и др.—Шубартовская система.—Шубартъ, Бланкенгагель, Рознотовскій.—Система Полтарацкаго.—Ливановъ и Левшинъ.

Весною 1764 года были первыя засѣданія новаго Вольнаго Экономическаго Общества, и вышла первая часть его «*Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества* къ поощренію въ Россіи земледѣлія и домостроительства».

«При неусыпномъ стараніи всѣхъ просвѣщенныхъ въ Европѣ народовъ о приведеніи себя поправленіемъ земледѣлія въ лучшее состояніе, что можетъ быть,—спрашивается въ «предувѣдомленіи» перваго тома Трудовъ,—нужнѣе и полезнѣе, какъ къ таковой же ревности побудить любезныхъ согражданъ нашихъ?» И не видя ничего иного болѣе полезнаго, редакція Трудовъ развиваетъ цѣлый планъ «къ ревности побужденія». Она ставитъ себѣ цѣлью «всѣ полезныя и новыя земледѣлія и экономіи, чужестранными народами понынѣ изобрѣтенныя и опытами уже извѣданныя матеріи, прилежно сообщать любезнымъ своимъ согражданамъ», затѣмъ, производить «собственные опыты» и «объ

успѣхахъ ихъ народъ увѣдомлять» и, наконецъ, «подробно узнать внутреннее состояніе здѣшнихъ провинцій, открыть ихъ недостатки и изыскать полезныя къ отвращенію тѣхъ недостатковъ средства». Послѣдняя задача приводила къ экономической анкетѣ и къ системѣ заданія темъ на премію, которыя были вскорѣ введены въ нашъ обиходъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ.

И первая тема и способъ установки премій были очень характерны для всей эпохи. «Неизвѣстная особа» прислала 1 ноября 1766 г. въ Вольное Экономическое Общество заявленіе «черезъ подъячаго ямской канцеляріи отъ секретаря Языкова», что ею объявляется конкурсная тема: «въ чемъ должна состоять собственность земледѣльца, въ землѣ ли его, которую онъ обрабатываетъ, или въ движимости, и какое онъ право на то или на другое для пользы общенародной имѣетъ».

Къ заявленію была приложена тысяча червонцевъ. Общество не особенно охотно пошло на встрѣчу желанію «неизвѣстной особы» и когда въ его канцелярію поступило до 160 отвѣтовъ на разныхъ языкахъ, оно не нашло возможнымъ ни печатать болѣе радикальные изъ нихъ, ни перевести на русскій языкъ такъ и на печатанную по-французски работу Барбье де л'Абейля, получившаго первую премію. Въ архивѣ Общества и до сихъ поръ хранится въ рукописи главная масса поступившихъ отвѣтовъ.

Не болѣе практичны были и результаты первой анкеты.

Программа этого перваго русскаго экономическаго обслѣдованія была составлена членомъ-основателемъ Общества Т. фонъ-Клингштетомъ и носила названіе: «Экономическіе вопросы, касающіеся до земледѣлія по разности провинцій». На нее послѣдовали многочисленные отвѣты, иногда блестяще характеризовавшіе отдѣльныя провинціи. Часть этихъ описаній провинцій была напечатана, а часть и до сихъ поръ хранится въ рукописяхъ въ забытомъ архивѣ Вольнаго Экономическаго Общества. И какъ мы смогли лично убѣдиться изъ дѣлъ послѣдняго, шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы XVIII в. были временемъ большого оживленія въ дѣлѣ европеизаціи многихъ сельскихъ хозяйствъ. Мы приводимъ далѣе свѣдѣнія о цѣломъ

рядѣ писателей и произведеній, выступившихъ въ это время и положившихъ начало развитію русской агрономической литературы и тѣсно связанной съ нею литературы по экономіи сельскаго хозяйства.

Первымъ нашимъ писателемъ по вопросамъ сельско-хозяйственной экономіи былъ Андрей Тимофеевичъ *Болотовъ* (7 окт. 1738 г.—7 окт. 1833 г.). Изъ его знаменитыхъ записокъ («Записки Болотова») [1]) видно, какое дѣятельное участіе принялъ онъ въ трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества, послѣ того какъ первый томъ работъ этого Общества попалъ къ нему въ деревню. Замѣчательную статью Болотова «О раздѣленіи полей» [2]), гдѣ онъ возстаетъ противъ рутиннаго трехполья и рекомендуетъ модную въ его дни мекленбургскую семипольную систему сѣвооборота, можно считать первымъ русскимъ оригинальнымъ разслѣдованіемъ по сельско-хозяйственной экономіи.

Въ 1778 и 1779 гг. Вольное Экономическое Общество кромѣ «Трудовъ» издавало еще «Сельскій Житель»,—первую русскую земледѣльческую газету, въ которой Болотовъ являлся единственнымъ сотрудниковъ. Послѣ закрытія «Сельскаго Жителя» Болотовъ, по приглашенію знаменитаго Новикова, издававшаго тогда «Московскія Вѣдомости», продолжалъ свое дѣло въ приложеніи къ вѣдомостямъ, называвшемся «Экономическій магазинъ» и издававшемся съ 1780 по 1790 г. Позднѣе Болотовъ сотрудничалъ въ журналѣ Московскаго Общества сельскаго хозяйства.

Болотовъ получилъ разностороннее, а также и свое естественнонаучное и сельско-хозяйственное образованіе за границею «Пребываніе Болотова за границею, — говоритъ К. Вернеръ,— совпало съ началомъ того стремленія къ улучшенію сельскаго хозяйства, которое во второй половинѣ XVIII вѣка охватило всю Западную Европу. Артуръ Юнгъ въ это время еще не появлялся, и наибольшимъ кредитомъ тогда пользовалась выгонная система полеводства, дававшая прекрасные результаты въ

[1]) «Записки А. Т. Болотова», 3 т. Приложеніе къ «Русской Старинѣ» 1870 г. 3-е изд. Спб., 1875 г.

[2]) *Бол. тожъ, А. Т.* О раздѣленіи полей. Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества за 1771 годъ, часть XVII, стр. 186.

Голштиніи и, по словамъ Маршаля, утроившая доходность земли въ Іоркширѣ. Въ первой четверти XVIII вѣка передовые хозяева Мекленбурга и Западной Пруссіи начали уже заводить эту систему въ своихъ имѣніяхъ, но ихъ попытки были встрѣчены правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ крайне несочувственно. Агрономическія улучшенія нерѣдко идутъ въ разрѣзъ съ интересами крестьянства и мелкихъ арендаторовъ; такъ оно было въ Англіи, гдѣ лэндлорды принялись за «огораживаніе» земель, такъ оно было и въ Мекленбургѣ, гдѣ помѣщики начали сгонять мелкихъ арендаторовъ, чтобы присоединить ихъ земли къ владѣльческой запашкѣ. Мекленбургскій герцогъ вступился за крестьянъ, помѣщики, по словамъ Теэра, принуждены были дѣйствовать скрытно, «публично опорачивая» новую систему полеводства. Но послѣ семилѣтней войны обстоятельства рѣзко измѣнились: война разорила крестьянъ и мелкихъ арендаторовъ, вслѣдствіе чего у многихъ помѣщиковъ на рукахъ осталось много земли, съ которою они не знали, что дѣлать. Тогда-то открыто заговорили о преимуществахъ мекленбургской системы полеводства.

«Вдругъ начали замѣчать, говоритъ Теэръ,—что многія помѣстья, весьма истощенныя трехпольнымъ сѣвооборотомъ, и въ коихъ годъ отъ году убавлялось количество навоза и запашки, посредствомъ вновь принятой системы весьма поправились и начали доставлять гораздо большіе урожаи». «Выгоды, получаемыя отъ сего рода хозяйства, продолжаетъ Теэръ, столь были очевидны, что начали эту систему почитать совершеннѣйшею изъ всѣхъ возможныхъ, и помѣщики тѣхъ странъ поспѣшили воспользоваться правами своими надъ поселянами, чтобы соединить всѣ свои пахотныя земли и раздѣлить ихъ на клины. Съ сего-то времени начали только познавать истинную цѣнность земли».

Весь этотъ процессъ происходилъ почти на глазахъ молодого Болотова. Поселившись въ деревнѣ, онъ продолжалъ слѣдить за нимъ по газетамъ и сельско-хозяйственнымъ сочиненіямъ. Изучая «экономическія сочиненія», авторъ, по его собственнымъ словамъ, всегда останавливалъ свое вниманіе на раздѣленіи по-

лей и разнообразныхъ способахъ пользованія землею. «Признаюсь,—говоритъ онъ, что сначала всѣ эти способы казались мнѣ непримѣнимыми къ русскому хозяйству, но когда я внимательно ихъ разсмотрѣлъ и изслѣдовалъ всѣ причины, мѣшавшія примѣненію ихъ у насъ, то пришелъ къ иному заключенію» [1]).

Результатомъ всѣхъ приведенныхъ выше мыслей и сомнѣній явилась выше названная статья Болотова «О раздѣленіи полей». Изложенныя здѣсь идеи онъ вскорѣ имѣлъ случай примѣнить и на практикѣ въ одномъ казенномъ имѣніи Московской губерніи, но опыты его, по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ, дальше выработки плана и первыхъ шаговъ не пошли. Онъ не забылъ своей системы и въ послѣдующіе годы въ своихъ журнальныхъ статьяхъ и замѣткахъ. Здѣсь же онъ впервые проповѣдовалъ и о необходимости введенія у насъ травосѣянія и о раціональномъ *садоводствѣ* [2]).

Почти единовременно съ появленіемъ статей Болотова началась серія переводовъ на русскій языкъ иностранныхъ агрономическихъ сочиненій, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается у насъ проповѣдь англійской («англинской») системы хозяйства.

Первымъ былъ переведенъ трудъ англичанина Томаса Боудена: «Наставникъ земледѣльческій», вышедшій въ Москвѣ, въ 1780 году, въ переводѣ профессора Десницкаго [3]). Выборъ страны

---

[1]) *Вернеръ, К. А.*: «Текстъ къ собранію портретовъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства». Отдѣльные оттиски изъ журнала «Вѣстникъ Сельскаго Хозяйства» Москва, 1902 г.

[2]) Результатомъ пятидесятилѣтнихъ занятій Болотова по садоводству былъ его обширный трудъ по русской помологіи: *«Изобрѣтеніе и описаніе разныхъ породъ яблокъ и грушъ*, ролящихся въ Дворенинскихъ, а отчасти въ другихъ садахъ». Значеніе этой работы ясно уже изъ того, что даже въ 1861 году она была переизлана въ «Журналѣ Садоводства» (*К. Вернеръ*, loc. cit. стр. 15).

[3]) Полное заглавіе этой книги слѣдующее:

Томасъ Боуденъ: Наставникъ земледѣльческій или краткое англинскаго хлѣбопашества показаніе. Въ пріуготовленіи земли новымъ способомъ подъ хлѣбъ, въ посѣвѣ, и удобреніе разнаго хлѣба разнымъ образомъ, въ поправленіи сѣнокосныхъ травъ, съ описаніемъ различныхъ ихъ питательныхъ свойствъ для скота, въ содержаніи луговъ и

и книги свидѣтельствуетъ о симпатіяхъ тогдашнихъ людей науки къ Англіи; впрочемъ, Десницкій являлся англоманомъ и въ силу своего обученія въ этой странѣ.

Въ своемъ предисловіи къ книгѣ Боудена, Десницкій, восхваливъ «Земледѣльческое художество», рекомендуетъ соотечественникамъ полное усвоеніе какъ общей постановки, такъ и системы сельско-хозяйственной культуры въ Англіи.

«Въ Англіи,—говоритъ переводчикъ,—никакихъ препятствій политическихъ земледѣлію теперь нѣтъ, и обработываемая тамъ земля повсемѣстно отдана въ торгъ, такъ что всякій желающій можетъ имѣть оную безпрепятственно; отъ чего вся Великобританія здѣлалась повсемѣстнымъ почти пахотнымъ полемъ», при этомъ цвѣтущее положеніе земледѣлія не зависитъ отъ «приставовъ и приказчиковъ», которыхъ такъ цѣнятъ въ Россіи. Для Россіи, по мнѣнію Десницкаго, только тогда можно ожидать такого же успѣха, когда «сами помѣщики предварительно по содержащемуся въ сей книгѣ способу не учинятъ опытовъ сперва на своихъ боярскихъ земляхъ», а потомъ уже на крестьянскихъ. Съ этою цѣлью Десницкій рекомендуетъ выписать всѣ необходимыя для земледѣлія орудія изъ Англіи, а также и «Фермера Англійскаго, коему отдать желаемое число *десятинъ земли* въ кортому на семь или на девятнадцать лѣтъ, какъ то водится въ Англіи, дать и *учениковъ* для наученія симъ способомъ производимому хлѣбопашеству Англѣскому». Менѣе состоятельнымъ хозяевамъ Десницкій совѣтуетъ прямо слѣдовать указаніямъ переведенной имъ книги Боудена.

Въ слѣдующемъ, 1781 году появляется уже и русское оригинальное сочиненіе, рекомендующее «любезнымъ соотечественникамъ» ту же англійскую систему. Это небольшая книжка

паствъ по новому употребленію пахотныя земли подъ сѣно, со многими къ тому принадлежащими начертанными орудіями и поправленіями, каковыми вся сія книжка наполнена, и издана на англійскомъ языкѣ *Томасомъ Боуденомъ* славнымъ земледѣльцемъ въ провинціи Кентъ, а переведена на россійской языкъ и притомъ изъ наилучшихъ Англійскихъ земледѣлій писателей пріумножена и пополнена профессоромъ *Семеномъ Десницкимъ*. Въ Москвѣ, въ университетской типографіи, у *Н. Новикова*, 1780 г.

Андрея Симборскаго: «Описаніе практическаго англинскаго земледѣлія» [1]). Книжка Симборскаго выходила изъ того же кружка лицъ, что и предыдущая: редакція Десницкаго, типографія Новикова.

Симборскій не совсѣмъ основательно указалъ на англійскихъ писателей, какъ на источники своихъ свѣдѣній: онъ ссылается на всѣхъ еще въ средніе вѣка любимыхъ агрономическихъ писателей, какъ Колумелла или Плиній; среди же англичанъ руководителями автора являются Гомъ, Арботномъ и, главнымъ образомъ, Артуръ Юнгъ; попадаются ссылки на Линнея и «Лорда Бакона».

Въ книжкѣ разсматриваются «общія примѣчанія о земляхъ», которыя различаются по влажности, крѣпости и другимъ внѣшнимъ признакамъ. За отсутствіемъ свѣдѣній по агрономической химіи, тогда еще только зарождавшейся, «неложные знаки качества земли» узнавали по «естественнымъ произрастѣніямъ, напр. Тиміанъ или Чеберъ показываютъ хорошую землю для корма скотины, Буковица и Земляника означаютъ землю угодную для лѣсовъ, Ромашка родится на рыхлой землѣ и т. д.» (стр. 11). Разобравъ черноземъ, суглинокъ, глинистую, «хряшеватую», песчаную, мѣловатую, авторъ переходитъ къ доказательствамъ необходимости перемѣны растеній въ полѣ, что по его мнѣнію вызывается разнымъ строеньемъ ихъ корней. Затѣмъ рекомендуется удобреніе (навозъ, мергель и зола) и разбираются культуры отдѣльныхъ хлѣбовъ.

Итакъ, первою системою полеводства, у насъ пропагандируемою, была система «англійскаго» хозяйства. Десницкій, Самборскій, Комовъ, Ливановъ, Бакунинъ и другіе наши агрономы очень увлекались этою системою, которая была введена въ рядѣ крупныхъ помѣстій. Она являлась системою безъ обязательнаго сѣвооборота, но покоилась на одномъ правилѣ, а именно, чтобы при всѣхъ

---

[1]) Полное ея заглавіе Описаніе практическаго англинскаго земледѣлія. Собранное изъ разныхъ Англинскихъ Писателей Андреемъ Афанасьевичемъ г. *Симбирскимъ*, протоіереемъ, находящимся при Россійскомъ посольствѣ въ Лондонѣ; изданное подъ смотрѣніемъ г Профессора Семена Десницкаго, въ Москвѣ, въ Университетской типографіи, у Н. Новикова, 1781 г.

комбинаціяхъ, которыя могли прійти въ голову изобрѣтательному хозяину, злаки чередовались съ корнеплодами Наименованіе «англійскимъ» укрѣпилъ за этою системою Вернеръ, ссылаясь на такое же наименованіе его старыми агрономами [1]).

Послѣ Боудена у насъ переводился и рекомендовался нѣмецкій агрономъ Шубартъ фонъ-Клеефельдъ, прославившійся введеніемъ въ сѣвооборотъ клевера, за что онъ былъ возведенъ въ дворянское достоинство. Это была уже иная, не «англійская», а «Шубартова» или, какъ ее часто тогда называли, «Коппельная» система земледѣлія.

Съ появленіемъ въ русскомъ переводѣ книги Шубарта и Россія стала мѣстомъ столь же шумной, хотя и весьма кратковременной пропаганды идей этого агронома. «Славный Шубартъ». «рыцарь клевера»,— нашелъ у насъ цѣлый рядъ поклонниковъ среди которыхъ выдѣляется извѣстный дѣятель того времени генералъ Егоръ Ивановичъ Бланкеннагель, кстати сказать и піонеръ русскаго сахарнаго дѣла Бланкеннагель въ началѣ 90-хъ годовъ побывалъ въ саксонскихъ имѣніяхъ Шубарта,—въ мѣстѣ паломничества всѣхъ тогдашнихъ прогрессивныхъ хозяевъ,—и перенесъ систему Шубарта въ Россію, гдѣ примѣнялъ ее не только къ своему, но и къ крестьянскому хозяйству.

Труды Шубарта были, по свидѣтельству современниковъ, настольною книгою каждаго нѣмецкаго агронома, а его русскій адептъ, Бланкеннагель, скоро заслужилъ тоже уваженіе среди своихъ соотечественниковъ. «Наши старые агрономы очень цѣнили Бланкеннагеля. О немъ съ большимъ почтеніемъ упоминаютъ Рознотовскій и Захаровъ» (Вернеръ, стр. 17). Рознотов-

[1]) «Такое названіе прямо соотвѣтствуетъ сути дѣла,—хозяйства этого типа были настоящими копіями съ англійскихъ и шотландскихъ фермъ. Во главѣ хозяйства обыкновенно стоялъ англичанинъ, часто называющійся «фермеромъ»; коренныя улучшенія почвы производились англійскими рабочими; на поляхъ работалъ инвентарь, либо выписанный изъ Англіи, либо построенный по англійскимъ образцамъ, скотъ былъ англійскій. Въ с. Вороновѣ (Подольскаго уѣзда, Московской губерніи) возвышался даже обелискъ, поставленный въ честь Артура Юнга, а сынъ послѣдняго въ 1807 году объѣзжалъ лучшія хозяйства для собиранія хозяйственныхъ и статистическихъ свѣдѣній Словомъ, все здѣсь напоминало Англію». (Вернеръ, ibid. стр. 33).

скій въ своей книгѣ «Новое земледѣлье» называетъ Бланкенагеля пионеромъ Шубартовской системы въ Россіи. За нимъ шелъ цѣлый рядъ подражателей (Ярославовъ, Поляковъ, Рознотовскій, Всеволжскій, Борисовъ, Угрюмовъ, Захаровъ и др.). Хозяйство самого Бланкенагеля было описано въ брошюрѣ Захарова: «Усадьбы или новый способъ селить крестьянъ и собирать съ нихъ помѣщичій доходъ» (С.-Петербургъ, 1801).

Въ Россіи «шубартовская система», т. е. его сѣвообороты, продержалась недолго. «Они,—говоритъ К. Вернеръ,—вывелись подъ вліяніемъ тѣхъ же соображеній, какъ и въ Германіи: съ одной стороны, новое ученіе о плодосмѣнѣ не допускало слѣдованія двухъ колосовыхъ хлѣбовъ другъ за другомъ, а съ другой — клеверомъ стали пользоваться не одинъ, а два года» (стр. 25). Вообще же, по всей вѣроятности, сѣвообороты Шубарта не удержались въ силу появленія такъ называемаго «клевероутомленія», т. е. полнаго истощенія почвы клеверомъ.

Необходимо упомянуть и о другомъ апологетѣ Шубарта, его переводчикѣ Рознотовскомъ, который издалъ въ 1794 году въ Москвѣ книгу «Новое земледѣліе» [1]).

«Нѣтъ истины», говоритъ Рознотовскій «любезнымъ соотчичамъ»,—«столь доказанной ученѣйшими мужами, какъ сія, что земледѣліе есть самый изобильнѣйшій и существеннѣйшій источникъ государственнаго и частнаго хозяйства». Вообще же Рознотовскій ратуетъ за новое земледѣліе, болѣе интенсивное, основанное на удобреніи и содержаніи скота въ стоялѣ и введеніи травосѣянія на пустовавшемъ ранѣе парѣ.

Помѣщикъ Дмитрій Марковичъ Полтарацкій пытался ввести у насъ еще и третью систему—«сѣворальную» или «рядо-полосную». Она заключалась въ примѣненіи машиннаго посѣва, причемъ самая машина соединяется съ плугомъ. Рядовая сѣялка, изобрѣтенная англійскимъ агрономомъ Кукомъ, могла примѣняться и для злаковъ и для корнеплодовъ. Но его идеи оказались практически не-

---

[1]) *Андрей Рознотовскій*, московской придворной экспедиціи членъ: *Новое земледѣліе*, основанное на правилахъ тайнаго совѣтника Іоанна Христіана *Шубарта фонъ-Клеефельда*, изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигѣ 1786 года третьимъ тисненіемъ. Москва (университетская типографія), 1794 г.

осуществимыми. Таковы всѣ три первыхъ нашихъ направленія въ агрономіи. Но ими литература не исчерпывалась. Такъ, передъ Шубартомъ фонъ-Клеефельдъ переводился Герцель, а послѣ Рогенбукъ [1]). Книжка послѣдняго—совершенно безцвѣтное произведеніе, нѣчто вродѣ краткаго и элементарнаго учебника.

Въ самомъ концѣ XVIII вѣка выступаютъ и еще два болѣе раннихъ русскихъ писателя—*Ливановъ* и *Левшинъ*.

Михаилъ Ливановъ въ своей книгѣ, вышедшей въ 1799 году и посвященной Потемкину [2]), совѣтуетъ слѣдующіе пріемы полеводства: «Раздробляй землю и приводи частицы оной до такой степени мѣлкости, чтобы растѣнія корни между оными могли свободно разширяться и доставать себѣ питательныя соки». Любопытно его опредѣленіе земли. «земля въ общемъ разумѣніи есть такое существо, которое въ водѣ распускается и мягчится такъ, что оное можно мѣсить какъ тѣсто». Ливановъ, помимо механической обработки («раздробляй землю» и пр.), рекомендуетъ также удобренія ея. Въ кругъ рекомендуемыхъ имъ удобреній входятъ: навозъ, «мѣловая глина», известь и «всѣ роды солей» (?).

Много болѣе плодовитымъ писателемъ, чѣмъ Ливановъ, былъ *Василій Левшинъ*. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ агрономическихъ сочиненій, изъ нихъ нѣкоторыя — громадныя по своимъ размѣрамъ. 1. «*Словарь ручной натуральной исторіи*». Москва, 1788 г. 2. «*Садоводство полное*». Москва, 1806 г. 3. «*Полное наставленіе, на гидростатическихъ правилахъ основанное, о строеніи мельницъ* каждаго рода: водяныхъ, также вѣтромъ, горячими парами, скотскими и человѣческими силами, въ дѣйствіе приводимыхъ, по которому каждый хозяинъ можетъ то производить. Со многими рисунками въ шести частяхъ со-

[1]) *Федоръ Рогенбукъ* «Руководство къ земледѣпашеству или главнѣйшія правила сельскаго хозяйства». Спб., 1792 г. Оно мало чѣмъ разнится отъ другого болѣе ранняго, но отечественнаго произведенія: «О земледѣліи, писано *Иваномъ Комовымъ*, кол. асессоромъ, Московскаго Директора Экономіи Помощника, земледѣлія и другихъ наукъ профессора и пр.». Москва (тип Пономарева), 1788 г.

[2]) *Ливановъ М.*, проф. земледѣлія: «О земледѣліи, скотоводствѣ и птицеводствѣ», въ Николаевѣ, 1799 г.

стоящее, переведено съ нѣмецкаго языка, съ приложеніемъ особливаго прибавленія о разныхъ новыхъ изобрѣтеніяхъ и прочихъ полезностяхъ въ хозяйствѣ». 6 т Москва (унив. типогр.). 1810—1811. 4. «*Книга для охотниковъ* до звѣриной и птичей ловли». Москва. 1814 г. 5. «*Русская поварня*» Москва. 1816 г. 6. «*Карманная книга для скотоводства*». Москва. 1817 г. 7. «*Огородникъ*, удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ до сего относящимся». Москва. 1817 г. 8. «*Цвѣтоводство подробное* или русская флора». 2 ч. Москва. 1826 г. и друг.

Всѣ работы Левшина—простыя, безъидейныя компиляціи, подходящія къ типу тѣхъ руководствъ, которыми и до сихъ поръ снабжаетъ Никольская хозяевъ «практиковъ» нашихъ глухихъ медвѣжьихъ угловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на «трудахъ» Левшина видно, что въ первыя два дсятилѣтія XIX столѣтія интересъ къ сельскому хозяйству отошелъ на второй планъ, уступивъ мѣсто другимъ симпатіямъ и задачамъ.

Кромѣ теоретиковъ въ эту же эпоху стали извѣстными и нѣкоторые сельскіе хозяева практики. Таковъ уже упомянутый Бланкеннагель. Затѣмъ въ началѣ столѣтія обращаютъ на себя вниманіе агрономы: англичанинъ Роджерсъ, графъ Ѳ. В. Ростопчинъ и проф. Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій [1]).

Но вернемся еще на минуту къ концу XVIII вѣка.

Параллельно съ научными изданіями тогда же началась работа по популяризаціи сельско-хозяйственныхъ знаній. Эта популяризація производилась въ духѣ того времени съ образнымъ морализированіемъ, съ правоучительными діалогами между добродѣтельными Правдиными, Мудромысловыми и Кривдиными, Обмановыми, Свиньиными и проч. Такова въ фонвизинскомъ духѣ книга «Деревенское Зеркало или общенародная книга, сочиненная не столько чтобы ее читать, но по ней исполнять» [2]).

Въ «Деревенскомъ Зеркалѣ» добродѣтельный помѣщикъ Честанъ

---

[1]) О нихъ у К. Вернера: «Текстъ къ собранію портретовъ». М. 1902.

[2]) Изданіе Вольнаго Экономическаго Общества, Спб., 1798 г. Это извлеченіе изъ большого рукописнаго труда, хранящагося, какъ мы убѣдились, и понынѣ въ архивѣ Вольнаго Экономическаго Общества и представленнаго

подробно наставляетъ своихъ крестьянъ во всѣхъ необходимыхъ имъ предметахъ. Книжки подобнаго рода, очевидно, имѣли успѣхъ, такъ какъ въ спискѣ именъ «особъ подписавшихся на эту книгу» я нашелъ требованіе свыше 225 экземпляровъ, т. е. на количество значительное для того времени.

Итакъ, послѣдняя четверть XVIII вѣка является у насъ начальнымъ временемъ развитія какъ спеціальныхъ агрономическихъ свѣдѣній, такъ и пробужденія интереса къ тѣмъ общимъ вопросамъ, которые входятъ въ область начинавшей зарождаться въ Россіи экономіи сельскаго хозяйства. Послѣдующее Александровское царствованіе мало подвинуло начатое при Екатеринѣ. Писатели, какъ Левшинъ, не шли дальше практической рецептуры и страдали полнымъ отсутствіемъ общихъ мыслей, синтеза и общихъ горизонтовъ.

Къ тому же, появленіе смитіанства (см. слѣдующая статья: «Появленіе ученія Адама Смита») на нѣкоторое время оттѣснило интересъ къ вопросамъ земледѣлія и сельско-хозяйственной экономіи. Этотъ интересъ проснулся нѣсколько позднѣе, въ Москвѣ, гдѣ вокругъ основавшагося въ 1818 году *Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства* сгруппировался рядъ талантливыхъ писателей и дѣятелей, какъ Масловъ, Павловъ, Шелеховъ и др.

IV.

Дѣятельность Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства въ связи съ появленіемъ въ русскомъ переводѣ знаменитой книги отца агрономической науки Теэра отдѣляетъ первый, такъ печально кончившійся періодъ пробужденія интереса къ сельской экономіи отъ новой эпохи, когда свѣтъ науки и болѣе рациональная культура проникаютъ въ сельскую Россію. Вмѣсто маниловщины и узкой прописной морали «Деревенскаго Зерцала», вмѣсто совѣтовъ слѣпо подражать Англіи и удобрять землю «всѣми солями», появляется осмысленное знаніе научныхъ основъ земле-

---

въ свое время на премію. Какъ рукопись, такъ и напечатанная подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ ея часть снабжены наивными рисунками съ подписанными подъ ними нравоучительными стихами

дѣлія и практическое примѣненіе ихъ на родной нивѣ. Правда, «новое» еще рядъ долгихъ лѣтъ будетъ достояніемъ «верныхъ десяти тысячи», но все же одна изъ труднѣйшихъ задачъ будетъ сдѣлана добыто знаніе. И отнынѣ вопросъ уже сводится не къ тому, *что* именно нужно сдѣлать, а къ тому, *какъ* сдѣлать для массъ доступнымъ всѣ тѣ пріобрѣтенія, которыя уже давно являются достояніемъ привилегированныхъ культурныхъ одиночекъ.

Московское Общество Сельскаго Хозяйства, придерживаясь теоретическихъ взглядовъ московскихъ профессоровъ университета, само должно было, въ противовѣсъ Петербургскому, развить исключительно практическую дѣятельность. Вотъ что писалъ по этому поводу въ первомъ № журнала Общества «Земледѣльческій Журналъ» (1818 г., стр. 158—159): «Великая Екатерина, вскорѣ по вступленіи своемъ на Престолъ, обратила особенное вниманіе на улучшеніе въ Государствѣ земледѣлія и 1765 года учредила въ С.-Петербургѣ Вольное Экономическое Общество, снабдившее Россію хорошими объ удобреніи и обработаніи полей сочиненіями. Поощрямые наградою золотыхъ медалей, ученые удачно рѣшили многія хозяйственныя задачи, но диссертаціи никакъ не могли сочетать теоріи съ практикою. Давно надлежало завести земледѣльческую школу съ практическою фермою—и сіе-го исполняется во дни наши подъ покровительствомъ благодѣтельнаго Монарха Александра I. Добровольно составившемуся въ Москвѣ Обществу Сельскаго Хозяйства Онъ дарствуетъ на первоначальныя издержки значительную сумму денегъ и нѣсколько десятинъ земли близъ столицы, для образцоваго заведенія въ семъ родѣ. Все, издаваемое нынѣ въ свѣтъ симъ Обществомъ, будетъ, такъ сказать, въ очахъ совершаться для жителей Москвы. Близкое къ ней устроеніе опытнаго хутора привлечетъ туда любопытныхъ и будетъ занимательною прогулкою для тѣхъ, которые пожелаютъ свѣрить, печатаемыя въ семъ Журналѣ, открытія и наставленія съ самыми произведеніями природы».

Появленію знаменитой и, какъ говорятъ спеціалисты, не утратившей и до сихъ поръ своего значенія книги *Теэра* русская

сельско-хозяйственная экономія обязана *С. А. Маслову* [1]). Онъ перевелъ знаменитый многотомный трудъ Тээра: «Объ основаніяхъ раціональнаго сельскаго хозяйства» (М., 1830), который М. Н. Муравьевъ снабдилъ обширными примѣчаніями. Руководство это долго было единственною настольною книгою передовыхъ сельскихъ хозяевъ.

Въ эту эпоху прогрессомъ сельскаго хозяйства признавались: переходъ къ травосѣянію, искусственному удобренію, плодосмѣнной системѣ, къ изученію своей почвы и флоры.

Переходъ отъ трехполья къ плодоперемѣнному полеводству сталъ мечтою всѣхъ прогрессивныхъ сельскихъ хозяевъ. Въ посвященной этому вопросу книгѣ *Людвига Фишера*, вышедшей въ 1823 году [2]) и одобренной авторитетнымъ «Земледѣльческимъ Журналомъ» [3]), приводился рядъ образныхъ примѣровъ, и указывались практическіе пріемы для этого перехода.

Но раціональная постановка земледѣлія, какъ извѣстно, немыслима безъ естественно-научной основы. Много нужно было пережить нашей агрономіи, пока она дошла и осуществила это положеніе; впрочемъ, горячо написанная небольшая статья-докладъ Михаила Павлова: «О теоріи и практикѣ въ сельскомъ хозяйствѣ» [4]), даетъ цѣнное указаніе на высоту пониманія въ началѣ 20-хъ годовъ затронутаго вопроса. Въ такъ назыв. «практикѣ» Павловъ видитъ только рутинное повтореніе, изъ года въ годъ, «черезъ цѣлыя столѣтія и безъ малѣйшаго разсужденія» [5]), тѣхъ же самыхъ пріемовъ, а слѣдовательно, «безъ всякаго помышленія объ усовершенствованіи сельскаго хозяй-

---

[1]) Дѣятельность Маслова не ограничилась переводомъ Тээра,—хотя и это одно уже было, особенно по тому времени, большою заслугою, — онъ много писалъ въ «Земледѣльческомъ Журналѣ», гдѣ излагалъ научные пріемы особенно отсталой у насъ сельско-хозяйственной техники.

[2]) *Людвигъ Фишеръ*. «Начертаніе руководства къ плодоперемѣнному хозяйству, съ показаніемъ примѣра перехода къ оному отъ трехпольнаго. Переводъ съ нѣмецкаго». Москва. Типографія Селивановскаго 2 ч. 1823 г.

[3]) «Земледѣльческій Журналъ», кн. VII за 1823 г., стр. 123.

[4]) *Земледѣльческій Журналъ*, издаваемый Императорскимъ Московскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства. № VII. Москва, 1823 г.

[5]) Тамъ же, стр. 45.

ства» Между тѣмъ, «къ совершенствованію сельскаго хозяйства приступить съ успѣхомъ можетъ только тотъ, кто имѣетъ понятіе о началахъ, на коихъ производства онаго основываются» [1]). «Познаніе сихъ началъ и показаніе, какъ симъ знаніемъ пользоваться, и есть *теорія*. Приведеніе теоріи въ дѣйствіе есть *практика*» [2]).

«И такъ, если подъ именемъ *теоріи* разумѣть не игру воображенія, не мечтательность такъ наз. прожектеровъ, но все то, что говорится и пишется безъ должной основательности; но знаніе дѣла въ отношеніи къ началамъ, по коимъ ходъ онаго направляется, а подъ словами: практика, разумѣется не все то, что дѣлается безъ понятія о семъ дѣлѣ, но приведеніе теоріи въ дѣйствіе: то предложенный вопросъ: что болѣе способствуетъ успѣхомъ сельскаго хозяйства,—теорія или практика?—хотя и кажется нѣкоторымъ нерѣшеннымъ, не основательнъ» [3]). «*Теорія отъ практики*, говоритъ далѣе Павловъ, принявъ сіи слова въ настоящемъ ихъ значеніи,—*никакъ отдѣлить нельзя*, одна неминуемо предполагаетъ другую; практика есть теорія въ дѣйствіи, а теорія есть практика въ мысли» [4]). Ссылаясь на примѣръ Запада и восхваляя «нѣкоторыхъ изъ именъ, внесенныхъ для безсмертія въ исторію сельскаго хозяйства» (труды Оливье де Серръ, Розье, Парматье, Артура Юнга, Кука, Шубарта, Теэра, Фелленберга), Павловъ заканчиваетъ свою статью указаніемъ, что «успѣхи сельскаго хозяйства приписываются (на Западѣ) не работникамъ, но людямъ высшей образованности, которые свѣдѣнія свои въ естественныхъ наукахъ старались приноровить къ земледѣлію» [5]).

Тотъ же *Павловъ* въ статьѣ: «О побудительныхъ причинахъ совершенствовать сельское хозяйство въ Россіи» («Земледѣльче-

---

[1]) Тамъ же, стр 47.

[2]) Тамъ же, стр. 47

[3]) Тамъ же, стр. 47.

[4]) Тамъ же, стр. 48.

[5]) Въ другомъ мѣстѣ того же журнала, стр. 110, другой авторъ (С. М—овъ) относитъ «земледѣліе» къ числу «*естественныхъ наукъ*, не могущихъ имѣть иного основанія, кромѣ опытныхъ свѣдѣній».

ский Журналъ» за 1823 г., кн VIII) горячо отстаиваетъ преимущества сельско-хозяйственной промышленности передъ другими отраслями народнаго хозяйства, мотивируя тѣмъ, что сельское хозяйство «превосходитъ всѣ средства, служащія къ составленію богатства», и что «имущества искусственныя получаются уже изъ естественныхъ», т. е. первичныхъ

Но «сельское хозяйство находится еще въ младенчествѣ» и какъ поднять его на надлежащую высоту?

«Мечтатели,—говоритъ Павловъ, — поставляютъ высоту оной въ томъ, *чтобы и послѣдній изъ простолюдиновъ разсуждалъ о политикѣ*», но «ужасныя событія, за образованностью сего рода въ новѣйшія времена послѣдовавшія, ясно показываютъ неестественность оной», поэтому образованіе простолюдину «должно состоять въ надлежащемъ разумѣніи дѣла своего званія», т. е сельско-хозяйственное образованіе. Послѣднее же цѣликомъ покоится на «*естествоиспытаніи*». Изъ практическихъ мѣръ Павловъ рекомендуетъ «*землеустроеніе и плодосмѣніе*». Другой авторъ прибавилъ къ этому «уничтоженіе неразмежованныхъ и черезполосныхъ владѣній» и осушеніе и орошеніе почвы (стр 192—197).

Высказавшій вышеприведенныя мысли М. Г. Павловъ, врачъ, проф. физики Московскаго университета, усиленно занимался и агрономіею, которую изучалъ за границею; онъ затѣмъ излагалъ ее и въ университетѣ, и внѣ стѣнъ его, въ публичныхъ лекціяхъ Ему Россія обязана появленіемъ и первыхъ разсадниковъ сельско-хозяйственныхъ знаній, а именно основанію «Земледѣльческаго Училища», и понынѣ существующаго въ Москвѣ, при Обществѣ Сельскаго Хозяйства, а также «Учебному хутору» при этомъ Училищѣ. Лучшимъ изъ многочисленныхъ трудовъ Павлова считается «Курсъ сельскаго хозяйства».

Другимъ извѣстнымъ агрономомъ былъ *Шелеховъ*, тверской помѣщикъ, написавшій популярную книгу: «Народное руководство въ сельскомъ хозяйствѣ» Онъ читалъ публичныя лекціи въ Петербургѣ и издалъ нѣсколько спеціальныхъ агрономическихъ сочиненій. Среди нихъ видное мѣсто занимаетъ: «Главныя основанія земледѣлія». М. 1826. Здѣсь Шелеховъ находитъ, что при

замѣтномъ общемъ ростѣ экономическаго успѣха Россіи отечественное «земледѣліе остается неподвижнымъ». Считая одною изъ причинъ послѣдняго невѣжество, онъ предлагаетъ желающимъ присылать къ нему на лѣто въ помѣстье молодыхъ крестьянъ для обученія управленіемъ земледѣльческими орудіями Но основною идеею его была пропаганда плодоперемѣннаго хозяйства и уничтоженіе нашего рутиннаго трехполья.

Тотъ же тверской помѣщикъ, Дмитрій Шелеховъ, оставилъ намъ любопытную картину той борьбы съ рутиною и стариною, которую ему пришлось выдержать за новую систему земледѣлія.

Веденное столѣтіями однимъ и тѣмъ же способомъ хозяйство въ сельцѣ Фроловѣ, гдѣ поселился Шелеховъ, «находилось въ печальной необходимости ожидать изобилія и урожаевъ отъ случайности погодъ, зависѣть только отъ благопріятныхъ для урожая годовъ, и страдать при малѣйшемъ ихъ измѣненіи». Невѣдѣніе заставляло быть «слѣпымъ исполнителемъ безотчетныхъ дѣйствій и предразсудковъ крестьянъ», степень успѣшности хозяйства которыхъ (у лучшихъ изъ нихъ) была руководящимъ образцомъ для каждаго «благомыслящаго» помѣщика.

Переломъ въ теоретическомъ міровоззрѣніи не могъ, въ концѣ концовъ, не отразиться и на практикѣ. Но реформа русскаго помѣщичьяго хозяйства, — а оно только, и то въ лучшей своей части, было доступно реформѣ,—произошла позднѣе, а именно въ 20-хъ годахъ. Въ то время, когда на общественной аренѣ героическое политическое движеніе, не опираясь на реальныя силы, не имѣло практическаго успѣха, незамѣтный глазу, но глубокій и чреватый послѣдствіями экономическій переворотъ не могъ быть остановленъ никакою внѣшнею силою.

Въ слѣдующей эпохѣ, 40-хъ и 50-хъ годахъ, русская сельскохозяйственная наука уже совершенно выбилась на правильный научный путь.

Появленіе ученія Адама Смита въ Россіи.

Физіократическія тенденціи, вызвавшія у насъ такое оживленіе общественной и литературной дѣятельности, просуществовали до начальныхъ лѣтъ XIX вѣка, т. е. значительно дольше, чѣмъ на Западѣ, гдѣ ученіе Адама Смита очень быстро вытѣснило это направленіе. Но у насъ дѣло не шло такъ быстро и надо вспомнить условія того времени, чтобы понять, что иначе могло произойти развѣ въ силу какого-либо особенно благопріятнаго стеченія обстоятельствъ. Лѣтъ сто тому назадъ, хотя и пресса и почта правильно функціонировали, но съ достаточною для того времени быстротою распространялись однѣ придворныя и политическія новости, дѣянія же въ сферѣ науки, литературы и искусства подолгу оставались безвѣстными интеллигентному міру. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и величайшее экономическое твореніе, экономическая система Адама Смита, въ цѣломъ своемъ видѣ долго оставалась у насъ неизвѣстною. Его «An inquiry into the nature and cause of the wealth of nations», появившееся въ Лондонѣ въ 1776 году, появляется въ русскомъ переводѣ впервые только спустя цѣлыхъ четверть вѣка. За это время въ самой Англіи уже вышло пять изданій одного смитовскаго текста и нѣсколько съ добавленіями другихъ экономистовъ [1]), а на континентѣ рядъ переводовъ на европейскіе языки [2]). Въ журналахъ и курантахъ, въ альманахахъ

[1]) Лучшее изъ нихъ трехтомное изданіе *William'a Playfair'a*, съ примѣчаніями и краткою біографіею А. Смита. Лондонъ, 1805 года.

[2]) Лучшіе первые переводы. нѣмецкій — Garwe, 1791 г.; французскій — Germain'a Garnier, 1802 г., датскій — Drabye, 1779 г.; испанскій — Alonzo Ortiz'a.

и вѣдомостяхъ конца восемнадцатаго вѣка не только не содержится изложенія основныхъ мыслей замѣчательнаго творенія «великаго шотландца», но нигдѣ нѣтъ упоминанія самаго имени Адама Смита. Оправданіемъ «любознательныхъ россіянъ» служитъ ихъ исключительное вниманіе къ Франціи, къ ея блестящимъ, краснорѣчивымъ и популярнымъ философамъ и къ тому грандіозному зрѣлищу, которое «являла міру» невиданная эпопея Великой Революціи и которое долго заслоняло собою всѣ интересы. Но то, что оправдывало общество, не можетъ быть простительнымъ ученымъ, академіи, всѣмъ этимъ дорого стоившимъ нѣмцамъ, выдававшимъ себя «за кладезь учености». Они ничего не говорили о Смитѣ, хотя трудъ Смита былъ для тогдашняго времени тоже немаловажнымъ явленіемъ и въ своей области производилъ революціонный переворотъ Вспомнимъ, что, по авторитетному мнѣнію профессора Онкена, Адамъ Смитъ произвелъ въ политической экономіи такой же переворотъ, какой его современникъ Эммануилъ Кантъ въ философіи. Изъ исторіи же экономической науки мы знаемъ, какое въ свое время громадное и немедленное вліяніе на науку и общественное мнѣніе Европы оказало появленіе творенія великаго шотландца. Но такъ было на Западѣ.

У насъ ученіе А. Смита въ систематическомъ видѣ стало доступно лишь въ 1804 году, т. е. со времени перевода его «Изслѣдованія» на русскій языкъ. До того же времени взгляды Смита, и притомъ лишь нѣкоторые, были доступны лишь самымъ тѣснымъ кругамъ русскаго образованнаго общества, имѣвшимъ возможность слушать лекціи и рѣчи московскихъ профессоровъ *Десницкаго* и *Третьякова*.

Оба этихъ ученыхъ познакомились съ доктриною Смита не изъ книгъ, а лично присутствуя на его лекціяхъ. Еще въ 1768 году они были посланы академіею наукъ въ Глазго (въ Шотландію), гдѣ тогда въ качествѣ профессора читалъ лекціи великій шотландецъ. Правда, тогда Смитъ еще не былъ извѣстенъ Европѣ какъ экономистъ, а лишь какъ философъ и талантливый представитель такъ называемой школы *нравственной философіи*. Теперь мы знаемъ, что взгляды Смита, какъ эконо-

миста, есть продолженіе ея философскихъ воззрѣній, но тогда, по всей вѣроятности, это не было ясно.

Во всякомъ случаѣ ни Десницкому, ни Третьякову не пришлось основательно познакомиться съ экономическимъ ученіемъ А Смита, во-первыхъ, потому, что время, когда они слушали Смита, приходилось почти за 15 лѣтъ до написанія его «Богатства народовъ»; во-вторыхъ, потому, что уже въ 1814 году Смитъ, уѣзжая на континентъ, прекратилъ чтеніе лекцій.

Болѣе талантливый изъ двухъ командированныхъ за границу аспирантовъ, Десницкій, интересовался преимущественно философской и юридической стороною ученія Смита и, заимствуя у него лишь общее направленіе, почти не обратилъ вниманія на Смитово ученіе о народномъ богатствѣ; зато его менѣе даровитый collega, Третьяковъ, именно на послѣдней сторонѣ дѣла остановился, а потому и смогъ сообщать и на лекціяхъ, а также въ своей рѣчи, — первомъ русскомъ сочиненіи, излагавшемъ Смита,—нѣкоторыя изъ основныхъ идей своего учителя, которыя, очевидно, уже и тогда опредѣленно формулировались Смитомъ.

Упомянутая рѣчь Третьякова: «Разсужденіе о причинѣ изобилія и медленнаго обогащенія государствъ какъ у древнихъ, такъ и у нынѣшнихъ народовъ» появилась въ 1772 году, т. е. за 4 года до опубликованія самимъ Смитомъ его знаменитаго труда. Но «Разсужденіе», какъ и лекціи Третьякова, конечно, не могли ни дать полнаго представленія объ А. Смитѣ, ни способствовать популяризаціи его воззрѣній.

Увлеченіе Смитомъ произошло значительно позднѣе, а именно, какъ мы уже сказали, въ 1804 году, когда почти единовременно трудъ А. Смита появился у насъ и въ изложеніи и въ переводѣ. Первое изложеніе мы нашли на страницахъ оффиціальнаго органа Министерства Внутреннихъ Дѣлъ: на страницахъ «*С.-Петербургскаго Журнала*», во второмъ отдѣлѣ, носившемъ названіе: «Разсужденія и извѣстія до внутренняго (?) управленія принадлежащія», появилось «Изложеніе ученія Адама Смита и сравненіе онаго съ ученіемъ французскихъ экономи-

стовъ» [1]). Здѣсь впервые бѣгло реферировались важнѣйшія положенія доктрины главы классической школы.

Еще болѣе ознакомилъ съ Адамомъ Смитомъ русское общество Христіанъ Шлецеръ [2]). Въ своей политической экономіи [3]) Шлецеръ, удѣляя достаточно мѣста основательной критикѣ физіократовъ [4]), находится подъ сильнымъ вліяніемъ Смита, на

---

[1]) Въ этомъ «толстомъ» журналѣ того времени, издававшемся, къ сожалѣнію всего шесть лѣтъ (съ 1804 по 1810 г.), удѣлялось мѣсто и для статей экономическаго характера Такова статья. «О свободномъ торгѣ золотомъ и серебромъ», помѣщенная въ томъ же 1804 году статьи 1) «Объ исключительныхъ привилегіяхъ и злоупотребленіяхъ ихъ», 2) «О роскоши», 3) «Нѣчто о существенномъ богатствѣ людей, о полезномъ употребленіи людей и о распространеніи торговли и земледѣлія», 4) «О бѣдности и о способахъ совершенно истребить нищенство». Въ 1806 году были напечатаны 1) «О началѣ и успѣхахъ торговли», 2) «О деньгахъ», 3) «О препятствіяхъ въ усовершенствованіи земледѣлія», 4) «О свободѣ торговли хлѣбомъ» и 5) «О роскоши и великолѣпіи» Въ 1807 г: 1) «Откуда правительство можетъ заимствовать деньги въ чрезвычайныхъ случаяхъ». изъ сочиненія Струензе, 2) «Должно ли правительство ободрять торговлю и фабрики предпочтительно земледѣлію» изъ Ферье и 3) «О торговыхъ запрещеніяхъ». оттуда же Въ послѣдніе два года (1808 и 1809) также помѣщались статьи о кредитѣ. налогахъ, о правѣ на изобрѣтенія, о свойствахъ хлѣбной торговли и о податяхъ вообще.

[2]) Шлецера, Шторка. Канкрина и нѣк. другихъ часто относятъ къ числу представителей такъ назыв. русско-нѣмецкой школы въ политической экономіи. Такъ дѣлаетъ, напр., Рошеръ въ своей исторіи политической экономіи въ Германіи, гдѣ онъ удѣляетъ этой группѣ экономистовъ значительное вниманіе. Но, строго говоря, выдѣлять названныхъ писателей въ особое направленіе нѣтъ никакихъ основаній.

[3]) Подлинное заглавіе этого забытаго, но превосходнаго для своего времени курса политической экономіи слѣдующее: «Начальныя основанія государственнаго хозяйства или науки о народномъ хозяйствѣ, сочиненныя Христіаномъ *Шлецеромъ*, надворнымъ совѣтникомъ и политики профессоромъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ». Далѣе слѣдуютъ два типичныхъ добавленія «переводъ съ нѣмецкаго (С Смирнова, магистра свободныхъ наукъ)» и «для употребленія обучающихся въ гимназіяхъ». 2 части. Москва, 1805—6 гг. Этотъ трудъ Шлецера былъ выдающимся для своего времени произведеніемъ и былъ переводимъ на языки нѣмецкій и французскій,—рѣдкая честь для русскаго автора того времени.

[4]) *Шлецеръ*: Начальныя основанія, ч. II, стр. 267—291. О школѣ физіократовъ Шлецеръ говоритъ, что она «составила во Франціи политическую секту, члены коей назывались экономистами или физіократами».

котораго онъ часто ссылается [1]) и котораго называетъ «славнымъ» [2]) Подъ большимъ вліяніемъ Смита, чѣмъ Шлецеръ, придерживавшійся и принциповъ прусской камералистики, находился другой экономистъ того времени — Гереншвандъ. Въ своей книгѣ, изданной по Высочайшему повелѣнію и озаглавленной. «О новѣйшемъ государственномъ хозяйствѣ» (Спб., 1807), авторъ называетъ А. Смита «знаменитымъ Англійскимъ писателемъ» (стр. 147) и признается въ заимствованіи у него важнѣйшихъ идей [3]). Подъ такимъ же сильнымъ вліяніемъ Смита находился извѣстный экономистъ того времени Шторхъ, хотя и знавшій, но не писавшій, впрочемъ, по-русски (о немъ см. ниже, въ статьѣ по исторіи статистики).

Послѣ Гереншванда Смита излагалъ проф. Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій [4]). Это былъ европейски образованный экономистъ, извѣстный, впрочемъ, болѣе какъ талантливый сотрудникъ Сперанскаго.

Онъ, въ бытность свою профессоромъ Педагогическаго Института, писалъ о «Ѳеоріи Адама Смитта» въ издававшемся академикомъ Карломъ Германомъ «Статистическомъ Журналѣ» [5]). Здѣсь Балугьянскій (или по невѣрной транскрипціи Кондырева Балудянскій) напечаталъ первый на русскомъ языкѣ очеркъ исторіи экономическихъ ученій: «Изображеніе различныхъ хозяйственныхъ системъ». Въ этой статьѣ прекрасно и послѣдовательно изложены воззрѣнія меркантилистовъ, физіократовъ («экономистовъ») и «ѳеорія» А. Смита. Кондыревъ въ восторгѣ отъ этого труда: «Изображеніе сіе показываетъ,—говоритъ онъ (стр. 248),—что оно писано мужемъ ученымъ и съ большимъ знаніемъ въ полити-

---

[1]) *Шлецеръ*, ч. II, стр. 141.

[2]) *Шлецеръ*, ч. II, стр. 27.

[3]) «Одинъ изъ первоклассныхъ писателей о Государственномъ Хозяйствѣ (Смиттъ), которымъ и я руководствовался отчасти, болѣе всѣхъ» и т. д. Гереншвандъ, стр. 92.

[4]) См. *П. Баранова*: Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій, статсъ-секретарь, сенаторъ, тайный совѣтникъ (1769—1847 г.). Біографическій очеркъ Спб. 1882 г. Его некрологъ, написанный *Н. Аладинскимъ*, былъ въ свое время помѣщенъ на страницахъ «Сѣверной Пчелы» (Спб. 1847 г., № 99) См также Энцикл. словарь Брокгауза, т. II, стр. 835.

[5]) Выходилъ только съ 1806 по 1808 г.; издано было всего 4 книжки

ческой экономіи; кратко и ясно представляетъ оно три главнѣйшія системы Государственнаго Хозяйства: 1) Систему, основанную на торговлѣ, богатство народное представляющую въ деньгахъ; 2) Систему экономистовъ,—въ необработанныхъ произведеніяхъ земли, и 3) Ѳеорію Адама Смитта,—въ трудѣ и мѣнѣ».

Послѣ Балугьянскаго Смита у насъ пропагандировали: въ 1812 году уже не разъ упомянутый Кондыревъ, въ 1817 году И. Нейманъ [1]) и свободолюбивый Карлъ Германъ [2]) отчасти Стройновскій [3]). Въ результатѣ имя Смита въ Александровскую эпоху стало очень популярно. Мы всѣ знаемъ прелестное мѣсто изъ біографіи Евгенія Онѣгина, гдѣ поэтъ даетъ слѣдующую характеристику:

«За то читалъ Адама Смита
И былъ глубокій экономъ,

---

[1]) *Нейманъ Иванъ*, проф: «Изслѣдованіе правилъ политической экономіи по системѣ Адама Смита», изд. Главнымъ Правленіемъ Училищъ Спб., 1817 г «Извлеченіе сіе изъ сочиненія Адама Смита о народномъ богатствѣ издается,—говоритъ въ предисловіи авторъ,—въ пользу училищъ, какъ руководствующая книга для преподаванія Политической Экономіи, дабы ученики въ своихъ занятіяхъ неотмѣнно имѣли въ виду самыя положенія и мысли славнѣйшаго по оной части сочинителя. Для сего приложено было старание обработать сію книгу по Англійскому подлиннику съ наблюденіемъ строгой точности, наипаче въ выборѣ техническихъ словъ».

[2]) Германъ рекомендовалъ Смита въ качествѣ руководства по статистикѣ. «Знаменитое сіе о политической экономіи сочиненіе указываетъ статистику предметы, на кои онъ преимущественно долженъ обращать свое вниманіе, а какъ оно главнѣйше основывается на статистикѣ, то въ ономъ обрѣтается сокровище отборныхъ Статистическихъ Свѣдѣній. Классическое сіе сочиненіе должно быть ручною книгою каждаго статистика». *К. Германъ* Историческое обозрѣніе литературы статистики. Спб., 1817 г., стр. 11.

[3]) Нѣсколько хаотическое сочиненіе польскаго экономиста Валеріана Стржемень изъ Стройнова, графа Стройновскаго, озаглавленное: «Всеобщая экономія народовъ», переведено было съ польскаго и издано въ С.-Петербургѣ въ 1817 году въ 3 томахъ. Стройновскій чувствуетъ большую слабость къ физіократамъ и старается умалить заслуги Смита, которымъ онъ широко пользуется и котораго онъ уличаетъ въ притязательности на ему не принадлежащее. «Самолюбіе, подъ личиною неразумѣнія оныхъ правилъ (т. е. правилъ Кенэ), такъ водило перомъ его (Смита),—говоритъ Стройновскій,—какъ будто онъ творилъ въ сей наукѣ новыя понятія». Глава 19 (томъ 1) этого сочиненія посвящена горячей, но совершенно ошибочной полемикѣ съ Ад. Смитомъ.

То-есть умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золото ему,
Когда простои продуктъ имѣетъ».

Но эти идеи оставались для большинства простою декламаціею и не встрѣчали отклика въ помѣщичьей средѣ. Мы знаемъ, какъ относился къ идеямъ Смита отецъ Евгенія: «Отецъ понять его не могъ и земли отдавалъ въ залогъ».

Ко времени появленія перечисленныхъ выше первыхъ изложеній Смита, даже нѣсколько ранѣе, а именно въ 1804 г., вышелъ въ свѣтъ и первый томъ русскаго перевода труда Адама Смита; переводъ сдѣланъ прямо съ англійскаго переводчикомъ Александровской эпохи Николаемъ Романовичемъ *Политковскимъ*-старшимъ (1763—1830). Политковскій былъ черниговскимъ вице-губернаторомъ и сдѣлалъ переводъ по распоряженію министра финансовъ, графа Ал. Ив. Васильева. Онъ издалъ А. Смита подъ заглавіемъ: «Изслѣдованіе свойства и причинъ богатства народовъ; твореніе Адама Смита, переводъ съ Англинскаго», въ четырехъ томахъ, выходившихъ на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ (I въ 1802, II въ 1803, III въ 1805 и IV въ 1806 гг.) и напечатанныхъ въ Петербургѣ, въ типографіи Государственной Медицинской Коллегіи. Изданіе, внѣшній видъ котораго весьма недуренъ, имѣло большой успѣхъ и доставило переводчику солидное имя. Впрочемъ, Петръ Кондыревъ, популяризировавшій Смита и отзывавшійся съ похвалою объ идеѣ изданія по-русски Смита, не былъ доволенъ переводомъ. Онъ писалъ въ 1812 году о переводѣ Политковскаго слѣдующее: «Отдавая почтенному г. переводчику всю, должную справедливость за его подъятый трудъ,—нельзя однакожъ умолчать здѣсь того, что нѣкоторые изъ ученыхъ, сличавшіе оный съ Англинскимъ подлинникомъ, въ иныхъ, хотя и немногихъ, мѣстахъ нашли невѣрность въ переводѣ, что особенно въ классической книгѣ весьма вредно; сіе, напр., можно замѣтить болѣе сначала до половины перваго тома». «Впрочемъ, безспорно, — смягчаетъ далѣе свой суровыи отзывъ Кондыревъ, — что г. Политковскій переводомъ

симъ пріобрѣлъ въ ученомъ свѣтѣ славу и благодарность соотечественниковъ, равно показалъ и знаніе свое въ сей наукѣ» [1]) Но какъ бы тамъ ни было, имя Смита въ Россіи стало отнынѣ популярно; изъ извѣстныхъ словъ Пушкина мы знаемъ, что интеллигентные люди того времени «читали Адама Смита» и знали, «почему не нужно золото ему, когда простой продуктъ имѣетъ». Знакомство со Смитомъ было, очевидно, въ свое время признакомъ хорошаго тона и общаго образованія. Но, какъ мы видѣли, не всѣ соглашались съ мнѣніемъ петиметровъ свѣтскихъ салоновъ Александровскаго времени.

Цеховые ученые жаловались на отсутствіе хорошаго перевода и хулили трудъ Политковскаго. Въ 1817 году профессоръ И. Нейманъ [2]), издавая свое краткое изложеніе Смита, обѣщалъ опубликовать и нѣчто болѣе подробное въ виду того, что ощущался «недостатокъ хорошихъ переводовъ главнѣйшихъ, касающихся до системы Адама Смита сочиненій». Позднѣе о переводѣ Политковскаго отзывались еще болѣе сурово. Такъ, извѣстный экономистъ Вернадскій въ своемъ «Очеркѣ исторіи политической экономіи» (Спб., 1858) считаетъ, что переводъ Политковскаго во многихъ мѣстахъ «не точенъ и теменъ, и притомъ не полонъ, не заключая нѣкоторыхъ позднѣйшихъ прибавленій. Научные термины также устарѣли; книга же эта теперь рѣдка» [3]). Тотъ же Вернадскій полагаетъ, что съ «Шотландомъ Адамомъ Смитомъ» познакомилъ впервые Россію Шлецеръ. Мы видѣли изъ всего вышеприведеннаго, что мнѣніе Вернадскаго ошибочно [4]).

[1]) «Начальныя основанія народнаго богатства и государственное хозяйство, слѣдуя теоріи Адама Смита. Сочиненіе Геттингенскаго Университета профессора Григорія Сарторіуса. Съ нѣмецкаго на россійскій языкъ перевелъ Импер. Казанскаго Университета Адъюнктъ Историческихъ наукъ и Политической Экономіи Петръ Кондыревъ». Казань, въ универс. типогр., 1812, приложеніе, стр 246-я. И. Вернадскій (Очеркъ исторіи etc., стр. 145) считаетъ, что Кондыревскій переводъ Сарторіуса «очень невразумителенъ по номенклатурѣ».

[2]) *Нейманъ, И:* Изслѣдованіе правилъ политической экономіи. Спб., 1817 г., стр. IV.

[3]) *Вернадскій*: Очеркъ, стр. 143.

[4]) «Въ Россіи первый представилъ Смитово ученіе Хр Шлецеръ, профессоръ Московскаго университета, въ своихъ «Начальныхъ основаніяхъ государ-

Желаніе Вернадскаго исполнилось уже въ пореформенное время, когда извѣстный переводчикъ 60-хъ годовъ, Бибиковъ, издалъ свой, по мнѣнію академика Янжула, «довольно гладкій, но не безъ ошибокъ» переводъ классическаго труда Смита [1]).

Итакъ, когда сто лѣтъ назадъ ученіе Адама Смита впервые появилось въ Россіи, оно быстро завоевало себѣ вниманіе, а затѣмъ пріобрѣло господство. Въ силу этого многое другое, что волновало тогда экономистовъ иного направленія, чѣмъ Смитъ, надолго осталось намъ чуждо. Общая скудость жизни сказывалась и на томъ, что своей оригинальной экономической литературы у насъ почти не было, все сводилось къ переводамъ. «Словесность Политической Экономіи на Россійскомъ языкѣ,— свидѣтельствуетъ намъ Кондыревъ,—у насъ малозначительна; мы имѣемъ одни переводы, но и тѣхъ не весьма въ достаточномъ количествѣ».

Переводная литература была, впрочемъ, не первоклассная. Вотъ перечень главнѣйшихъ переводовъ: сочиненія барона Билфельда: «Наставленія политическія» [2]), Юсти: «Основанія силы и благосостоянія царствъ» [3]), Муратоpія: «Разсужденіе о благоденствіи общенародномъ» [4]), Вирста: «Разсужденія о нѣкоторыхъ предметахъ законодательства и управленія финансами и

ственнаго хозяйства», М., 1805 г., переведенныхъ на нѣмецкій и французскій языки и изданныхъ 2-мъ изданіемъ въ 1821 г.» *Вернадскій*: Очеркъ, стр 146.

[1]) «Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ, съ примѣчаніями, переводъ П. Бибикова. (Томъ I, со статьею Бланки «Жизнь и труды Адама Смита», съ предисловіемъ Гарнье). Спб, 1866».—П. А. Бибиковъ отзывается о переводѣ Политковскаго: «забытый переводъ этотъ, составляющій библіографическую рѣдкость, сдѣланъ былъ даже въ свое время на тяжеломъ, канцелярскомъ языкѣ, который въ настоящее время устарѣлъ тѣмъ болѣе, что наука полит. экономіи сдѣлала значительные успѣхи». Популярное изложеніе Смита сдѣлано въ 1895 г., въ переводѣ *Щепкина*. Библіотека экономистовъ. Вып. I. Адамъ Смитъ. М. Изд. Солдатенкова.

[2]) Перев. I ч кн. *Ѳ Шаховскои* въ 1768 г.; II-ую ч. пер. проф. *Антона Барсова* въ 1775 г.

[3]) Перев. *Ив. Богаевскій*. Спб. 1772—1778 г. 4 части. (Политической экономіи касаются части I-я и II-я).

[4]) Перев. *М. Попова*. М. 1780 г., 2 ч. (Политической экономіи касается только II-я часть).

коммерціею Россійской Имперіи» [1]), его же: «Собраніе превосходныхъ сочиненій, до законодательства и управленія государственнаго хозяйства, особенно финансовъ и коммерціи, относящихся» [2]), Де Верри: «Политическая экономія» [3]). Кромѣ того въ обращеніи были переводы талантливаго протекціониста и критика Смита, Александра Гамильтона (Спб., 1807), Стройновскаго В.: «О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами» [4]) и ближайшаго предшественника Смита Лаудердаля (Спб., 1811 г.).

Впослѣдствіи къ этой литературѣ присоединились кос-какія сочиненія *учениковъ Смита*, но они переводились не въ академическихъ цѣляхъ, а какъ ученое оружіе въ возникшемъ вскорѣ и у насъ спорѣ между приверженцами фритредерскихъ взглядовъ и защитниками протекціонизма. Среди фритредеровъ у насъ повезло Сею и Дюнойе, нѣкоторые изъ памфлетовъ которыхъ были у насъ, какъ указано ниже, переведены. Иначе дѣло обстояло съ протекціонизмомъ, защитниками и апологетами котораго наши отечественные экономисты выступили очень рано, даже раньше, чѣмъ ихъ европейскіе собратья.

Намъ остается еще указать на нѣкоторыя наши оригинальныя сочиненія по экономическимъ вопросамъ, вышедшія въ періодъ между 1800—1815 гг. Таковы книги: *Василія Каницкаго* «О черезполосномъ владѣніи» (С.-Петербургъ, 1805 г.), проф. *Якоба*: «О Деньгахъ, разсужденіе» (Спб., 1810), къ «Отвѣтному письму» *Щеткина* (Спб., 1812) и нѣк. друг.

Такова была вся наша скромная экономическая библіотека перваго десятилѣтія 19-го столѣтія. Добавивъ къ этому нѣсколько книгъ и брошюръ по финансамъ и статистикѣ, уже начавшихся разрабатываться, мы имѣемъ передъ собою весь, такъ сказать, экономическій багажъ того времени. Эпоха Наполеоновскаго нашествія, всколыхнувъ страну, внесла оживленіе и въ изученіе политической экономіи. Совершился переворотъ въ умахъ и

---

[1]) Пер. *И. Степанова* 2 ч. Спб. 1807 г

[2]) Ч. I. Спб. 1808 г.

[3]) Пер *Померанцева*, съ франц. Спб. 1810 г.

[4]) Пер. *В. Анастасевича*. Вильна. 1809 г.

въ настроеніи, и уже во второмъ десятилѣтіи чувствовалось воодушевленіе приближавшейся эпохи 20-хъ годовъ. Вотъ какъ наканунѣ послѣдней пишетъ о Смитѣ въ 1818 году лучшій экономистъ того времени, Николай Тургеневъ: «Въ нашемъ отечествѣ свѣдѣнія по части Политической Экономіи начали распространяться съ очевиднымъ успѣхомъ. Даже иностранцы, занимающіеся этою наукою, съ удовольствіемъ замѣчаютъ, что во всѣхъ русскихъ университетахъ учреждены для Политической Экономіи особыя каѳедры». Отмѣчая значеніе политической экономіи въ смыслѣ вліянія ея на созданіе политической нравственности, Тургеневъ о Смитовомъ ученіи отзывается какъ о системѣ критической. «Занимающійся, проходя эту систему, научается вѣрить только изслѣдованіямъ и соображеніямъ разсудка, простому здравому смыслу и всему тому, что естественно, непринужденно Онъ и здѣсь увидитъ, что все благое основывается на свободѣ, а злое происходитъ отъ того, что нѣкоторые изъ людей, обманываясь въ своемъ предназначеніи, берутъ на себя дерзкую смѣлость за другихъ смотрѣть и думать, за другихъ дѣйствовать и прилагать самое мелочное и всегда тщетное попеченіе» [1]).

Власть имущіе не послушались совѣта Тургенева, не послушались его и ученые. Дальнѣйшія и жизнь и наука представили собою рядъ блужданій отъ одного ученія къ другому, отъ стараго тезиса къ новому. Часто, очень часто всѣ забывали, «что благое основывается на свободѣ». Но какъ бы тамъ ни было, знакомство съ классическою школою не пропало даромъ, и, хотя до сихъ поръ русская политическая экономія все еще не отдѣлалась отъ заимствованій и подражаній, нѣкоторыя раціональныя положенія глубоко запали и въ народную душу и въ сознаніе интеллигенціи.

[1]) *Тургеневъ Ник.*: Опытъ теоріи налоговъ. Спб. Типографія Н. Греча, 1818 г., стр. VIII.

Появленіе идей свободной торговли и протекціонизма.

Николай Тургеневъ и графъ Н. С. Мордвиновъ.

Три столѣтія подрядъ мы наблюдаемъ одно и то же поучительное явленіе: начало вѣка проходитъ въ замѣтномъ возбужденіи русскихъ общественныхъ силъ, въ «весеннемъ» настроеніи. Наше общество какъ бы пробуждается въ такія эпохи отъ тяжелаго многолѣтняго сна, проникается самосознаніемъ и съ лихорадочною поспѣшностью и юношескими надеждами стремится къ лучшему будущему. Но, всмотритесь, какъ неодинаково каждое утро этихъ столѣтій, какъ различны характеръ и направленіе идей, лежащихъ въ основѣ этого оживленія, какъ, наконецъ, разнообразны самыя формы проявленія общественнаго самосознанія!

Петровская реформа почти насильственно вывела русское общество изъ состоянія летаргическаго покоя. Это было властное возбужденіе извнѣ, оффиціальное и внѣшнее сопряженіе верховъ Россіи съ Западомъ. Оно насильственно пробуждало небольшую горсть людей, стоявшихъ близко къ престолу. Итти впередъ — значило итти за царемъ; «весна» носила ультраказенный характеръ, исходила изъ личности одного человѣка, которому бытъ мѣщанской Голландіи казался утопическимъ идеаломъ.

Реформы свѣтлаго періода александровскаго времени и движеніе декабристовъ исходило изъ небольшихъ центровъ верха; въ началѣ отъ либеральнаго престола, потомъ изъ лучшихъ

круговъ тяготѣвшаго къ Западу аристократическаго дворянства. На очередь были поставлены какъ обще-просвѣтительные, такъ и политическіе вопросы. Реформа государственнаго строя во вкусѣ просвѣщеннаго Запада ставилась во главу угла; въ то же время общество, вѣрившее въ принципы великой французской революціи, желало предварительно само войти въ храмъ науки и искусства и, уже ставъ у кормила, позаботиться о просвѣтленіи народныхъ массъ. Итти впередъ—было равносильно возвращенію къ доаракчеевскому періоду, къ идеямъ и мечтамъ Лагарпа, къ возвышенному настроенію масонства. Лучшіе люди связывали себя «Ганнибаловой клятвою» въ тайныхъ засѣданіяхъ первыхъ русскихъ политическихъ обществъ. Движеніе, подготовлявшееся медленно, начатое еще Новиковымъ и Радищевымъ, проявилось какъ-то сразу, быстро и бурно, не окрѣпнувъ и не сложившись окончательно. Поспѣшно и тревожно сходившая со сцены «весна» носила аристократическій характеръ; свободная Англія съ ея парламентомъ и партіями являлась желаннымъ идеаломъ впервые пробуждавшагося русскаго самосознанія.

Въ наши дни мы вновь присутствуемъ при сильномъ, почти стихійномъ движеніи,—движеніи не только интеллигенціи, но и всего народа, пролетаріата фабричнаго и сельскаго.

Направленіе и характеръ движенія русскихъ общественныхъ силъ нашего времени далеко ушло и отъ казенной Петровской весны и отъ героической эпохи декабристовъ. Движеніе исходитъ изъ иныхъ, чѣмъ прежде, нѣдръ, подготовляется иными путями, слагается изъ сочетанія иныхъ силъ и отношеній. У него сила стихіи и сознательность критической мысли, задачи его положительны, настроеніе—созидательное. Лозунгъ движенія—революція, революція для народа и путемъ народа. Итти впередъ—значитъ быть солидарнымъ съ яснымъ и боевымъ классовымъ самосознаніемъ, значитъ чувствовать себя частицею всего народа. «Весна» носитъ поэтому демократическій, пролетарскій характеръ и не дѣйствительность Запада, а его лучшіе и возвышеннѣйшіе идеалы являются путеводными звѣздами дѣйствій, чувства и мысли.

Кромѣ того, коренное отличіе нашихъ дней отъ начальныхъ лѣтъ 19-го вѣка заключается въ сочетаніи двухъ элементовъ—экономическаго и политическаго. Нынѣ экономическія силы, пробивающія себѣ пути,—и народъ деревни и фабрики, и имущіе классы средней руки, нашъ русскій Mittelstand въ земствѣ и въ городѣ—всѣ стремятся къ политической свободѣ и къ экономической реформѣ. Имъ всѣмъ настоятельно нужна реформа, и только крупная буржуазія, вскормленная безжалостнымъ протекціонизмомъ, да остатки земельной аристократіи, спасаемые чиновничествомъ, не нуждаются въ измѣненіи status quo ante.

Иное дѣло—начало 19 вѣка: Mittelstand и народъ, выражаясь словами поэта, еще «безмолвствовали». Крупной буржуазіи, капиталистовъ московскаго, лодзинскаго, кіевскаго и иныхъ районовъ еще не было. Единственно вліятельными силами были родовая аристократія, окружавшая престолъ, да помѣстное дворянство, дававшее тонъ мѣстной жизни. Бюрократія являлась лишь продолженіемъ того же дворянства. Помѣщикъ-чиновникъ—двуликій Янусъ тогдашняго общества.

Ихъ экономическіе идеалы были идеалами экспортеровъ-землевладѣльцевъ, идеалами крѣпостниковъ и апологетовъ натуральнаго строя. Лицемѣрно-патріархальныя отношенія казались всѣмъ наилучшимъ способомъ деревенскаго уклада [1]). Нужна была большая доля просвѣщенія, большой пріемъ европейскаго «яда», чтобы изъ такой среды выдѣлить группу, ставшую выше своихъ классовыхъ интересовъ и взявшую на себя тяжелый крестъ общественнаго освобожденія.

Такими людьми явились декабристы и всѣ тѣ, кто въ темное аракчеевское время ставилъ и рѣшалъ вопросы—а ихъ было не мало—не съ узкой дворянской точки зрѣнія. Не позади другихъ стоятъ въ этомъ отношеніи два дѣятеля десятыхъ и два-

---

[1]) «Крестьянинъ по закону работаетъ на помѣщика три дня въ недѣлю и болѣе—ничего», восхищается въ 1817 году нѣкій «русскій дворянинъ Правдинъ» на страницахъ для того времени либеральнаго «Духа Журналовъ». «Да продлится въ любезномъ Отечествѣ нашемъ», заканчиваетъ свои мнимовосторженныя излянія тотъ же авторъ, «сей древній патріархальный и самый естественный образъ гражданскаго благоустройства!»

дцатыхъ годовъ—Николай Ивановичъ Тургеневъ и графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ.

Это—два даровитыхъ, но совершенно противоположныхъ по своимъ воззрѣніямъ русскихъ экономиста начала вѣка. Остановимся первоначально на первомъ изъ нихъ, какъ болѣе раннемъ по времени своего появленія на литературномъ поприщѣ.

I.

Николай Тургеневъ.

Двѣ области общественной жизни особенно горячо интересовали талантливаго Тургенева: ученіе о налогахъ и вопросъ крестьянскій. Это сочетаніе интересовъ напоминаетъ физіократовъ, въ благоустройствѣ сельскаго населенія и въ порядкѣ налоговъ усматривавшихъ идеалъ нормальнаго народнаго хозяйства. Но это сходство чисто внѣшняго характера. Тургеневъ былъ убѣжденный смитіанецъ, а въ смыслѣ толкованія основъ ученія Адама Смита примыкалъ къ тѣмъ изъ его учениковъ, которые отстаивали принципы экономическаго либерализма, а въ частности идеи свободной торговли [1]).

Въ области финансовъ Тургеневъ является у насъ новаторомъ. Онъ первый въ Россіи даетъ и, притомъ, даетъ съ замѣчательнымъ талантомъ—ученіе о налогахъ [2]). Его превосходный трудъ «Опытъ о теоріи налоговъ» можно считать

[1]) Тургеневъ учился въ Геттингенскомъ университетѣ, гдѣ, между прочимъ, слушалъ лекціи *Шлецера*, несомнѣннаго смитіанца.

[2]) Кромѣ того Н. Тургеневу принадлежатъ еще слѣдующія сочиненія:

1) «Опытъ о теоріи налоговъ». Спб., 1818 г. Типографія Греча. 2-е изд., 1819 г.

2) «La Russie et les Russes». 3 тома. Парижъ, 1847 г.

3) «La Russie en présence de la crise européenne». Парижъ, 1848 г.

4) Брошюры: «Пора», 1858 г. «О силѣ и дѣйствіи рескриптовъ 20 ноября 1857 г.», 1858 г. «О судѣ присяжныхъ и судѣ полицейскихъ въ Россіи», 1860 г. «О новомъ устройствѣ крестьянъ», 1861 г. «Взглядъ на дѣла Россіи», 1862 г. «О разноплеменности народонаселенія въ русскомъ государствѣ», 1866 г. «О нравственномъ отношеніи Россіи къ Европѣ», 1869 г.

первымъ появившимся въ Россіи истинно-научнымъ сочиненіемъ этого рода [1]) Помимо обширной эрудиціи и глубокой продуманности, книга Тургенева отличается и рѣдкимъ *общественнымъ* настроеніемъ. Въ основу своей работы онъ кладетъ идею, что «никакая теорія, какъ экономическая или финансовая, такъ и правительственная, не можетъ принести хорошихъ результатовъ, если она *не основывается на свободѣ*».

Основы познанія свободы даетъ наука; она же приводитъ и къ благосостоянію. «Образованность и просвѣщеніе, утверждая независимость, сдѣлались (нынѣ) источникомъ и славы и могущества»,—говоритъ Тургеневъ. «Самое благосостояніе народовъ содѣлалось вмѣстѣ и орудіемъ и залогомъ свободы». Наукою, которая «открыла тайны богатствъ народовъ» и «представляетъ истинныя правила», — является политическая экономія. Однимъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ послѣдней и служитъ ученіе о финансахъ съ теоріею налоговъ.

Излагая научную систему, Тургеневъ всегда держится своего основного взгляда, которымъ проникнута каждая строка его сочиненій. «Не должно смѣшивать права требовать податей, говоритъ Тургеневъ, съ правомъ налагать оныя». Послѣднее иногда ограничено, ограничено «*согласіемъ народа*». «Но согласіе со стороны на-

[1]) О книгѣ Тургенева академикъ Янжулъ даетъ слѣдующій восторженный отзывъ: «Если бы это сочиненіе было въ свое время издано на языкѣ, болѣе распространенномъ въ Западной Европѣ, оно заняло бы видное мѣсто между лучшими въ началѣ XIX вѣка трудами по теоріи налоговъ и осталось бы на нихъ не безъ вліянія. Авторъ основательно изучилъ экономическую литературу Германіи, Англіи и Франціи и, въ отличіе отъ большинства русскихъ писателей того времени, по своимъ воззрѣніямъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является даже оригинальнымъ. Книга его подробно трактуетъ всѣ вопросы о налогахъ, начиная отъ ихъ происхожденія и источника до описанія различныхъ видовъ и общаго дѣйствія, при чемъ бумажныя деньги разсматриваются, какъ особый видъ налоговъ. Съ обширными свѣдѣніями авторъ соединяетъ тонкій аналитическій умъ и даръ прекраснаго изложенія. Его критическія замѣчанія на нѣкоторыя воззрѣнія Юма, Канара сохраняютъ свою цѣну до сихъ поръ. По условіямъ того времени и состоянію самой финансовой науки на Западѣ, сочиненіе Тургенева долго оставалось у насъ своего рода оазисомъ въ пустынѣ». *И. Янжулъ.* «Россійская финансовая наука». Энциклопедическій Словарь Брокгауза, т. XXVIII, Спб., 1900 г., стр. 855.

рода—можетъ быть дѣйствительно и полезно только въ тѣхъ государствахъ, которыя пользуются *сущностью*, а не однѣми только *формами гражданской свободы*» (стр. 12)

Все «благое», неустанно твердитъ Тургеневъ,—основывается на свободѣ. На развитіе экономическихъ знаній въ Россіи Тургеневъ, увлекаемый общественнымъ подъемомъ того времени, смотритъ весьма оптимистично. «Въ нашемъ отечествѣ,—говоритъ онъ,—свѣдѣнія по части политической экономіи начали распространяться съ очевиднымъ успѣхомъ. Даже иностранцы, занимающіеся этою наукою, съ удовольствіемъ замѣчаютъ, что во всѣхъ русскихъ университетахъ учреждены для политической экономіи особыя каѳедры». Счастливыя надежды! Мы знаемъ лишь, что и теперь, въ началѣ XX вѣка, наука ни съ мѣста не сдвинулась въ направленіи, желаемомъ Тургеневымъ.

«Занимающійся критически, научается вѣрить только изслѣдованіямъ и соображеніямъ разсудка, простому здравому смыслу и всему тому, что естественно, непринужденно. Онъ всюду увидитъ, что *все благое основывается на свободѣ*, а злое—на противленіи ей». Эта идея, повторяемъ, является у Тургенева основнымъ лейтъ-мотивомъ, точкою зрѣнія, все освѣщающею.

И какъ послѣдняя расходилась съ общимъ настроеніемъ «благомыслящихъ» того времени... «О! несчастное слово *вольность!*.» писалъ обозрѣватель западной жизни въ «Духѣ Журналовъ» въ 1817 году (часть XXIII, стр. 339). «Здѣшніе мужики всѣ *вольны!*—волны, какъ птицы небесныя, но такъ же, какъ сіи, безпріютны и беззащитны, погибаютъ отъ голода и холода. Какъ бы они были счастливы, если бы законъ поставилъ ихъ въ неразрывной связи съ землею и *помѣщиками!*..»

Что касается научнаго содержанія труда Тургенева, то оно вполнѣ выдерживаетъ сравненіе съ лучшими европейскими сочиненіями того времени Всѣ отдѣлы разсмотрѣны съ равною полнотою и въ связи съ требованіями жизни. Основная мысль его налоговой системы—возможное облегченіе налоговой тяготы крестьянства и привлеченіе къ ней привилегированныхъ сословій. Самый способъ взиманія, по мнѣнію Тургенева, долженъ быть кореннымъ образомъ улучшенъ: вмѣсто обложенія заработной

платы—взиманіе только съ чистаго дохода. Освобожденіе отъ налога должно коснуться и предметовъ первой необходимости, обложеніе которыхъ весьма вредно съ точки зрѣнія народнаго благосостоянія. Неисправные плательщики не должны быть наказуемы, особенно тѣлесно, такъ какъ обложеніе должно касаться не физическаго «лица подданнаго», а его имущества. Лишеніе свободы за недоимки совсѣмъ безразсудное средство. Тургеневъ особенно сильно отмѣчаетъ, что «во многихъ государствахъ введеніе налога дѣлается съ согласія народныхъ представителей». «Тамъ польза, продолжаетъ авторъ, ощутительна не только для народа, но и для самого правительства. Согласіе со стороны народа для введенія налоговъ можетъ быть дѣйствительно и полезно только въ тѣхъ государствахъ, которыя пользуются сущностью, а не однѣми только формами гражданской свободы» (стр. 13). Образъ правленія и «духъ народный» опредѣляютъ и успѣшность налоговъ; «готовность уплачивать налоги всего болѣе видна въ республикахъ, отвращеніе къ налогамъ—въ государствахъ деспотическихъ. Вѣкъ кредита наступаетъ для всей Европы»,—заканчиваетъ свою книгу Тургеневъ. «Усовершенствованіе системы кредитной пойдетъ на ряду съ усовершенствованіемъ политическаго законодательства, въ особенности съ усовершенствованіемъ системы *народнаго представительства*».

Книга Тургенева пользовалась громаднымъ для того времени успѣхомъ, хотя ретроградное большинство русскаго общества высказывалось противъ. Въ Сперанскомъ, Мордвиновѣ и гр. Потоцкомъ, особенно въ послѣднемъ, Тургеневъ нашелъ себѣ горячую поддержку [1]).

Даже противники, не соглашаясь съ основными взглядами, отдавали должную дань знаніямъ и таланту Тургенева [2]).

---

[1]) Какъ видно изъ сочиненія Н. Тургенева «La Russie et les Russes» (т. I, стр. 76), и многіе другіе высшіе сановники, какъ, напр., государственный канцлеръ, сочувственно отнеслись къ Тургеневу, въ силу чего, быть можетъ, онъ и не подвергся тогда цензурному гоненію.

[2]) «Н. И. Тургеневъ пріобрѣлъ глубокія познанія въ финансовой наукѣ и твердыя убѣжденія о законности, свободѣ и равенствѣ людей». *Гречъ.* Записки Греча. «Русскій Вѣстникъ», 1868 г., іюнь, стр. 411.

Лучшій и вполнѣ научный отзывъ о книгѣ Тургенева далъ въ томъ же году его другъ, извѣстный въ свое время профессоръ Куницынъ, на страницахъ «Сына Отечества». Рецензентъ отмѣчалъ, помимо высокихъ научныхъ достоинствъ, также общее гуманитарное ея направленіе [1]). Онъ находитъ, что книга Тургенева сдѣлала такую же эпоху въ финансовой наукѣ, какъ книги графа Верри по государственному и Адама Смита—по народному хозяйству. Восторженный журнальный отзывъ Куницына былъ во второмъ изданіи книги Тургенева перепечатанъ сейчасъ же послѣ авторскаго предисловія.

При своемъ появленіи трудъ Тургенева не встрѣтилъ никакихъ цензурныхъ затрудненій, но спустя 7 лѣтъ, авторъ его вмѣстѣ съ декабристами, съ которыми онъ былъ тѣсно связанъ былъ осужденъ на смертную казнь; тогда и книга подверглась гоненію: разысканные властями экземпляры были отобраны и уничтожены.

На обложкѣ перваго изданія «Опыта теоріи налоговъ» авторъ помѣстилъ многознаменательное изреченіе: «Сочинитель, принимая на себя всѣ издержки печатанія сей книги, предоставляетъ деньги, которыя будутъ выручаться за продажу оной, въ пользу содержащихся въ тюрьмѣ *крестьянъ, за недоимки въ платежѣ налоговъ*».

И, дѣйствительно, Тургеневъ съ пламеннымъ героизмомъ относился къ участи крестьянъ и, въ числѣ немногихъ, горячо ратовалъ за ихъ освобожденіе.

Крестьянскій вопросъ Тургеневъ понималъ такъ же, какъ лучшіе люди его времени, т. е. не только опредѣленно высказывался за немедленное освобожденіе крестьянъ, но и ставилъ своею обязанностью согласовать свое слово съ дѣломъ. Въ нѣмецкомъ освободительномъ движеніи, въ которомъ Тургеневъ принималъ

---

[1]) «Тургеневъ,—говоритъ Куницынъ,—желаетъ согласить систему финансовъ съ народною нравственностью и подчиняетъ правила теоріи налоговъ—правиламъ человѣколюбія и справедливости; онъ возстаетъ противъ тѣхъ сочинителей политическихъ трактатовъ, которые, при торжественныхъ увѣреніяхъ ихъ въ любви къ отечеству, проповѣдуютъ правила, угнетательныя для ихъ согражданъ» *Куницынъ*, «Сынъ Отечества» 1818 г., №№ L и LI.

дѣятельное участіе, вначалѣ какъ студентъ Геттингенскаго университета [1]), затѣмъ какъ помощникъ знаменитаго Штейна, крестьянскій вопросъ былъ центральнымъ вопросомъ времени. Члены Tugendbund'a давали Ганнибалову клятву: освободить своихъ рабовъ отъ вѣковыхъ цѣпей Въ 1819 году онъ написалъ небольшое сочиненіе объ отмѣнѣ крѣпостного права, предназначавшееся для императора Александра I. Историкъ крестьянскаго дѣла В. Семевскій сообщаетъ, что въ этой запискѣ Тургеневъ настаиваетъ на правительственной иниціативѣ въ дѣлѣ ограниченія крѣпостного права и на необходимости облегченія бремени барщины, варварской системы продажи людей поодиночкѣ, уничтоженіи жестокаго обращенія и предоставленіи крестьянамъ права жаловаться на помѣщиковъ.

«Кромѣ указанныхъ мѣръ,—говоритъ тотъ же авторъ,—Тургеневъ предложилъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ законѣ 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ, и, между прочимъ, разрѣшить помѣщикамъ удерживать за собою право собственности на земли и при заключеніи съ крестьянами добровольныхъ условій, т. е. освобождать цѣлыя вотчины безъ земли, а крестьянамъ предоставлять право перехода».

Всюду, гдѣ Тургеневъ касался крестьянскаго вопроса, онъ становился мужественно краснорѣчивъ и благородно смѣлъ. «Принадлежа самъ,—писалъ онъ,—по своему происхожденію къ классу рабовладѣльцевъ, я съ младенчества узналъ тѣ ужасныя условія, въ которыхъ мучаются милліоны русскихъ людей. Народъ въ цѣпяхъ рабства—вопіющее зрѣлище; явная несправедливость его неотразимо поразила юношеское воображеніе. Въ душѣ остался неизгладимый слѣдъ...» [2]). Крестьянскій вопросъ былъ для Тургенева центральнымъ фокусомъ жизни. «Всѣ вопросы были под-

---

[1]) Въ первые годы XIX вѣка симпатіи къ освобожденію крестьянъ были среди все геттингенской молодежи, не исключая и русской, весьма значительны. Написанная по-французски книжечка одного русскаго чиновника (Фрейганга) и по-латыни—диссертація нѣкоего Кайсарова—были посвящены этому вопросу. (См. *В. И. Семевскій*: «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ», стр. 286).

[2]) См. «La Russie et les Russes», т I, стр. 3.

чинены этому вопросу, всѣ думы и все братское чувство» [1]). Тургенева поэтому можно вполнѣ справедливо назвать однимъ изъ важнѣйшихъ піонеровъ эмансипаціи крестьянъ и однимъ изъ благороднѣйшихъ дѣятелей освободительнаго движенія той эпохи.

Н. И. Тургеневу въ числѣ немногихъ удалось дожить до эпохи шестидесятыхъ годовъ, осуществившихъ отчасти завѣтныя мечты его юности.

Остановимся еще на минуту на экономическихъ взглядахъ этого писателя.

Какъ экономистъ, Тургеневъ примыкаетъ къ фритредерскому толку смитовой школы. Онъ искренно удивляется тѣмъ, которые «требуютъ запрещенія иностранныхъ суконъ и притомъ и не подозрѣваютъ, что можно покупать сукна у иностранцевъ дешевле и лучшей доброты въ сравненіи съ своимъ, а деньги, употребляемыя на выдѣлываніе собственнаго сукна, употреблять другимъ болѣе выгоднымъ и болѣе приличнымъ образомъ для государства» (стр. 22). Смитіанство Тургенева не было простымъ подражаніемъ или «изложеніемъ» части знаменитаго трактата Ад. Смита, какъ то старается увѣрить одинъ русскій изслѣдователь, написавшій прекрасный очеркъ, посвященный Н. И. Тургеневу [2]). Смитіанство Тургенева—дань вѣку; относительно же смитіанства вообще необходимо замѣтить, что вліяніе этого ученія не исчерпалось однимъ распространеніемъ взглядовъ въ первыхъ годахъ вѣка. Оно опредѣленно отразилось и на слѣдующихъ десятыхъ годахъ, когда широкое распространеніе въ русскомъ образованномъ обществѣ смитіанства создало почву для энергичной агитаціи въ пользу свободной торговли. Во главѣ движенія въ этомъ направленіи сталъ вліятельный еженедѣльный журналъ «Духъ Журналовъ», издававшійся въ Петербургѣ съ 1815 по 1820 годъ.

Для странъ, гдѣ консервативныя традиціи особенно прочны,

---

[1]) Тамъ же.

[2]) *А. Корниловъ*: Николай Ив. Тургеневъ и «Союзъ благоденствія», стр. 17, въ сборникѣ: «Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи». Спб., 1905 г. и раньше въ журналѣ «Міръ Божій» за 1903 г., кн. 6, 7 и 8.

Адамъ Смитъ оставался авторитетомъ и послѣ своего отрицанія на Западѣ. Въ 20-хъ годахъ, когда уже были формулированы первыя серьезныя возраженія противъ основъ смитіанства, у насъ безмятежно почитали Смита верховнымъ экономистомъ. Такъ, напримѣръ, въ Харьковскомъ университетѣ профессоръ Пауловичъ читалъ политическую экономію и науку о финансахъ отчасти *по Адаму Смиту*, преимущественно же по совсѣмъ старому сочиненію Шлецера [1]), а профессоръ Петербургскаго университета Бутырскій читалъ тѣ же предметы на «философско-юридическомъ факультетѣ» *по теоріи Адама Смита*, съ прибавленіями изъ сочиненія Сея: «Traité d'économie politique» и нѣкоторыхъ другихъ [2]). Къ главнѣйшимъ выводамъ Сея и примыкаетъ Тургеневъ, этотъ первый сознательный русскій фритредеръ [3]).

Надо, вообще, замѣтить, что среди различныхъ экономистовъ-либераловъ у насъ особенный успѣхъ имѣлъ *Ж. Б. Сей*, труды котораго были рано переведены на русскій языкъ. Такъ, уже извѣстный своимъ переводомъ А. Смита Николай Политковскій перевелъ и издалъ Сея подъ заглавіемъ: «Сокращенное ученіе о государственномъ хозяйствѣ или дружественные разговоры, въ которыхъ объясняется, какимъ образомъ богатство производится, дѣлится и потребляется въ обществѣ» (Спб., 1816). Въ томъ же году появилась и другая книжка Ж. Б. Сея: «О торговомъ балансѣ» (Спб., въ типографіи Плавильщикова, 1876 г.). Наконецъ, вышелъ памфлетъ Сея «Объ Англіи и англичанахъ» (Спб., 1817) [4]).

Кромѣ этихъ книгъ наши фритредеры того времени имѣли возможность прочесть слѣдующія книжки:

1) Карла Арнольди: «Мнѣніе о системѣ тарифа въ Рос-

---

[1]) *Сухомлиновъ*, М.: Изслѣдованія и статьи. Т. I, Спб., 1889 г., стр. 235.

[2]) Тамъ же, стр. 269.

[3]) Прекрасная біографія Николая Ивановича Тургенева помѣщена В. Семевскимъ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза, т. 34, а портретъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1895 годъ, № 12.

[4]) Затѣмъ, уже въ другое время, были изданы его «Начальныя основанія», М., 1828 г., и «Катехизисъ политической экономіи», Спб., 1833 г.

сіи» (Спб., 1816),—сочиненіе рѣзкое и страстное; авторъ горячо нападаетъ на промышленниковъ, которымъ, по его мнѣнію, все населеніе Россіи платитъ дань.

2) Переводъ Кондильяка: «О выгодѣ свободной торговли», сдѣланный Николаемъ Аммосовымъ. 2 ч. (Спб., въ Морской типографіи, 1817).

3) Неизвѣстнаго автора: «Разсужденіе о тарифѣ» (Спб., 1816).

4) Сниткина Ивана: «Разсужденіе, должно ли быть позволяемъ привозъ всѣхъ иностранныхъ товаровъ, или только нѣкоторыхъ и какихъ болѣе». Магистерская диссертація. (М., Унив. типогр., 1818) и нѣкот. другія.

Все это было проникнуто фритредерствомъ, которое въ годы 1816—1820, бывшіе у насъ временемъ наибольшаго успѣха идей свободной торговли, встрѣчало общее сочувствіе.

Но, впрочемъ, идеи свободной торговли не долго торжествовали. Онѣ вскорѣ встрѣтили суровый отпоръ со стороны другого выдающагося экономиста первой половины XIX вѣка—графа Николая Семеновича Мордвинова.

II.

Графъ С. Н. Мордвиновъ.

Мордвиновъ и его дѣятельность до сихъ поръ не нашли у насъ должной оцѣнки. Между тѣмъ, какъ экономистъ, Мордвиновъ заслуживаетъ названіе русскаго Фридриха Листа; но надо замѣтить, что создателя національной системы политической экономіи Мордвиновъ опередилъ на цѣлую четверть вѣка. Оригинальность и глубина экономическихъ воззрѣній Мордвинова была, впрочемъ, понята за границею, гдѣ, какъ мы увидимъ ниже, имя его пользовалось заслуженною извѣстностью. Отсутствіе систематическаго изложенія взглядовъ, рукописный характеръ большинства его работъ—дѣлаютъ имя Мордвинова мало извѣстнымъ въ широкихъ слояхъ русскаго общества, а блестящія дарованія

и поразительная личная судьба его друга, Сперанскаго, затмили стойкую и благородную фигуру его вѣрнаго единомышленника [1]).

По своимъ основнымъ экономическимъ убѣжденіямъ Мордвиновъ также является горячимъ послѣдователемъ Адама Смита и Бентама, которыхъ онъ ставитъ очень высоко. Съ Бентамомъ онъ даже лично переписывался.

«Въ моихъ глазахъ, писалъ Мордвиновъ въ 1806 г., Бентамъ—одинъ изъ четырехъ геніевъ, которые сдѣлали и сдѣлаютъ всего болѣе для счастья человѣчества—Бэконъ, Ньютонъ, Смитъ и Бентамъ: каждый основатель новой науки, каждый творецъ».

Такое отношеніе къ англійской наукѣ было вообще дѣломъ исключительнымъ въ ту эпоху, когда французскіе энциклопедисты давали основной тонъ всей немногочисленной интеллигенціи тогдашней Россіи.

Мордвиновъ придаетъ большое значеніе м е т о д у не только въ вопросахъ теоріи, но и въ политикѣ. «Нужна м е т о д а для примѣненія хорошихъ правилъ, иначе оныя будутъ безплодны. Метода, говоритъ Бэконъ, замѣняетъ геній и утверждаетъ успѣхъ операцій, большихъ и малыхъ. Все, что ни сдѣлано долговѣчное отъ созданія міра, не иначе учинено, какъ усовершенствованіемъ методы». (X, 293).

На народное богатство Мордвиновъ смотрѣлъ шире своихъ современниковъ, и взгляды его по этому вопросу могли бы сдѣлать честь любому изъ видныхъ корифеевъ европейской науки того времени. «Только п р о с в ѣ щ е н і е,—говоритъ Мордвиновъ,—начало народнаго богатства. Не руки человѣка даютъ плодородіе землѣ, не ими процвѣтаютъ художества, торговля, промышленность; не ими умножаются и возрастаютъ денежные капиталы: умъ и наука суть орудія богатства».

Но истинное просвѣщеніе и богатство возможны лишь въ

---

[1]) О жизни и трудахъ Мордвинова можно найти свѣдѣнія въ обширной монографіи проф. *Иконникова*. «Графъ Н. С. Мордвиновъ», изд. Кожанчикова, Спб., 1873 г. Выясненію его экономическаго міровоззрѣнія посвящена прекрасная работа *А. М. Гнѣвушева*: «Политико-экономическіе взгляды гр. Н. С. Мордвинова». Кіевъ, 1904 г. Сочиненія Мордвинова помимо отдѣльныхъ изданій перепечатаны въ обширномъ изданіи «*Архивъ графовъ Мордвиновыхъ*».

странъ свободной. «Болѣе 40 милл. душъ народа,—говоритъ Мордвиновъ,—составляютъ рабовъ казны и дворянскаго сословія. *Умъ и руки рабовъ неспособны къ порожденію народнаго богатства. Свобода, просвѣщеніе,* собственность и правосудіе—суть существенные и единственные источники онаго»... [1]). «Дайте свободу мысли, рукамъ, всѣмъ духовнымъ и тѣлеснымъ качествамъ человѣка, предоставьте всякому быть тѣмъ, чѣмъ его Богъ сотворилъ, и не отнимайте то, что кому природа особенно даровала,—говоритъ Мордвиновъ въ другомъ мѣстѣ.—*Мѣра свободы есть мѣра пріобрѣтаемаго богатства.* Учредите общественную пользу на пользѣ частной».

Эта точка зрѣнія Мордвинова кореннымъ образомъ расходилась съ господствующими фритредерскими взглядами времени.

Какъ извѣстно, въ это время въ экономической наукѣ почти безпредѣльно царилъ Адамъ Смитъ. У насъ идеи Смита также являлись руководящими, особенно въ первомъ десятилѣтіи минувшаго вѣка. Тогда Смитъ былъ вѣнчанный глава юной политической экономіи. Впрочемъ, вліяніе А. Смита не исчерпалось однимъ распространеніемъ его взглядовъ въ первомъ десятилѣтіи. Оно опредѣленно и сильно отразилось и на слѣдующемъ десятилѣтіи. Широкое распространеніе въ русскомъ обществѣ смитіанства создало почву для воспріятія и энергичной агитаціи въ пользу *свободной торговли.*

Къ мнѣніямъ въ защиту свободной торговли прислушивалось и общество и правительство. Послѣднее одно время даже активно примкнуло къ движенію, которое тогда достигло наивысшей точки своего развитія. И вотъ наступилъ временный праздникъ русскаго экономическаго либерализма—былъ выработанъ и изданъ одинъ изъ либеральнѣйшихъ русскихъ тарифовъ, —*таможенный тарифъ 1819 года.* Итакъ, идея свободной торговли вмѣстѣ со всѣми ея логическими и экономическими выводами, т. е. вмѣстѣ

[1]) Къ сожалѣнію, эти благородныя слова рѣзко расходились съ его болѣе детально формулированными мнѣніями по *крестьянскому* вопросу. Въ противоположность Н. И. Тургеневу, Мордвиновъ не былъ защитникомъ освобожденія крестьянъ и самое стремленіе къ эмансипаціи считалъ несвоевременнымъ.

съ отрицаніемъ государственнаго вмѣшательства и слѣдованіемъ идеи «laissez faire», съ отрицаніемъ таможенныхъ учрежденій и таможенной политики, вмѣстѣ съ отказомъ отъ покровительства туземной и борьбы съ иностранною промышленностью,—казалось, отвоевала себѣ и въ Россіи твердую почву.

Вотъ тутъ-то и выступилъ въ защиту совершенно противоположнаго мнѣнія Мордвиновъ.

Онъ рѣзко высказался противъ свободной торговли и еще опредѣленнѣе дѣйствовалъ какъ государственный дѣятель. Мысли Мордвинова были изложены въ сочиненіи, являющемся вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ русскимъ трудомъ по банковому кредиту: «*Разсужденіе о пользахъ, могущихъ послѣдовать отъ учрежденія частныхъ по губерніямъ банковъ*». Книга эта вышла въ 1813 году, имѣла выдающійся успѣхъ и даже была переведена на итальянскій языкъ.

Здѣсь Мордвиновъ рѣшительно становится на сторону новаго кредито-земельнаго хозяйства, противорѣчиваго въ своей основѣ старому патріархальному укладу Россіи, покоившемуся на натуральномъ хозяйствѣ, а также развиваетъ рядъ идей, воспрещающихъ, съ одной стороны, старыя меркантилистическія теоріи и пробивающихъ путь зарождавшемуся тогда на Западѣ протекціонизму.

Впрочемъ, онъ не только протекціонистъ-охранитель, но и протекціонистъ, желавшій завоевать Россіи новые рынки. Въ своей запискѣ, поданной имъ въ серединѣ 1816 года: «Мнѣніе о способахъ, коими Россіи удобнѣе можно привязать къ себѣ постоянство кавказскихъ народовъ», Мордвиновъ развиваетъ цѣлый планъ созданія для русской промышленности внѣшняго азіатскаго рынка. Мирное завоеваніе Азіи торговлею и промышленными издѣліями дастъ Россіи, по мнѣнію Мордвинова, много больше, чѣмъ «наши ядра и штыки».

Ростъ движенія въ пользу идеи свободной торговли заставилъ Мордвинова переиздать въ 1817 году свой первый трудъ.

Это второе изданіе «Разсужденія о пользахъ банковъ» вызвало обстоятельную рецензію нѣкоего Д. Б. въ «Духѣ Журналовъ» (1818 годъ, кн. 16-я). Рецензентъ очень рѣзко напалъ на

Мордвинова, приводя всѣ извѣстные въ то время аргументы въ пользу идеи свободной торговли. Мордвиновъ не оставилъ своего критика безъ отвѣта... Такова первая полемика фритредерства и протекціонизма, разыгравшаяся впервые въ Россіи между смитіанскимъ вольнолюбивымъ журналомъ и суровымъ адмираломъ. Мы знаемъ, что фактическая побѣда осталась на сторонѣ послѣдняго, но это былъ безспорный проигрышъ для дальнѣйшаго развитія русскаго народнаго хозяйства.

Двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ второго, Мордвиновъ выпустилъ и третье изданіе своего «Разсужденія о пользахъ и пр.». Здѣсь, между прочимъ, помѣщена (въ приложеніи) рецензія мордвиновскаго сочиненія, написанная извѣстнымъ въ то время итальянскимъ экономистомъ Мелхіоромъ Джойя и помѣщенная въ свое время въ «Итальянской Экономическій Библіотекѣ». По компетентному отзыву итальянскаго ученаго, Мордвиновъ высказалъ еще въ 1813 году тѣ соображенія, которыя спустя нѣсколько лѣтъ дали заслуженную извѣстность ряду нѣмецкихъ и французскихъ экономистовъ.

Въ подкрѣпленіе этому труду Мордвиновъ издаетъ вторую свою замѣчательную работу: «Нѣкоторыя соображенія по предмету мануфактуръ въ Россіи и о тарифѣ», вышедшую въ 1815 г., а во французскомъ переводѣ въ 1816 [1]). Въ предисловіи къ первому изданію Мордвиновъ указываетъ на тотъ антагонизмъ, съ которымъ были встрѣчены въ свое время его идеи въ прессѣ. «Большая толпа обыкновенныхъ писакъ,—говоритъ онъ,—возстала противъ меня за то, что я совѣтовалъ предпочитать собственныя издѣлія иностраннымъ, но, спустя немногіе годы, всѣ европейскіе государи послѣдовали моимъ правиламъ».

Мордвиновъ такимъ образомъ значительно опередилъ Европу и по справедливости можетъ считаться у насъ первымъ сознательнымъ русскимъ протекціонистомъ. Гнѣвушевъ, авторъ монографіи о Мордвиновѣ, называетъ его «однимъ изъ важнѣйшихъ экономистовъ и прозорливѣйшимъ идеологомъ нарождавшейся русской буржуазіи».

[1]) Затѣмъ эта книга переиздавалась. Второе изданіе вышло въ 1822 году, третье—Спб., 1833 г.

И въ этомъ сочиненіи независимость взглядовъ Мордвинова сказалась въ полной мѣрѣ. Здѣсь онъ совершенно расходится съ своимъ учителемъ А. Смитомъ и ставитъ ему упрекъ въ томъ, что онъ въ своей теоріи весьма далеко ушелъ отъ практической жизни. Мордвиновъ въ своихъ взглядахъ не былъ одинокъ; многіе соглашались съ доводами суроваго адмирала, а нѣкоторые писали въ томъ же духѣ. Такова, напримѣръ, интересная анонимная брошюра: «Отвѣтъ русскаго гражданина на вопросъ: полезно ли заводить въ Россіи и распространять мануфактуры, или лучше предоставить пространному сему государству обогащать себя земледѣліемъ» (Спб., 1815 г.) [1]). Въ томъ же духѣ написана и записка статсъ-секретаря Ѳ. И. Энгеля: «Нѣчто о фабрикахъ» [2]) и нѣк. другія сочиненія того времени.

«Духъ Журналовъ», всегда стоявшій на стражѣ свободы торговли и интересовъ земледѣлія, всегда встрѣчалъ рѣзкою отповѣдью всѣ подобнаго рода идеи и изданія.

Тургеневъ и Мордвиновъ являются, такимъ образомъ, двумя полюсами того развѣтвленія въ ученіи Смита, которымъ знаменуется въ Европѣ вся первая половина XIX вѣка. И если въ то время на зарѣ русскаго общественнаго самосознанія нашлись люди, шедшіе и у насъ въ уровень европейской науки и просвѣщенія, то странно было бы думать, что теперь мы не можемъ самостоятельно разбираться въ важнѣйшихъ соціально-экономическихъ вопросахъ.

---

[1]) Въ томъ же духѣ писалъ и *Василевскій*, авторъ сочиненій: «Краткое разсужденіе о торговлѣ», 1808, и «Разсужденіе о тарифѣ», 1816.

[2]) См. томъ VI «Архива графовъ Мордвиновыхъ», стр. 511 и слѣд.

Фурьеризмъ въ Россіи („петрашевцы").

Петрашевцы съ точки зрѣнія принятой классификаціи нашихъ общественныхъ теченій—крайніе западники.

Съ первыхъ моментовъ пробужденія русскаго общественнаго самосознанія, т. е. начиная съ середины XVII вѣка, у насъ замѣчается и нарожденіе критическаго отношенія къ отечественнымъ условіямъ, къ сложившемуся на ихъ основѣ міропониманію. Нарождающееся критическое сознаніе ищетъ иныхъ, лучшихъ образцовъ; появляется склонность къ подражанію, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и къ полному усвоенію идей и формъ западноевропейской культуры. Эта склонность, въ силу своего направленія довольно неудачно названная западничествомъ, стала впослѣдствіи характерною для одного изъ важныхъ теченій русской общественной мысли и была первоначально достояніемъ лишь отдѣльныхъ выдающихся людей своего времени: въ XVII вѣкѣ — Ордына-Нащокина и Матвѣева, въ XVIII — Радищева, Новикова и немногихъ другихъ.

На зарѣ XIX столѣтія западничество еще болѣе укореняется; теперь оно становится духовнымъ достояніемъ не только отдѣльныхъ лицъ и кружковъ, но и болѣе или менѣе значительныхъ слоевъ русскаго общества. Наши вольтеріанцы и франкъ-масоны, главная часть декабристовъ, а изъ нихъ особенно члены «Сѣвернаго Общества», затѣмъ придворные кружки первыхъ сотрудниковъ Александра I—все это западники, и если не всегда сознательные въ смыслѣ своей программы, то, во всякомъ случаѣ, западники по настроенію.

Конечно, для созданія и выработки типичныхъ чертъ западничества, какъ особаго направленія, въ началѣ не хватало идейнаго противника, такъ сказать, идейно-обоснованнаго антагонизма. Домостроевская рутина и бюрократическое холопство не могли являться противовѣсомъ западническимъ стремленіямъ. Но вотъ, съ появленіемъ другого теченія, съ нарожденіемъ иной, противоположной склонности — идеализировать все свое, отечественное, и порицать самые принципы западно-европейской культуры, какъ культуры низшаго типа, — а этимъ въ значительной мѣрѣ и опредѣлялось другое теченіе, славянофильство—впервые столкнулись двѣ идеологіи. Понятно, что уже тогда западничество, въ борьбѣ съ этимъ своимъ идейнымъ противникомъ, обосновалось и превратилось въ самостоятельную доктрину, въ цѣлостное міровоззрѣніе. Такое западничество уже естественно должно было стать «крайнимъ».

Наиболѣе типичными выразителями западническаго направленія явились: Бѣлинскій, Станкевичъ, Грановскій, Герценъ, Огаревъ, Кавелинъ, Петрашевскій и его единомышленники, а также большинство такъ назыв. «людей сороковыхъ годовъ».

Наши западники не всегда были слѣпыми подражателями Запада. Они воспринимали оттуда только все лучшее, воспринимали лишь тѣ культурные элементы, которые облагораживали и возвышали личность и упорядочивали ея соціальныя отношенія къ окружающей средѣ. Это были идеалисты въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Ихъ духовныя начала опредѣлялись не пошлымъ и шаблоннымъ превозношеніемъ всего западнаго, его внѣшняго и перемѣнчиваго, а немеркнущими идеалами духовной солидарности всего человѣческаго, всего мірового человѣчества, какъ одного культурно-историческаго цѣлаго, въ которое, по ихъ мнѣнію, Россія и Европа входили, какъ неразрывное и недѣлимое. Таково было идейное содержаніе западничества. Въ немъ нѣтъ ничего, что бы указывало на слѣпое подражаніе или недомысліе увлеченія.

Но истинные таланты не умѣютъ строиться на исторической сценѣ по ранжиру и мыслить по указкѣ, и поэтому, конечно всѣхъ нашихъ западниковъ нельзя подводить подъ одну,

общую мѣрку и считать во всемъ единомышленниками. Западники были разныхъ тенденцій и неодинаковыхъ стремленій. Часть ихъ, какъ Герценъ, умѣла сочетать западническія и славянофильскія идеи, другіе, какъ напр., Бѣлинскій, самымъ боевымъ образомъ отмежевывали себя отъ славянофиловъ. И въ то время, когда Герценъ могъ смотрѣть на оба лагеря, какъ на двѣ стороны единаго «двуликаго Януса», Бѣлинскій яростно восклицалъ: «я жидъ и не могу ѣсть за однимъ столомъ съ филистимлянами!» И даже къ Западу западники относились различно: однихъ угнетали только русскія условія, и они мечтали перенести къ намъ все болѣе свѣтлое, благородное, положительное изъ даровъ культуры современной имъ европейской жизни; другіе относились съ тою же суровою критикою и къ Западу, какъ то дѣлали и наиболѣе радикальные умы Европы и желали своей родинѣ не прививки западной дѣйствительности, а лишь созданія и на родимыхъ нивахъ тѣхъ дворцовъ будущаго, которые тогда наскоро намѣчались при свѣтѣ зарницъ передовой мысли. Отнестись отрицательно къ европейской цивилизаціи было не трудно: тайныя славянофильскія симпатіи, столь свойственныя русскому человѣку, сказывались у такихъ западниковъ въ полной мѣрѣ. Идеализируя основы своего архаическаго аграрно-коммунистическаго строя, они гнѣвно сгущали краски, рисуя темныя стороны европейской культуры, и въ конечномъ итогѣ все ихъ западничество сводилось къ усвоенію тѣхъ утопическихъ идеаловъ Запада, которые хотя и отдаленно, но все же напоминали патріархальный коммунизмъ родины. Такъ подготовлялась знаменитая въ будущемъ связь европейскаго соціализма съ отечественною идеологіею натуральнаго хозяйства,—связь, легшая въ основу послѣдующаго народничества, и такъ отдалялась активная работа, ибо мятежное исканіе новаго типа жизни успокаивалось на радужныхъ грезахъ о грядущемъ, связанныхъ съ бездѣйствіемъ.

Итакъ, одни, по типу своему культуртрегеры, желали пересадить къ намъ только наличную культуру Запада, ея наиболѣе блестящіе и высшіе образцы, другіе—проникались теоретическими идеалами того лучшаго будущаго, къ которому также

одиноко стремились и отдѣльные культурные скиты европейской интеллигенціи. И въ этой, только что указанной антитезѣ, замѣтимъ, коренится, между прочимъ, эмбріонъ всего дальнѣйшаго раскола русскаго общества на «либеральное» и «радикальное».

Остановимся теперь на характеристикѣ второго радикальнаго направленія русской мысли конца сороковыхъ годовъ, идейномъ содержаніи взглядовъ тогдашнихъ крайнихъ западниковъ.

Чему и у кого могли поучиться люди этого направленія въ 40-хъ годахъ? Въ сферѣ ума едино и нераздѣльно царилъ Гегель, солнце тогдашней мысли, хорошо извѣстный по имени, но совершенно нечитаемый нынѣ нѣмецкій философъ. Въ соціальномъ вопросѣ послѣдними авторитетами являлись французскіе коммунисты, почти обоготворяемые тогда: вспомните хотя бы культъ сенсимонистовъ и совсѣмъ забытыхъ нынѣ писателей утопическаго направленія. Гегелемъ одинаково руководились въ обѣихъ фракціяхъ западничества: это былъ жизненный нервъ всей тогдашней оппозиціи. «Философія Гегеля,—съ геніальною проницательностью писалъ Герценъ, — составляетъ алгебру революціи. Она необыкновенно освобождаетъ человѣка и не оставляетъ камня на камнѣ отъ міра христіанскаго, отъ міра преданій, пережившихъ себя. Но она можетъ быть съ намѣреніемъ дурно формулирована».

Французскими коммунистами увлекались только люди второй радикальной фракціи. Теперь мы знаемъ, что отрицаемые нынѣ утописты: Сенъ-Симонъ, Фурье, Прудонъ, позднѣе Луи Бланъ—были духовными учителями Герцена, Огарева, Бакунина, Петрашевскаго, Спешнева, Галахова, Чернышевскаго. При этомъ каждый какъ бы избиралъ себѣ кого-либо изъ французскихъ экономистовъ преимущественно. По духу Герценъ ближе всего стоялъ къ Прудону, къ этому, какъ его теперь часто называютъ, «мелкобуржуазному анархисту». Герцена связывали съ нимъ и общія симпатіи къ крестьянству, и личное знакомство, и общее дѣло, но Герценъ, давая деньги Прудону на газету, оставался всегда и независимымъ и самостоятельнымъ. Герценъ никогда не былъ «прудонистомъ» и пропагандою чужихъ идей

не занимался. Бурному Бакунину также было трудно подражать и вторить, да онъ и не съумѣлъ бы. Какъ теперь доказали кропотливые нѣмецкіе ученые (Штаммлеръ, Эльцбахеръ, Ценкеръ), Бакунинъ самъ былъ теоретикомъ и наставникомъ крайнихъ теченій Запада. «Коммунистическій анархизмъ», эта полузабытая нынѣ революціонная доктрина, былъ духовнымъ и самобытнымъ дѣтищемъ неугомоннаго «апостола разрушенія», какъ величаетъ Бакунина смущенный его титаническою мятежностью французъ Лавеле.

Чернышевскій, не чуждый, какъ и Герценъ, славянофильскихъ симпатій, воспріялъ Фурье и Луи-Блана,—сочетаніе для нашего времени едва понятное, но, правда, воспріялъ не какъ правовѣрный сектантъ-«ортодоксъ», а скорѣе взявъ у нихъ глубокій масштабъ для обезкураживающей критики ненавистныхъ ему буржуазнаго общества и буржуазной экономіи.

Но были среди западниковъ и такіе, которые весь свой идейный багажъ почерпнули изъ ученій западныхъ коммунистовъ и ихъ дѣло отождествили съ своимъ. Таковы — «петрашевцы» исповѣдывавшіе идеи французскаго утописта Шарля Фурье.

Петрашевцы не составляли, какъ доказывалъ баронъ Корфъ[1]) и составители приговора, правильно организованнаго общества, а кружки знакомыхъ-единомышленниковъ. Они довольно открыто собирались на журфиксы—по пятницамъ у М. В. Буташевича-Петрашевскаго, въ другіе дни—у Кашкина, у поручика Н. Момбелли, у поэта Дурова и т. д. Въ противоположность декабристамъ петрашевцы принадлежали къ такъ называемому среднему кругу. Писатели (Достоевскій, Дуровъ, Ахшарумовъ, Майковъ, Пальмъ и пр.), чиновники, офицеры гвардіи, учителя—группировались около издателя «Словаря иностранныхъ словъ» Михаила Васильевича Петрашевскаго, недюжиннаго оратора и фанатичной натуры. По своимъ экономическимъ убѣжденіямъ не всѣ петрашевцы являлись соціалистами, но среди нихъ было нѣсколько убѣжденныхъ послѣдователей воззрѣній Фурье, Кабэ и и Прудона.

---

[1]) Записки барона М. А. Корфа. „Русская Старина“ 1899 г

В. И. Семевскій [1]), изучавшій петрашевцевъ, слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ направленіе ихъ экономическихъ воззрѣній.

«Петрашевцы знакомились съ соціалистическими ученіями изъ Сенъ-Симона и сенъ-симонистовъ, Фурье, Консидерана, представившаго въ своемъ главномъ сочиненіи «Destinée sociale» (1835—44 гг.) увлекательное изложеніе системы Фурье, сочиненія Кантагреля, защищавшаго идеи Фурье въ сатирической формѣ журнала «Phalange», издававшагося съ 1836 года почти до самаго конца 40-хъ годовъ, подъ редакціею Консидерана и при сотрудничествѣ другихъ фурьеристовъ, въ особенности Кантагреля и Туссенеля, изъ «Almanach phalansterien», изъ сочиненій Кабэ, Луи-Блана, Прудона, Ламенэ и трудовъ о соціализмѣ Бидермана и Лоренца Штейна».

Но все-таки первымъ властителемъ думъ былъ Фурье, сочиненія котораго и были главнымъ образомъ въ обращеніи.

Ученіемъ Фурье особенно увлекался самъ Петрашевскій, увлекался сильно, не менѣе, чѣмъ спустя десять—пятнадцать лѣтъ и другой духовный вождь своего поколѣнія Н. Г. Чернышевскій. Петрашевскій распространялъ воззрѣнія Фурье и устно и печатно [2]). Такъ, еще въ 1846 году онъ горячо рекомендовалъ сочиненія Фурье въ своей статьѣ «Организація производства» въ изданномъ имъ (подъ псевдонимомъ Кириллова) «Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ». Приведемъ одно характерное мѣсто изъ этого, ставшаго большою библіографическою рѣдкостью, изданія. «Разрушеніе, говорится въ статьѣ «Новаторъ», перестало быть геройствомъ, и описаніе станка Аркрайта или паровой машины Фультона или какого-нибудь другого усовершенствованія практическаго скорѣе возбудитъ

---

[1]) Семевскій, В.: Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 40-хъ годовъ. Въ сборникѣ: «На славномъ посту». Спб., 1901 г., ч. II, стр. 119.

[2]) См. «Русская Старина», 1900 г., № 9, стр. 151; В. И. Семевскій: Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова. Въ «Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній», М., 1890, т. I, стр. 129—132.

удивленіе въ сердцѣ читателя, чѣмъ описаніе знаменитой побѣды Наполеона».

Рядъ статей «Карманнаго словаря» составленъ на точномъ основаніи Сенъ-Симона, наприм. ст. «Органическая эпоха»; дѣлаются постоянныя ссылки на Кабэ, излагается ученіе Оуэна.

Единовременно съ Фурье общество усиленно знакомилось и съ сочиненіемъ Гакстгаузена о русской земельной общинѣ. Въ общинномъ землевладѣніи нѣкоторые петрашевцы и возвратившіеся уже къ тому времени декабристы (фонъ-Визинъ, Н. А. Бестужевъ) видѣли залогъ для развитія въ Россіи «соціализма и коммунизма».

Само собою понятно, что лица, увлекавшіяся Фурье, ничего иного не желали, какъ фурьеризировать Россію и нисколько не интересовались ни ея экономическимъ прошлымъ, ни настоящимъ. Будущее же представлялось лишь постольку интереснымъ, поскольку оно могло осуществлять фантазіи Фурье. Къ тому же ученіе Фурье давало готовые, до наивности простые отвѣты на всѣ запросы и соотвѣтствовало настроенію у т о м л е н і я, типичнаго для нѣкоторой части тогдашней интеллигенціи. Объ этомъ далѣе мы приведемъ краснорѣчивое свидѣтельство Герцена [1]).

Въ в о з м о ж н о с т и осуществленія въ Россіи идей Фурье не сомнѣвались. Западъ, думали тогда, уже переходилъ (?) къ фурьеризму; очевидно, могла къ нему перейти и Россія. Но Западъ и Россія находятся на разныхъ ступеняхъ развитія. Первый развилъ у себя капитализмъ и пролетаріатъ, у второй (полагали) этого ничего нѣтъ. Спрашивалось, нужно ли для достиженія у себя на родинѣ лучшаго будущаго, хотя бы соціалистическаго строя во вкусѣ Фурье, проходить предварительно ту же ступень, капитализмъ-пролетаріатъ, которую проходитъ Западъ, или намъ можно прямо и непосредственно, минуя опытъ Запада, перейти къ лучшему будущему.

[1]) «Готовая организація, обязательный строй и отчасти казарменный порядокъ фаланстера, если не находятъ сочувствія въ людяхъ критики, то, безъ сомнѣнія, сильно привлекаютъ тѣхъ усталыхъ людей, которые просятъ почти со слезами, чтобы истина какъ кормилица взяла ихъ на руки и убаюкала. Фурьеризмъ имѣлъ опредѣленную цѣль, трудъ и трудъ сообща. Люди вообще готовы очень часто отказаться отъ собственной воли, чтобы прервать колебаніе и нерѣшительность». Г е р ц е н ъ: Былое и Думы, стр. 244.

Вся передовая интеллигенція, всѣ славянофилы и западник, отвѣчали единогласно: да, возможно перейти непосредственно это все лишь зависитъ отъ доброй воли, и для этого въ Россіи имѣется уже достаточная почва: общинное землевладѣніе и тяготѣніе къ артельнымъ формамъ. Таково было рѣшеніе вопроса, и вся русская интеллигенція въ лицѣ лучшихъ представителей слова и мысли иного отвѣта на этотъ вопросъ не знала цѣлыхъ полвѣка.

Въ противоположность декабристамъ, петрашевцы оставили немного мемуаровъ и записокъ. Пріятнымъ исключеніемъ являются мемуары «Изъ моихъ воспоминаній» (1849—1851) (Спб. 1905), принадлежащіе перу послѣдняго изъ петрашевцевъ, и понынѣ здравствующаго Дмитрія Дмитріевича Ахшарумова.

Громкое въ исторіи русскаго общественнаго развитія дѣло «петрашевцевъ», «апрѣлистовъ», какъ ихъ называлъ гр. Лорисъ-Меликовъ, «соціалистовъ 1849 г.», какъ они сами себя именовали, представляетъ собою одно сплошное трагическое недоразумѣніе. Изъ превосходной, со знаніемъ и любовью написанной вступительной къ мемуарамъ статьи В. И. Семевскаго читатель «Воспоминаній» Ахшарумова лишній разъ убѣдится, какъ далеко отъ насъ это все же близкое намъ «былое», и какъ въ свое время мало поняли и оцѣнили этихъ возведенныхъ молвою и условіями на степень важныхъ государственныхъ преступниковъ крайнихъ идеалистовъ минувшей эпохи. Робкіе, чуждые дѣйствительной жизни и какъ бы утомленные ею, эти мечтатели никогда и не думали не только о какомъ-либо бунтѣ или заговорѣ, но даже не сорганизовались въ тайное сообщество съ опредѣленною программою. Замѣчательную характеристику петрашевцевъ,—не приводившуюся, кажется, еще въ русской печати,—находимъ мы у Герцена, лично знавшаго многихъ изъ нихъ. Суровый авторъ «Былого и Думъ» признаетъ отличительною чертою петрашевцевъ—«болѣзненный надломъ по всѣмъ суставамъ». «Окруженные дрянными и мелкими людьми,—говоритъ онъ,—гордые вниманіемъ полиціи и сознаніемъ своего превосходства, они, при самомъ выходѣ изъ школы, слишкомъ дорого оцѣнивали свой отрицательный подвигъ, или, лучше, свой подвигъ въ возможность.

«Отсюда безмѣрное самолюбіе. Между ихъ запросомъ и оцѣнкою несоразмѣрность была велика. Труда и выдержки у нихъ было мало, того или другого хватало только для пониманія, для усвоенія разработаннаго другими. Они хотѣли жатвы — за намѣреніе сѣять и вѣнковъ за то, что у нихъ закрома были полны.

«Обидное непризнаніе общества» ихъ мучило и доводило до несправедливости къ другимъ, до отчаянія и Frazenhoftigkeit. Страшный грѣхъ лежитъ на Николаевскомъ царствованіи — въ этомъ нравственномъ умерщвленіи плода, въ этомъ душевредительствѣ дѣтей. Вся система казеннаго воспитанія состояла во внушеніи особой религіи: слѣпого повиновенія; это вело къ власти, какъ къ своей наградѣ.

«Молодыя чувства, лучистыя по натурѣ, были грубо оттѣсняемы внутрь, замѣняемы честолюбіемъ и ревнивымъ, завистливымъ соревнованіемъ. Что не погибло, вышло больное, сумасшедшее... Вмѣстѣ съ жгучимъ самолюбіемъ привилась какая-то обезкураженность, сознаніе безсилія, усталь передъ работою.

«Молодые люди становились ипохондриками, подозрительными, усталыми, не имѣя... двадцати лѣтъ отроду. Они всѣ были заражены страстью самонаблюденія, самоизслѣдованія, самообвиненія. Они тщательно повѣряли свои психическія явленія и любили безконечныя исповѣди и разсказы о событіяхъ своей нервной жизни».

Эта характеристика (изъ «Русскихъ тѣней»—петрашевца Владиміра Энгельсона) помогаетъ опредѣленію роли и значенія петрашевцевъ въ тогдашнемъ обществѣ. Фурьеризмъ петрашевцевъ соотвѣтствовалъ ихъ настроенію. Ученіе Фурье, имѣющее, какъ извѣстно, опредѣленный историческій смыслъ въ развитіи французскаго коммунизма, и во Франціи не вышло за предѣлы узкихъ кружковъ парижской интеллигенціи. У насъ оно является болѣе обезпеченнымъ, его differentia specifika исчезала, и все значеніе сводилось къ общей пропагандѣ коммунизма. Навѣрное, подмѣна Фурье—Кабэ или Бабефомъ мало измѣнила бы дѣло.

Связи съ текущимъ днемъ, съ колючками окружающей жизни эта доктрина не имѣла, да и въ барскомъ тогдашнемъ обществѣ не было реальныхъ силъ для осуществленія даже самаго скром-

наго идеала, а не то, что для полнаго пересозданія всего соціальнаго строя, какъ того требовалъ изобрѣтатель «Фаланстера».

Наконецъ, и самый утопическій, внѣ связи съ историческимъ процессомъ стоявшій характеръ фурьеризма былъ, какъ и всѣ доктрины утопическаго соціализма, лишенъ основного указанія, какъ именно возможно изъ даннаго строя перейти къ воплощенію на землѣ измышленнаго идеала, а поэтому и все движеніе петрашевцевъ свелось къ мучительному, но характерному историческому курьезу. Но для тѣхъ темныхъ дней безпросвѣтной реакціи ихъ «эпизодъ», ихъ сектантское исповѣданіе не могли пройти безслѣдно и не прошли. Хотя и оторванный отъ жизни, но искренній энтузіазмъ талантливой молодежи, ихъ безпочвенно непоколебимый идеализмъ свѣтятъ намъ изъ минувшаго прошлаго далекими, но родными сердцу огоньками. Мы знаемъ теперь, что это не были ни феніи и ни карбонаріи, а просто чистые и убѣжденные люди изъ русской интеллигенціи средней руки, искренно переживавшіе одну изъ модныхъ и передовыхъ доктринъ тогдашняго тревожнаго времени. Мы знаемъ, что они были невинны предъ закономъ, но что мрачныя условія времени и трагическое непониманіе сдѣлали ихъ героями и мучениками [1]). Эпоха, напуганная декабристами и взволнованная 1848 годомъ, легко повѣрила преувеличенному доносу нѣкоего Антонелли. Но невинность петрашевцевъ была черезчуръ очевидна. Смертную казнь смѣнили ссылкою и солдатчиною, что было много по тогдашнему времени. «Въ высшихъ сферахъ,—говоритъ Семевскій,—скоро убѣдились, какъ видно изъ записокъ М. А. Корфа («Русская Старина» за 1900 г., кн. 5), что дѣло петрашевцевъ «отнюдь не имѣло ни такой важности, ни такого развитія, какія въ началѣ придали ему городскіе слухи»... И, дѣйствительно, дальше невиннаго «заговора идей» дѣло не шло.

Недавно изданные мемуары Д. Д. Ахшарумова: «Изъ моихъ воспоминаній» вводятъ насъ прямо въ это любопытное время.

---

[1]) О петрашевцахъ и ихъ дѣлѣ можно найти подробности въ статьѣ *В. И. Семевскаго*: „Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 40 годовъ“, въ сборникѣ „На славномъ посту“ и въ моей статьѣ „Къ исторіи русской идеологіи“, „*Народное хозяйство*“ 1904 г., кн. III.

Записки начинаются арестомъ автора, просидѣвшаго восемь мѣсяцевъ въ одномъ изъ равелиновъ Петропавловской крѣпости, и касаются четырехъ лѣтъ: 1848, 49, 50 и 51 гг. Въ нихъ раскрывается грустная, но превосходно очерченная картина «былого».

Помимо художественнаго изложенія, эти записки важны и какъ историческій источникъ: дѣйствительно выстраданнымъ и задушевной правдивостью дышитъ каждое слово. «Превосходное описаніе сцены произнесенія смертнаго приговора всѣмъ подсудимымъ, выведеннымъ на Семеновскій плацъ, представляетъ не только самый замѣчательный эпизодъ воспоминаній Ахшарумова, но и, вообще, любопытнѣйшія страницы въ литературѣ нашихъ мемуаровъ, тѣмъ болѣе что никто изъ его товарищей по дѣлу, если не считать нѣсколькихъ строкъ изъ «Дневника писателя» Достоевскаго, не описалъ этого ужаснаго момента въ ихъ жизни». (Семевскій, В. И. Вступленіе, стр. XVI).

Ахшарумовъ подробно описываетъ все приготовленіе къ казни, но особенно любопытенъ конецъ ея. «Священникъ, — пишетъ онъ,—ушелъ, и сейчасъ же нѣсколько человѣкъ солдатъ вошли къ Петрашевскому, Спѣшневу и Момбели, взяли ихъ за руки и свели съ эшафота; они подвели ихъ къ сѣрымъ столбамъ и стали привязывать каждаго къ отдѣльному столбу веревками. Разговоровъ при этомъ не было слышно. Осужденные не оказывали сопротивленія. Имъ затянули руки сзади столбовъ и затѣмъ обвязали веревки поясомъ, потомъ было отдано приказаніе: «колпаки надвинуть на глаза», послѣ чего колпаки были опущены на лица привязанныхъ товарищей нашихъ. Раздалась команда: «Плацъ!» и вслѣдъ затѣмъ группа солдатъ — ихъ было человѣкъ 16,—стоявшихъ у самаго эшафота, по командѣ направила ружья къ прицѣлу на Петрашевскаго, Спѣшнева и Момбели... Моментъ этотъ поистинѣ ужасенъ. Видѣть приготовленіе къ разстрѣлянію, и при томъ людей близкихъ по товарищескимъ отношеніямъ, видѣть уже наставленные на нихъ, почти въ упоръ, ружейные стволы и ожидать—вотъ прольется кровь, и они упадутъ мертвые,—отвратительно, страшно.

«Сердце замирало въ ожиданіи, и страшный этотъ моментъ продолжался съ полминуты... Возмущенное состояніе мое воз-

росло еще болѣе, когда я услышалъ барабанный бой, значенія котораго я тогда еще, какъ не служившій въ военной службѣ, не понималъ. «Вотъ конецъ всему!»... Но вслѣдъ затѣмъ я увидалъ, что ружья, прицѣленныя, вдругъ всѣ были подняты стволами вверхъ. Отъ сердца отлегло сразу; стали отвязывать привязанныхъ Петрашевскаго, Спѣшнева и Момбели и привели снова на прежнія мѣста ихъ на эшафотъ. Пріѣхалъ какой-то экипажъ, оттуда вышелъ офицеръ—флигель-адъютантъ—и привезъ какую-то бумагу, поданную немедленно къ прочтенію. Въ ней возвѣщалось намъ дарованіе жизни и, взамѣнъ смертной казни, каждому, по виновности, особое наказаніе» (стр. 108 и слѣд.).

Не только описаніе этого событія, но и все остальное въ «воспоминаніяхъ», не исключая и замѣчательной біографіи маститаго автора записокъ и самой судьбы ихъ, подвергавшихся неоднократнымъ цензурнымъ гоненіямъ, представляетъ собою захватывающій интересъ. В. И. Семевскій сообщаетъ, что только что изданныя «воспоминанія», изданныя, кстати сказать, прекрасно и по цѣнѣ совершенно общедоступно, являются только первымъ пробнымъ шаромъ, за которымъ могутъ послѣдовать и другія. Дѣло въ томъ, что, встрѣтивъ сочувствіе, здравствующій и понынѣ живущій въ Полтавѣ замѣчательный 82-хъ лѣтній старецъ найдетъ въ себѣ и силы и желаніе извлечь еще многое изъ забытыхъ катакомбъ былого, что заставитъ и задуматься и пережить вмѣстѣ съ нимъ не одну страницу минувшаго. Въ первую очередь намѣчено описаніе тяжкихъ лѣтъ солдатской службы Д. Д. Ахшарумова въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ на Кавказѣ. «Мы не сомнѣваемся»,—заканчиваетъ свое интересное и обширное вступленіе въ «воспоминанія» почтенный В. И. Семевскій,—«что эти мемуары будутъ имѣть широкое распространеніе, такъ какъ наше образованное общество всегда обнаруживало величайшій интересъ къ воспоминаніямъ людей, пострадавшихъ за свои убѣжденія».

Не сомнѣваемся и мы и думаемъ, что истинное величіе времени состоитъ въ возданіи должнаго тѣмъ, кто пріуготовилъ ему возможность стать тѣмъ, что оно есть.

Отъ славянофильства до идеализма.

(Развитіе взглядовъ на сущность экономической эволюціи Россіи).

I. Славянофилы и западники.

Вопросъ объ экономической эволюціи Россіи представляетъ одну изъ наиболѣе спорныхъ областей русской экономической науки. Вопросъ этотъ—старый, координальный и до сихъ поръ окончательно не рѣшенный. Какъ ученые, такъ и все русское интеллигентное общество дѣлятся въ этомъ отношеніи на два лагеря. По взглядамъ одного, бытъ и характеръ русскаго народа, самыя начала его жизни и всего хозяйственнаго строя совершенно своеобразны и отличны отъ всего остального культурнаго міра, построеннаго на принципѣ индивидуализма; основы русскаго уклада анти-индивидуалистичны; отсюда вся экономическая исторія Россіи пріобрѣтаетъ свой особый характеръ и развивается на основаніяхъ, противоположныхъ западно-европейскимъ. Согласно міровоззрѣнію другого лагеря, эта своеобразность русскаго уклада—простая идеологія натуральнаго хозяйства или безпочвенныя иллюзіи; отличіе же Россіи отъ Запада признается лишь постольку, поскольку мѣстныя условія вообще измѣняютъ общую соціально-экономическую закономѣрность. Основныя начала и экономическое развитіе русскаго народа, наоборотъ, тождественны съ остальными европейскими народами, а слѣдовательно, и экономическая эволюція русскаго народнаго хозяйства должна пройти, въ общихъ чертахъ, по

тѣмъ же этапамъ, что и на Западѣ, и, конечно, съ тѣми варіаціями, которыя вносятся въ общее мѣстными особенностями. Историческое развитіе, общее всѣмъ народамъ, опредѣляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и дальнѣйшія судьбы Россіи и идеалы русскаго будущаго.

Изложенный разладъ въ воззрѣніяхъ на русскую экономическую исторію и ея эволюцію,—какъ уже было сказано,—не новъ. Онъ начался съ конца XVIII столѣтія, т. е. со времени начала болѣе сознательнаго и вдумчиваго изученія русской исторіи. Къ этому же времени первая изъ двухъ приведенныхъ точекъ зрѣнія, т. е. защищающая самобытность Россіи, была общеславянскимъ вопросомъ. Не одни только русскіе, но и другія славянскія народности: чехи, поляки и проч., возбудили вопросъ объ особенностяхъ основъ своего экономическаго быта. Славянское самосознаніе, пробуждаясь, проявилось желаніемъ изолироваться отъ Запада и установить свою историческую индивидуальность. Нѣкоторые, впрочемъ, и тогда уже находили, что не въ этомъ заключается вопросъ о народной самобытности, а въ большемъ развитіи «началъ истинной гражданственности».

Разладъ начался съ воззрѣній на древнихъ славянъ, на ихъ характеръ и юридическій бытъ, на которые одни смотрѣли, какъ на нѣчто совершенно особенное и провиденціальное для исторіи человѣчества, другіе,—какъ на одну изъ сходныхъ между собою разновидностей индо-германскаго племени [1]). Съ теченіемъ времени разладъ этотъ разросся до цѣлаго вопроса, а затѣмъ къ нему примкнулъ споръ о такъ называемыхъ экономическихъ судьбахъ Россіи или о «русскомъ капитализмѣ».

Исторія этого разлада и развитія обоихъ мнѣній весьма поучительна. Только путемъ очень медленнымъ, путемъ долгой борьбы и труда выработались современные взгляды на экономическую исторію Россіи. Къ тому же, исторія этихъ взглядовъ тѣсно связана съ исторіею русской общественной мысли. Усвоеніе того или иного міровоззрѣнія немедленно отражалось и на постановкѣ

---

[1]) См. *Собѣстіанскій, И. М.*: Ученіе о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Харьковъ, 1892 г.

всего вопроса объ экономической исторіи Россіи. Прослѣдить развитіе этого вопроса и составляетъ задачу дальнѣйшаго изложенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ради возможно полнаго достиженія намѣченной цѣли приходилось жертвовать болѣе всестороннею характеристикою затронутыхъ далѣе теченій. Всѣ они разсматриваются по отношенію къ одному только вопросу, около котораго координировано все изложеніе.

I.

Ранѣе другихъ высказались по этому вопросу историки, къ которымъ мы и обратимся.

Русскіе историки позапрошлаго столѣтія, Ломоносовъ, Татищевъ и Болтинъ, не признавали въ бытѣ первыхъ славянъ ничего особеннаго, ничего отдѣляющаго ихъ отъ остального концерта человѣчества. Болтинъ въ § 1 второго тома «Примѣчаній на исторію древнія и нынѣшнія Россіи Леклерка» (т. II, стр. 423, изд. 1788 г.) прямо утверждаетъ, что «повсюду человѣки были и понынѣ суть во всемъ одинъ другому подобны». Нѣсколько позднѣе Карамзинъ даже призналъ стремленіе къ признанію за славянами какого-то своеобразнаго культурно-историческаго характера просто выраженіемъ народнаго тщеславія. Такая точка зрѣнія вполнѣ соотвѣтствовала сообщеніямъ источниковъ, и дѣйствительно, всѣ историческіе памятники, отъ Прокопія до Саксона Грамматика, единогласно свидѣтельствуютъ о славянахъ, какъ о народѣ вполнѣ тождественномъ другимъ народамъ, находящимся на той же ступени развитія, т. е. дикимъ и воинственнымъ.

Но Карамзина, какъ и его современниковъ и предшественниковъ, интересовала исключительно политическая исторія Россіи. Изображеніе хозяйственнаго и общественнаго развитія послѣдней не шло дальше такъ называемыхъ картинъ домашняго быта народа, дальше болѣе или менѣе удачныхъ, но отрывочныхъ «моментальныхъ фотографій» жизни народа въ разныя его эпохи. Конечно, странно было бы и требовать какой-либо конструкціи русской исторіи на основѣ хотя бы экономическаго матеріализма,

проповѣдь котораго раздалась спустя столѣтіе послѣ смерти вышеназванныхъ историковъ.

Существенное исключеніе изъ общей массы составлялъ одинъ только Шторхъ, историкъ и экономистъ начала XIX столѣтія. Ему принадлежитъ та замѣчательная гипотеза, доказательства которой ежегодно умножаются, что вся политическая русская эволюція покоится на экономическомъ базисѣ строго опредѣленнаго характера, а именно на торговлѣ [1]). Торговля, по мнѣнію Шторха, была для Россіи тою основною движущею силою, которая создала и культуру, и города и самое русское государство. Въ эту свою, на нашъ взглядъ, близкую къ истинѣ схему Шторхъ внесъ одну ошибку, впрочемъ, вполнѣ понятную съ точки зрѣнія тогдашняго состоянія науки, а именно онъ предполагалъ, что вся древне-русская торговля носила исключительно транзитный характеръ. «Россія,—по мнѣнію Шторха,—вѣроятно, еще со временъ классической древности была кратчайшимъ торговымъ путемъ индійскихъ и вообще восточныхъ товаровъ изъ Чернаго моря въ Балтійское. Только съ VIII и IX вѣковъ итальянскіе города начали завязывать прямыя сношенія съ Константинополемъ и Малою Азіей; но и тогда вся сѣверная Европа продолжала снабжаться восточными продуктами изъ Балтійскаго моря. Торговля эта была въ рукахъ норманновъ, съ одной стороны, и понтійскихъ грековъ, съ другой. Но мало-по-малу въ нее начали втягиваться и славянскія племена, жившія по великому водному пути «изъ варягъ въ греки». Первымъ благодѣтельнымъ послѣдствіемъ этой торговли было построеніе городовъ, «обязанныхъ, можетъ быть, исключительно ей и своимъ возникновеніемъ и своимъ процвѣтаніемъ». «Кіевъ и Новгородъ сдѣлались скоро складочными мѣстами для левантской торговли; въ обоихъ уже съ древнѣйшихъ временъ ихъ существованія поселились иностранные купцы». Далѣе «эта же торговля вызвала второй, несравненно болѣе важный переворотъ, благодаря которому

[1]) «Теорія Шторха,—говоритъ проф. Милюковъ,—получила въ наши дни блестящее развитіе и обставлена остроумною ученою аргументаціею». *Милюковъ, П.*: Главныя теченія русской исторической мысли, т. I., М., 1898, стр. 142.

Россія получила прочную политическую организацію. Предпріимчивый духъ норманновъ, ихъ торговыя связи со славянами и частыя поѣздки черезъ Россію положили основаніе знаменитому союзу, подчинившему великій, многочисленный народъ кучкѣ чужеземцевъ». Объяснивъ торговлей и происхожденіе городовъ и появленіе первыхъ князей, Шторхъ отмѣчаетъ затѣмъ и ту важную роль, которую торговля продолжаетъ играть въ дѣятельности послѣднихъ. «Рюрикъ нашелъ свой народъ уже обладающимъ значительною и выгодною торговлей», заведенною въ немалой степени, благодаря усиліямъ его земляковъ. Старанія первыхъ князей сообщили этой торговлѣ дальнѣйшее развитіе [1]).

Основываясь на транзитной торговлѣ, Шторхъ въ такомъ же духѣ строилъ и всю свою дальнѣйшую теорію.

Онъ признавалъ, что собственное промышленное развитіе славянско-литовскихъ племенъ было слишкомъ ничтожно для созданія активной торговли въ ихъ средѣ. Торговля, по Шторху,— «внѣшняя организація и цивилизующая сила, а вовсе не продуктъ туземнаго внутренняго развитія». Но Шторхъ, повторяю, являлся только пріятнымъ исключеніемъ. Къ тому же, общій ходъ событій мѣшалъ усвоенію этихъ взглядовъ.

Къ концу Екатерининскаго вѣка начали смутно пробиваться первые ростки русскаго національнаго, которому, впрочемъ, суждено было пройти долгую ступень предварительнаго развитія. Затѣмъ, въ началѣ 90-хъ годовъ XVIII столѣтія появилось новое, до сихъ поръ не умирающее ученіе о рѣзкихъ національныхъ особенностяхъ характера, нравовъ и строя жизни древнихъ славянъ. Оно принадлежитъ довольно извѣстному нѣмецкому философу, гуманисту Гердеру, и входитъ, какъ составная часть, во всю систему его міровоззрѣнія. Гердеръ въ 4-мъ томѣ своихъ «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit» (Рига и Лейпцигъ, 1791 г.) затрагиваетъ бытъ древнихъ славянъ, которыхъ онъ до крайности идеализируетъ.

Точка зрѣнія Гердера рѣшительно ни на чемъ не основана

---

[1]) *Милюковъ, П.*: Главныя теченія и проч., стр. 142.

и всего менѣе, какъ доказалъ проф И. М. Собѣстіанскій, на изученіи первоисточниковъ, сообщающихъ безчисленные факты какъ разъ обратнаго характера. Утвержденіе Гердера—поэтическая вольность сантиментальнаго, случайно заѣхавшаго въ Россію и не знавшаго ея нѣмецкаго идеалиста. Душа, истомленная прусскимъ казарменно-полицейскимъ режимомъ, искала у «полудикихъ» россовъ такихъ же идеальныхъ чертъ, какими нѣкогда Томасъ Моръ надѣлилъ обитателей своей Утопіи, а Кампанелла—жителей города Солнца. Изящной и гуманной фантазіи Гердера, попутно брошенной всего на четырехъ страничкахъ его большого труда, суждено было сыграть историческую роль.

Конструкція историко-философскихъ идей Гердера не сложна.

Природа создана разумно и гуманно, а высшее ея твореніе, человѣкъ, склоненъ преимущественно къ достиженію высшаго блага, къ гуманности, думаетъ Гердеръ. Поэтому въ природѣ зло не уравновѣшивается, а какъ бы перевѣшивается добромъ. Небольшой группѣ хищниковъ животнаго царства природа противопоставила громадныя количества жвачныхъ и иныхъ мирныхъ животныхъ. Народы Запада, цѣль которыхъ зачастую состояла въ завоеваніи и разрушеніи, компенсируются въ исторіи многочисленнѣйшимъ въ Европѣ народомъ—славянами, мирными и гуманными земледѣльцами, торговцами или промышленниками. Исторія славянства и исторія Запада различны... Идея была брошена, оставалось только развить ее!.. И мы увидимъ далѣе, какъ много писателей, даровитыхъ и вдумчивыхъ, не могли отрѣшиться отъ этой ложной романтической идеи, противорѣчащей всему современному историческому и соціологическому знанію. Только что приведенный поэтическій набросокъ Гердера, надѣлявшій славянъ особо прекрасными качествами, скоро былъ усвоенъ славянскими учеными того времени, великими патріотами и славянолюбцами. Польскіе, чешскіе и зарубежные русскіе (или, такъ называемые, руссинскіе) писатели повторяли, расширяли и истолковывали гердеровскія воззрѣнія. Каждый изъ нихъ приписывалъ исключительно своей національности какъ «мужество предковъ», такъ и «тихія и кроткія добродѣтели, незапятнанныя кровью и неорошенныя слезою человѣческою». Такъ

писали въ 1808 году Іосифъ Добровскій и Копитаръ, въ 1809 году Суровецкій, нѣсколько позже Мацѣевскій, въ двадцатыхъ годахъ Шафарикъ и Лелевель [1]).

Въ концѣ 20-хъ годовъ въ Польшѣ выступилъ извѣстный впослѣдствіи общественный дѣятель и патріотическій писатель Лелевель. Въ своемъ сочиненіи «Первоначальное польское законодательство гражданское и уголовное» (1828) [2]), а равно и въ остальныхъ своихъ сочиненіяхъ онъ доказывалъ, что древнеславянскій бытъ былъ чѣмъ-то совершенно особеннымъ, въ виду его характерной основы, общинности [3]).

Эту общинность Лелевель приписываетъ исключительно славянскому міру, который такимъ образомъ вполнѣ противопоставляется всему остальному Западу, строй жизни котораго покоится на индивидуализмѣ. Древніе славяне, согласно воззрѣніямъ Лелевеля, являются народомъ демократическимъ, управляемымъ народнымъ собраніемъ («вѣче»). Общинное землевладѣніе, мирный захватъ земли, исключительное предпочтеніе мирныхъ занятій, любовь къ свободѣ и презрѣніе къ рабству составляютъ основныя черты славянскихъ народностей вплоть до принятія христіанства. Съ распространеніемъ христіанства славяне постепенно утрачиваютъ свои прежнія права и особенности. Измѣненіе касается прежде всего русскихъ (славянъ), гдѣ древнее самоуправленіе вытѣсняется, подъ вліяніемъ Византіи, самодержавіемъ. Долѣе другихъ націй устояла Польша. Въ организаціи Польскаго государства, по мнѣнію Лелевеля, осуществился древне-славянскій общинный идеалъ во всемъ блескѣ и величіи. Народъ самъ

---

[1]) Когда современникъ ихъ, русскій историкъ *Карамзинъ*, писалъ, что, наоборотъ, славяне были въ силу своей низкой культуры однимъ изъ наиболѣе хищныхъ, жестокихъ и воинственныхъ народовъ Европы, то славянскіе ученые-патріоты обвинили его и въ незнакомствѣ съ источниками и въ симпатіяхъ къ врагамъ славянства. Мнѣніе послѣднихъ вскорѣ восторжествовало.

[2]) *Лелевель*: «Początkowe prawodawstwo polskie cywilne i kriminalne do czasów Iagiellonskich». Варшава, 1828.

[3]) *Лелевель*: «Narody na ziemliach slawianskich przed powstaniem Polski». Познань, 1855 и др.

управлялъ собою на началахъ равенства, свободы и братства. Когда же Польская Республика отказалась отъ своихъ завѣтныхъ идеаловъ, лишивъ народъ его суверенныхъ правъ, она пала.

Воззрѣніе польскаго патріота нашло подтвержденіе въ трудахъ другого патріота, ученаго Мацѣевскаго. Ихъ ученіе послужило краеугольнымъ камнемъ для господствовавшей около полувѣка патріотически настроенной исторической школы. Впрочемъ, оно недолго оставалось въ предѣлахъ славянскаго міра. Геніальный польскій поэтъ, Адамъ Мицкевичъ, вскорѣ возвѣстилъ его всей Европѣ. Въ своихъ знаменитыхъ лекціяхъ по исторіи славянскихъ литературъ Мицкевичъ популяризировалъ теорію общиннаго быта Лелевеля. Лекціи Мицкевича привлекали толпы слушателей и служили громкою злобою дня въ обществѣ и печати. Такъ въ началѣ 40-хъ годовъ изъ стѣнъ Collège de France возвѣщено было Европѣ «открытіе» невѣдомаго раньше славянскаго міра. Въ немъ многіе, заслушавшись восторженной рѣчи славянскаго патріота, увидѣли воплощеніе тѣхъ идеаловъ общежитія, къ которымъ тщетно и мучительно стремилась цивилизація въ теченіе тысячелѣтій. Это былъ тотъ же самообманъ, которому поддался въ свое время Руссо, видѣвшій въ Польшѣ частичное воплощеніе своихъ идеаловъ.

Увлеченію славянствомъ поддались и въ Германіи. Баронъ А. Гакстгаузенъ ѣдетъ въ Россію, напередъ восхищенный ея бытомъ и ея нравомъ. Трехтомное изслѣдованіе, вышедшее въ концѣ 40-хъ годовъ [1]), напоминаетъ восторженныя статьи парижскихъ журналовъ временъ лекцій Мицкевича.

II.

Все это не могло остаться безъ вліянія на русское общество; когда и какъ зародились въ немъ славянофильскія симпатіи, опредѣлить очень трудно. Во всякомъ случаѣ, за нѣсколько по-

[1]) *Haxthausen, A.*: Studien über die innere Zustände, das Volksleben und etc. I и II т., Ганноверъ, 1847 г.; III т., Берлинъ, 1852; русск. пер., I т., 1870 г., въ Спб.

колѣній до 1810, какъ это думаетъ Пыпинъ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что славянофильство, въ болѣе или менѣе смутномъ видѣ, появилось при общемъ пробужденіи русской общественной мысли. Основная конструкція славянофильства по своему историческому типу должна быть сродни каждому пробуждающемуся къ сознательной жизни народу. Можно указать и у насъ и на отдѣльныхъ лицъ и на цѣлые слои, которые еще въ самомъ началѣ 20-хъ годовъ начали болѣе или менѣе открыто сочувствовать славянскимъ патріотическимъ фантазіямъ. Ко времени декабристовъ славянофильство настолько прочно укрѣпляется въ умахъ, что явилась возможность создать тайный союзъ: «Общество Соединенныхъ Славянъ». Это общество преслѣдовало совершенно иныя цѣли, чѣмъ «Южное Общество»,—центръ декабристовъ, хотя оно одно время и было съ послѣднимъ въ союзѣ и вмѣстѣ съ нимъ подверглось разгрому [2]).

Задачи Общества Соединенныхъ Славянъ, по словамъ записки одного изъ его сочленовъ, были слѣдующія: «Общество имѣло главною цѣлью освобожденіе всѣхъ славянскихъ племенъ отъ самовластія, уничтоженіе существующей между нѣкоторыми изъ нихъ національной ненависти и соединеніе всѣхъ обитаемыхъ ими земель федеративнымъ союзомъ. Предполагалось съ точностью опредѣлить границы каждаго государства, ввести у всѣхъ народовъ форму демократическаго представительнаго правленія, составить конгрессъ для управленія дѣлами союза и для измѣненія, въ случаѣ надобности, общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству заняться внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній». «Вникая въ основанія благоденствія частнаго человѣка,—говорится въ запискѣ,—мы убѣждаемся, что они бываютъ физическія, нравственныя и умственныя: посему гражданское

---

[1]) *Пыпинъ*: Очерки.

[2]) См. замѣчательныя «Записки неизвѣстнаго» (Горбачевскаго?). (Изъ Общества Соединенныхъ Славянъ). «Русскій Архивъ». М. 1882 г. Кн. I. *Герценъ* въ статьѣ «La Conspiration Russe en 1825» указываетъ, что Общество Соединенныхъ Славянъ было основано артиллерійскимъ офицеромъ *Борисовымъ*, и что Бестужевъ-Рюминъ присоединилъ (?) славянъ къ главной организаціи

общество, какъ цѣлое, составленное изъ единицъ, необходимо зиждется на тѣхъ же началахъ и для достиженія возможнаго благосостоянія требуетъ промышленности, отвращающей бѣдность и нищету, нравственности, просвѣщенія». Промышленность (читай—трудъ), нравственность и просвѣщеніе—это три основныхъ начала общественнаго блага истиннаго «славянина». Они достаются путемъ нравственнаго совершенствованія, путемъ уничтоженія сословій, трудолюбія и вѣротерпимости. Только ставъ нравственнымъ, просвѣщеннымъ и трудолюбивымъ, народъ становится достойнымъ свободы. Подготовленный такимъ образомъ «къ новому образцу гражданскаго существованія» весь народъ производитъ у себя перемѣну. «Хотя военныя революціи быстрѣе достигаютъ цѣли,—говорится въ той же запискѣ,—но слѣдствія оныхъ опасны: онѣ бываютъ не колыбелью, а гробомъ свободы, именемъ коей совершаются». Но не надѣясь на скорое исполненіе желаній, «славяне» не сидѣли сложа руки, а работали. Съ этою цѣлью «они положили опредѣлить нѣкоторую часть общественной суммы на выкупъ крѣпостныхъ людей, стараться заводить или споспѣшествовать заведенію небольшихъ сельскихъ и деревенскихъ училищъ, внушать крестьянамъ и солдатамъ познаніе правды и любовь къ исполненію обязанностей гражданина и, такимъ образомъ, возбудить въ нихъ желаніе измѣнить унизительное состояніе рабства и пр.». Но главная мысль была та, что «свобода покупается не слезами, не золотомъ, а кровью», что, по словамъ автора записокъ, давало союзу «отпечатокъ какой-то воинственности».

Члены Общества Соединенныхъ Славянъ принадлежали преимущественно къ среднему помѣстному дворянству, служившему по большей части въ арміи. Представители столичнаго общества и особенно науки остаются еще глухи къ новому вліянію. Но въ 30-хъ годахъ, несмотря на разгромъ Общества Соединенныхъ Славянъ, славянофильское направленіе пускаетъ корни и въ другихъ слояхъ общества. Усиленіе славянофильства въ Польшѣ и Чехіи поддерживаетъ распространеніе этого ученія въ Россіи. Въ концѣ 30-хъ годовъ воззрѣнія Гердера, подкрѣпленныя знаменитымъ изслѣдованіемъ одного изъ крупнѣйшихъ славистовъ—

Шафарика («Славянскія Древности», 1837 г.), проникли и скоро утвердились въ Россіи. Почва для нихъ, какъ мы видѣли выше, была готова, и, когда рядъ ученыхъ (Бодянскій, Погодинъ и др.) уже открыто говорить о національныхъ особенностяхъ древней Россіи, то къ ихъ словамъ прислушивается все образованное общество. Какъ въ свое время воззрѣнія Лелевеля и Мицкевича, такъ мысли и выраженія нашихъ ученыхъ начинаютъ повторять и толковать на разные лады. Только русскіе славянофилы не хотятъ поклоняться Польшѣ. Высокія качества славянскаго духа и идеальное устройство древне-славянскаго быта они съ полнымъ патріотизмомъ цѣликомъ приписываютъ Россіи. Вотъ точка зрѣнія, усвоенная кружкомъ московскихъ писателей большого свѣта—братьями Кирѣевскими, К. Аксаковымъ, Хомяковымъ и др., извѣстными подъ общимъ названіемъ славянофиловъ. Въ соединеніи съ воззрѣніями тогдашней нѣмецкой философіи они создали новое историко-философское и религіозно-политическое ученіе—славянофильство, сыгравшее въ 40 и 50-хъ годахъ видную роль въ развитіи русской интеллигенціи [1]). Но и затѣмъ славянофильское ученіе не умирало и, оказавъ вліяніе на рядъ русскихъ историковъ (Соловьева, Кавелина, Бестужева-Рюмина, Петрова, Осокина, Бѣляева), легло въ основу развившагося во второй половинѣ вѣка такъ назыв. «русскаго національизма». Но писатели и защитники этого лагеря уже обходили молчаніемъ вопросъ объ экономическомъ развитіи Россіи, отдѣлываясь въ необходимыхъ случаяхъ общими фразами. Болѣе обстоятельно и опредѣленно высказались славянофилы.

Ко времени ихъ выступленія русское общество находилось, какъ извѣстно, подъ другимъ сильнымъ вліяніемъ, а именно—нѣмецкой романтики. Послѣднее направленіе, весьма понятно, только способствовало усвоенію славянофильскаго настроенія. Нѣсколько раньше въ Москвѣ возникаетъ вышеупомянутый кружокъ, который своею литературною дѣятельностью положилъ прочное основаніе послѣдующему національстическому направле-

---

[1]) Ср. *Пыпинъ*: Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50-хъ годовъ. Спб., 1890 г., стр. 248.

нію въ Россіи. Въ составъ этого кружка входили братья Кирѣевскіе—Иванъ (1806—1856) и Петръ (1806—1856), А. С. Хомяковъ (1804—1860), Дмитрій Валуевъ, Петръ Яковл. Чаадаевъ, Константинъ (1817—1860) и Иванъ (1823—1886) Аксаковы, затѣмъ позже Ю. Самаринъ (1819—1876), Александръ Кошелевъ (1806—1883), Александръ Поповъ, Чижовъ, С. А. Масловъ, кн. В. В. Львовъ, Д. Н. Свербеевъ, С. М. Бестужевъ, А. О. Армфельдъ, Э. А. Дмитріевъ-Тимоновъ и др.

Конецъ 20-хъ годовъ былъ періодомъ такъ называемой подготовительной работы, когда славянофильство не выходило изъ кружка близкихъ друзей-единомышленниковъ и не представляло собою никакого замѣтнаго общественнаго теченія. Славянофильство этого времени было продуктомъ свѣтскихъ кабинетовъ и гостиныхъ, экзотическимъ произведеніемъ комнатной культуры, достояніемъ немногихъ избранныхъ, преимущественно родовитыхъ баръ-москвичей. Значительною, почти общественною силою славянофильство стало уже въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ при появленіи группы антагонистовъ-западниковъ. Этому содѣйствовало энергичное общественное настроеніе славянофиловъ. «Первые вѣстники славянофильства являлись людьми сильными убѣжденіемъ и вѣрою, вызывавшими на бой съ неправдою какъ въ области мысли, такъ и въ окружающей дѣйствительности» [1]). Но ихъ настроеніе, выдвинувъ ихъ впередъ, нашло себѣ мало отзвуковъ въ русской жизни и не сдѣлалось общерусскимъ теченіемъ. А. Плещеевъ въ мартѣ 1849 года свидѣтельствуетъ изъ Москвы петрашевцу Дурову, что тамъ «славянофильство имѣетъ весьма ограниченный кругъ прозелитовъ» (Общество пропаганды, 1849 г., стр. 78) [2]). Впрочемъ, и позже на

[1]) *Сухомлиновъ.* Изслѣдованія и статьи. Спб., 1889, стр. 462.

[2]) «Общество пришло въ недоумѣніе отъ непривычной рѣчи, поразившей и своею смѣлостью и оригинальностью мысли. Большинство такъ и осталось при неопредѣленномъ впечатлѣніи, не задавая себѣ труда вдуматься въ предметы, повидимому, весьма отвлеченнаго свойства. Судьи болѣе храбрые и самоувѣренные произнесли приговоры весьма рѣшительные: по мнѣнію однихъ, славянофилы были фанатики, мечтавшіе о вещахъ невозможныхъ, а потому безвредные; по мнѣнію другихъ, славянофилы—опасные враги общественнаго спокойствія». *Сухомлиновъ*: Изслѣд. и пр., стр. 482.

широкую улицу это направленіе никогда не выходило, хотя одно время и усиленно привлекало вниманіе русскаго общества, но общественнымъ движеніемъ не становилось, не демократизировалось, но и не проникало непосредственно въ правящія сферы [1]). Поэтому славянофильство никакихъ прямыхъ практическихъ результатовъ не дало. Но вліяніе его «въ эпоху великихъ реформъ» было несомнѣнно значительно. Болѣе поздніе славянофилы, а именно Ю. Самаринъ, князь Черкасскій, отчасти Н. А. Милютинъ сыграли видную роль въ реформѣ 61-го года, а славянофильство до извѣстной степени содѣйствовало освобожденію крестьянъ съ землею и сохраненію общины. Впрочемъ, это были вопросы, на которыхъ сходились, забывая партійность, всѣ слои передового общества. Общее дѣло вызывало общее настроеніе, взаимное чувство [2]). Это былъ любопытный въ психологическомъ смыслѣ историческій моментъ, — моментъ единенія: совершивъ свою миссію, единодушіе исчезло. Миссія эта была—уничтоженіе крѣпостничества. Весь интересъ къ экономическимъ судьбамъ Россіи сосредоточивался, начиная съ 30-хъ годовъ, только на одномъ моментѣ—на современномъ, на освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Одна часть интеллигенціи помогала практическому осуществленію этого великаго дѣла, другая намѣчала путь его дальнѣйшаго развитія. Въ основу всего клалось одно—народные интересы: такъ смотрѣли всѣ—и Хомяковъ, и Чернышевскій, и Добролюбовъ.

Въ чемъ именно состояла практическая программа славянофильства, мы сейчасъ укажемъ. Она особенно ярко была формулирована послѣ раздѣленія русскаго общества на два лагеря:

[1]) Князь П. А. Вяземскій въ 1855 г. выразился: «Славянофильство распространялось подъ сѣнью цензуры и не перестанетъ распространяться, пока окружено будетъ туманомъ». *Сухомлиновъ, М.*: Изслѣдованія и статьи. Статья: «Снятіе опалы съ славянофиловъ». Стр. 480.

[2]) Западникъ Герценъ писалъ о славянофилахъ, объ этихъ «нашихъ врагахъ-друзьяхъ»: «Да, мы были противниками ихъ, но очень странными. У насъ была одна любовь, но не одинокая—и мы, какъ Янусъ или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время какъ сердце билось одно». (На смерть К. Аксакова. Колоколъ, л. 90; Былое и Думы, стр. 266).

славянофильскій и западническій. Въ 20 и 30-хъ годахъ славянофильство и западничество ютились въ московскихъ салонахъ. Затѣмъ они распались. Герценъ считаетъ виновникомъ разрыва Бѣлинскаго, ему подготовилъ почву Чаадаевъ (1836 г.)[1]. Изъ безконечныхъ салонныхъ споровъ оба направленія въ 1844 году превратились въ два враждебныхъ лагеря[2].

«Ближайшимъ поводомъ къ окончательному (?) разрыву,— говоритъ П. Милюковъ,—явились рѣзкіе стихи Языкова, направленные противъ Грановскаго и вообще западниковъ. Первою же пробою отношенія московскаго общества къ обоимъ лагерямъ послужилъ демонстративный успѣхъ диссертацій и публичныхъ лекцій Грановскаго въ сравненіи съ холоднымъ пріемомъ лекцій Шевырева». Противники не жалѣли красокъ, характеризуя славянофиловъ. Грановскій (Переписка, т. II, стр. 455) слѣдующимъ образомъ отозвался «объ Аксаковыхъ, Самариныхъ и братіи»: «Эти люди противны мнѣ, какъ гробы. Отъ нихъ пахнетъ мертвечиною. Ни одной свѣжей мысли, ни одного благороднаго взгляда. Оппозиція ихъ безплодна, потому что основана на одномъ отрицаніи всего, что сдѣлано у насъ въ полтора столѣтія новѣйшей исторіи... Послѣднее слово ихъ системы—православная патріархальность, несовмѣстимая ни съ какимъ движеніемъ впередъ».

Сурово отрицалъ славянофиловъ и Бѣлинскій, который ни-

---

[1]) «Страстный и вообще полемическій характеръ славянской партіи особенно развился вслѣдствіе критическихъ статей Бѣлинскаго; и еще прежде нихъ, они должны были сомкнуть свои ряды и высказаться при появленіи письма Чаадаева въ шумѣ, который оно вызвало. Письмо Чаадаева было своего рода послѣднее слово, рубежъ». *Герценъ*: Былое и Думы, стр. 274.

[2]) «Въ началѣ сороковыхъ годовъ мы должны были встрѣтиться враждебно—этого требовала послѣдовательно ть нашимъ началамъ. Мы бы могли ссориться изъ-за ихъ (славянофиловъ) дѣтскаго поклоненія дѣтскому періоду нашей исторіи; но принимая за серьезное ихъ православіе, но видя ихъ церковную нетерпимость въ обѣ стороны, въ сторону науки и въ сторону раскола, — мы должны были враждебно стать противъ нихъ. Мы видѣли въ ихъ ученіи новый елей, помазующій..., новую цѣпь, налагаемую на мысль, новое подчиненіе совѣсти раболѣпному византійству». *Герценъ*, тамъ же, стр. 267.

когда не хотѣлъ слышать о примиреніи. «Я жидъ, говорилъ онъ, и не хочу ѣсть за однимъ столомъ съ филистямлянами». Только Герценъ относился терпимѣе и мягче къ славянофиламъ, такъ какъ и самъ раздѣлялъ многое и существенное изъ ихъ экономическихъ воззрѣній [1]).

Такимъ образомъ антагонизмъ былъ силенъ. Этотъ антагонизмъ далъ Кирѣевскимъ и Хомяковымъ возможность въ 1845 году формулировать славянофильство на страницахъ «Москвитянина». По смыслу ихъ ученія, «и начало европейской образованности, развившееся по всей исторіи Запада, въ наше время оказывается уже неудовлетворительнымъ для высшихъ требованій просвѣщенія». «Современный характеръ европейскаго просвѣщенія совершенно однозначителенъ съ характеромъ той эпохи римско-греческой образованности, когда, развившись до противорѣчія самой себѣ, она по естественной необходимости должна была принять въ себя другое новое начало, хранившееся у другихъ племенъ, не имѣвшихъ до того времени всемірно-исторической значительности». Такимъ племенемъ, выступающимъ на всемірно-историческую чреду, является въ данномъ случаѣ русскій народъ. Вносимаго имъ «новаго начала» надобно искать: оно не бросается само въ глаза, какъ бросается образованность «европейская», ибо коренныя начала просвѣщенія Россіи не раскрылись въ ея жизни до той очевидности, до какой развились начала западнаго просвѣщенія. «Поиски Кирѣевскаго приводятъ его къ заключенію, что новое начало, которое Россія внесетъ во всемірно-историческое развитіе, непосредственно вытекаетъ изъ всей разницы между восточной культурой и западной. Въ основѣ европейской исторіи лежитъ римская культура; ея духомъ (разсудочностью) проникліись и западная церковь, и государство, основанное на Западѣ насиліемъ, завоеваніемъ. А такъ какъ дальнѣйшее развитіе государства есть не что иное, какъ раскрытіе внутреннихъ началъ, на которыхъ оно основано», «то государства европейскія, начавшіяся насиліемъ, должны были развиваться переворотами».

[1]) См. *Богучарскій*: Изъ прошлаго русскаго общества. Спб., 1904, стр. 186 и слѣд.

Въ нихъ развился, благодаря «односторонней разсудочности», не общественный духъ, но «духъ личной отдѣленности». «Подъ общественными формами скрывались постоянно однѣ частныя партіи для своихъ частныхъ цѣлей, забывавшія о жизни цѣлаго государства. Поэтому развитіе совершалось всегда посредствомъ болѣе или менѣе чувствительнаго переворота Переворотъ былъ условіемъ всякаго прогресса». Россія, совершенно напротивъ, не подверглась вліянію римскаго культурнаго элемента: коренной русскій умъ, лежащій въ основѣ русскаго быта, сложился и воспитался подъ руководствомъ св. отцовъ Восточной церкви, которые, «не увлекаясь въ односторонность силлогистическихъ построеній, держались той полноты и цѣльности умозрѣнія, которая составляетъ отличительный признакъ христіанскаго любомудрія». «Къ намъ это просвѣщеніе проникало прямо изъ первыхъ источниковъ, изъ самаго центра современнаго просвѣщенія, который тогда находился въ Царьградѣ, Сиріи и на Святой Горѣ»; оно вліяло «на всѣ понятія нравственныя, общежительныя и юридическія, на всѣ классы и ступени общества», такъ какъ духовенство,—главный посредникъ при распространеніи этого просвѣщенія,—составлялось «безразлично изъ всѣхъ классовъ народа». «Сѣмена упали притомъ на подготовленную и благодарную почву, такъ какъ въ Россіи не было ни завоеванія, ни, слѣдовательно, рѣзкаго раздѣленія общества на классы, земли—на независимыя отдѣльныя владѣнія. Въ единой и цѣльной внутри себя Россіи восточная образованность пустила такіе глубокіе корни, что, несмотря на то, что уже 150 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ монастыри наши перестали быть центромъ просвѣщенія, несмотря на то, что вся мыслящая часть народа своимъ воспитаніемъ и своими понятіями значительно уклонилась отъ прежняго быта, изгладивъ даже память о немъ изъ сердца своего,—этотъ русскій бытъ, созданный по понятіямъ прежней образованности и проникнутый ими, еще уцѣлѣлъ почти неизмѣнно въ низшихъ классахъ народа: онъ уцѣлѣлъ, хотя живетъ въ нихъ уже почти безсознательно, уже въ одномъ обычномъ преданіи, уже не связанный господствомъ образующей мысли». «Задача русской интеллигенціи—дать народной мысли эту

недостающую ей связность и сознательность и на этомъ только основаніи—никакомъ иномъ—создать науку, основанную на самобытныхъ началахъ, искусство, на самородномъ корнѣ расцвѣтающее»[1]).

Московскій славянофильскій кружокъ вскорѣ внесъ расколъ въ русское общество. Какъ мы уже сказали, съ его появленія русская интеллигенція распалась на два лагеря: славянофиловъ и западниковъ.

Славянофилы отнюдь не удовлетворялись восхваленіемъ своей родины[2]). Противопоставляя ей и вообще всему славянскому міру Западъ, они перенесли на него всю силу антипатіи своей восторженной натуры. Начала Запада, по ихъ мнѣнію,—олицетвореніе эгоизма (см. соотвѣтствующее стихотвореніе Хомякова), разрушенія, эксплоатаціи и разврата. Начала славянства—это ключъ, изъ котораго разольется безбрежное славянское море. И чѣмъ хуже начала Запада, тѣмъ возвышеннѣе и прекраснѣе будетъ грядущее родины. Но они не любили не конкретный За-

---

[1]) *Милюковъ*: Славянофильство. Словарь Брокг. и Ефр. Спб., 1900, т. 30, стр. 307.

[2]) «Въ основѣ этого ученія лежало, какъ извѣстно, гегеліанское представленіе о томъ, что всемірная исторія есть постепенное развитіе и обнаруженіе всемірнаго духа. Отдѣльныя народности воплощаютъ въ себѣ отдѣльныя ступени развитія этого духа: каждый послѣдующій народъ, выступающій на сцену всемірной исторіи, представляетъ всемірно-историческую идею все въ болѣе полномъ и совершенномъ выраженіи. Въ этомъ ряду народовъ, призванныхъ быть выразителями всемірной идеи, Россіи и славянству принадлежитъ роль послѣдняго и наиболѣе полнаго обнаруженія всемірнаго духа, по отношенію къ которой роль всѣхъ предыдущихъ народовъ является лишь подготовительной. Западное человѣчество развивало только одну сторону духа, разсудочную, логическую. Напротивъ, Россія призвана къ гармоническому развитію всѣхъ сторонъ духовной жизни и прежде всего къ обнаруженію другой стороны духа, сравнительно съ Европой,—къ развитію чувства въ противоположность разсудочности. Преобладаніе этой стороны духовнаго развитія выразилось въ духовной жизни русскаго народа какъ православная форма христіанства, а въ матеріальной жизни—какъ общинное начало. Въ противоположность мистическому началу православія, религіи Запада основываются на разсудочности,—католицизмъ такъ же, какъ и протестантство. Въ противоположность славянской любовно-братской общинѣ, западный міръ стоитъ на борьбѣ интересовъ, на правахъ личности,—словомъ, на развитіи юридическаго начала».

падъ (Хомяковъ былъ даже до извѣстной степени англоманомъ), а начала (принципъ) западнаго строя.

«Не тронутые Римомъ, говоритъ славянофилъ Хомяковъ, славяне сохранили неприкосновенно обычаи и нравы незапамятной старины. Имъ неизвѣстно было устройство, основанное на дикой силѣ, не удерживаемое никакими нравственными законами. Святыня семейная и чувства человѣческія воспитывались простодушно между могилой отцовъ и колыбелью дѣтей. Землепашество, трудами своими питающее міръ, и торговля, предпріимчивостью своею связывающая его концы, процвѣтали въ безыскусственныхъ общинахъ подъ безыскусственными законами родового устройства. Таковъ былъ характеръ областей отъ Дона до Эльбы. Успѣшная борьба съ финами и сарматами не развратила славянъ, потому что святая война не похожа своими послѣдствіями на неправедную войну завоевателя». «Древне-славянское общинное начало сохранилось въ чистотѣ въ Россіи, Сербіи и Болгаріи, оно подвергалось искаженію въ западно-славянскихъ общинахъ, прельстившихся чуждою имъ стихіею германскаго аристократизма».

Другой славянофилъ, Кирѣевскій, думаетъ, что «для Россіи было счастіемъ, что она осталась въ сторонѣ отъ римскаго вліянія и сохранила въ чистотѣ древне-славянскія общинныя начала, не имѣющія ничего общаго съ основными элементами западной цивилизаціи». «Оно,—по его мнѣнію,—отличается крайнею односторонностью и отсутствіемъ внутренней справедливости». Главныя черты отличія Запада отъ Россіи, по Кирѣевскому, составляютъ: образованіе въ народѣ отдѣльныхъ общинъ («міръ»), принадлежность земельной собственности этому міру, отсутствіе классовой дифференціаціи въ смыслѣ незнанія рабовъ и благородныхъ и т. д., въ суверенитетѣ народа и полной ограниченности княжеской власти. Наконецъ, одинъ изъ славянофиловъ (Самаринъ) думаетъ, что къ общинному началу Россіи должна со временемъ притти и вся Европа [1]). Начало личности, столь

[1]) „Западный міръ,—писалъ Ю. Самаринъ,—выражаетъ теперь требованіе общины (соціализма)—это требованіе совпадаетъ съ нашей субстанціею и здѣсь точка соприкосновенія нашей исторіи съ западною".

развитой въ послѣдней, можетъ только въ лучшемъ случаѣ создать ассоціацію. Между тѣмъ европейскіе мыслители предлагаютъ иное устройство для государства будущаго и притомъ устройство, тождественное съ бытомъ русскихъ. «Такимъ образомъ, романо-германскій міръ абстрактнымъ путемъ мышленія дошелъ до требованія того начала, которое составляетъ природу славянскаго племени». Возвѣстить міру послѣднее—историческая миссія славянъ. Впослѣдствіи нѣкоторые славянофилы вмѣсто славянъ въ этой теоріи подставили выраженіе—русскіе. Такъ, проф. Бѣляевъ считаетъ только однихъ такъ называемыхъ «русскихъ» славянъ чистыми носителями великой идеи общинности, которая у западныхъ славянъ, поляковъ, чеховъ и проч. искажена сторонними вліяніями. Отсюда уже былъ только одинъ шагъ къ выдѣленію изъ всѣхъ «русскихъ» однихъ великоруссовъ и къ надѣленію послѣднихъ миссіоннымъ началомъ. Это и сдѣлали наши «націоналисты».

Славянофилы, видя въ общинѣ панацею отъ всѣхъ золъ и бѣдствій соціальныхъ [1]), являлись въ то же время противниками господствовавшаго тогда въ Россіи крѣпостного рабства. Они называли его чернымъ игомъ, ужаснымъ грѣхомъ, несмываемымъ пятномъ позора и проч. Въ данномъ случаѣ они вообще примыкали къ общему направленію русской прогрессивной общественной мысли до 1861 года: у нѣкоторыхъ изъ нихъ положеніе крестьянъ при всемъ томъ было иногда и ниже средняго, а отдѣльные представители, напр. П. Кирѣевскій, были даже противниками освобожденія.

Но славянофилы никогда не протестовали противъ цивилизаціи; Хомяковъ даже восторгался Англіею. Экономическія блага, получаемыя отъ широкаго развитія кредитнаго хозяйства и капиталистическихъ предпріятій, не казались имъ вредными Россіи. Они требовали только, чтобы все это находилось цѣликомъ въ русскихъ рукахъ и шло вполнѣ на пользу Россіи. «Россія для

[1]) «Общинное начало составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи, прошлой, настоящей и будущей; сѣмена и корни всего возносящагося на поверхности зарыты въ его плодотворной глубинѣ». Ю. Самаринъ въ «Москвитянинѣ» за 1847 г. (подъ псевдон. М... З... К...).

русскихъ», покровительственная система, національная одежда и другіе аттрибуты націоналистическаго пошиба были имъ вполнѣ по сердцу. Все это скрашивалось разсказами о «святой старинѣ» и удивительной доблести предковъ. Вотъ образчикъ славянофильскаго стиля, впрочемъ болѣе поздняго времени, когда появилась нѣкоторая утрировка: «Всякимъ довольствомъ обильна, величавымъ покоемъ полна, протекла когда-то старинная дворянская жизнь домосѣдская; медъ, пиво варили, соленья солили и гостей угощали на славу—избыткомъ некупленныхъ, Богомъ дарованныхъ благъ. И этой спокойно беззаботной жизни не смущала залетная мысль, а если и бушевала подчасъ кровь,—пиры и охота, шумъ и веселье разгуломъ утоляли взволновавшуюся буйную кровь» [1]).

Чистое славянофильство кружка московскихъ слановяфиловъ пережило первое поколѣніе этихъ патріотовъ-романтиковъ. Представители исчезавшаго въ 60 и 70 годахъ славянофильства IV-го поколѣнія нѣсколько разъ пытались закрѣпить за собою вниманіе и руководство русскимъ обществомъ, но всѣ попытки Ив. Аксакова основать журналы (Парусъ, Москва, Русь и пр.) разбивались о равнодушіе общества, а статьи Кошелева, Самарина и пр. не шли далѣе узкаго круга почитателей. Въ концѣ 70-хъ годовъ, благодаря освободительному движенію славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова, славянофильство снова оживилось на нѣкоторое время. Правительство не было настроено въ пользу славянофильскихъ идей, и съ этой стороны онѣ скоро встрѣтили отрицательное отношеніе. Въ настоящее время немногочисленные поборники славянофильства не обладаютъ ни однимъ сколько-нибудь выдающимся литературнымъ или ораторскимъ талантомъ, а тѣмъ болѣе ни однимъ органомъ печати.

Воззрѣнія славянофиловъ отразились на рядѣ послѣдующихъ трудовъ многихъ изъ русскихъ ученыхъ. Ихъ вліянію поддались: Соловьевъ, Гильфердингъ, Лешковъ, Орестъ Миллеръ, Первольфъ, Кавелинъ, Бестужевъ-Рюминъ, Леонтовичъ, Макушевъ,

---

[1]) Славянофильская газета «День», 1865 г., № 4. Цит. у *Н Михайловскаго*: «Критическіе опыты», 1887 г., стр 35.

Котляревскій, Петровъ, Осокинъ и др. Славянофильская доктрина внесла, такимъ образомъ, совершенно особое освѣщеніе экономической исторіи Россіи, для которой она выработала вполнѣ готовую форму и изслѣдованіе которой она какъ бы сдѣлала вполнѣ излишнимъ своимъ уже готовымъ построеніемъ. Выступивъ въ 1845 году въ собственномъ журналѣ («Москвитянинѣ»), славянофилы вынуждены были на цѣлое десятилѣтіе перейти къ системѣ сборниковъ, къ борьбѣ по мелочамъ съ цензурою и къ рукописной литературѣ. Въ серединѣ 50-хъ годовъ они уже кажутся безвредными и вновь получаютъ право на самостоятельный органъ [1]). Это заставило ихъ высказаться до конца, что испугало лучшихъ среди нихъ. Въ 60-хъ годахъ представителями славянофильства являются И. Аксаковъ и Самаринъ. Позднѣе Аполлонъ Григорьевъ, Данилевскій и Леонтьевъ низводятъ славянофильство до узко-національстической доктрины, близкой къ такъ называемому «охранительству».

Въ настоящее время нѣтъ славянофильства; осталось лишь нѣсколько «могиканъ», наиболѣе типичнымъ изъ нихъ является Аѳанасій Васильевичъ Васильевъ [2]). Онъ ни на іоту не развиваетъ далѣе теоріи, а лишь перефразируетъ Хомякова, въ которомъ онъ видитъ лучшаго выразителя исповѣдуемыхъ имъ убѣжденій.

«На пространствѣ всей девятивѣковой сознательной жизни русскаго народа,—говоритъ Васильевъ,—мы видимъ во всѣхъ положительныхъ самобытныхъ ея явленіяхъ присутствіе тѣхъ же сопутствующихъ одно другому и стройно сочетающихся, образующихъ и творческихъ,—личнаго и соборнаго началъ. Нужно

---

[1]) См. «Снятіе опалы со славянофиловъ въ 1855 году». *Сухомлинова*: Изслѣдованія. Т. II.

[2]) Перу Васильева принадлежитъ рядъ статей и брошюръ, изъ числа которыхъ назовемъ: «Объ исконныхъ творческихъ началахъ и бытовыхъ особенностяхъ русскаго народа», 1902. «Объ узаконеніи и усыновленіи дѣтей», 1898. «О преобразованіи высшаго церковнаго управленія Петромъ I», 1892. «М. Качковскій, общество его имени», 1896. «Памяти Т. Филиппова», 1900. «Русское міросозерцаніе», 1903, и много др. Онъ же издавалъ въ 90-хъ годахъ славянофильскіе журналы: «Благовѣстъ» и «Русскую Бесѣду».

ли приводить этому доказательства?—Хоровая русская пѣснь—это пѣсня соборная, въ которой отдѣльные голоса и напѣвы стройно сливаются съ общемъ созвучіи. Образцовая русская семья та, гдѣ царятъ совѣтъ и любовь, пожеланіемъ которыхъ привѣтствуютъ новобрачныхъ. Образцовый русскій способъ рѣшенія общественныхъ дѣлъ, это—рѣшеніе ихъ міромъ, при которомъ разноголосица отдѣльныхъ мнѣній сводится къ единодушному рѣшенію взаимной любви и желаніямъ общей пользы. Образцовый способъ землевладѣнія и хозяйства—общинный (?), гдѣ отдѣльные общинники свободно поступаются (?) частью своихъ правъ въ пользу нарастающихъ поколѣній. Образцовое по мысли и сердцу русскаго народа государственное устройство—такое, во главѣ котораго стоитъ свободный въ своихъ рѣшеніяхъ государь, внимающій и уважающій соборный голосъ свободнаго въ выраженіи своихъ мнѣній народа. Образцовое отношеніе русской власти къ подвластнымъ иноплеменникамъ и инородцамъ такое, что отъ нихъ требуется вѣрность общему отечеству-государству, а затѣмъ оставляется вольная-воля сливаться съ господствующею народностью или жить своимъ обычаемъ и своими языками славить Бога. Наконецъ, сама наша Православная Церковь соборная, и неповрежденность ея свободы и соборности въ глазахъ русскаго народа есть непремѣнное условіе ея святости» [1]). Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь повтореніе такъ же мыслей о соборности и единеніи Царя съ народомъ, т. е. все то, чѣмъ увлекались и первые славянофилы.

Относительно «бытовыхъ особенностей» русскаго народа Васильевъ высказывается, впрочемъ, нѣсколько отлично отъ позднѣйшихъ славянофиловъ, надѣляя ими не только русскій, но и всякій «духовно свободный народъ». «Бытовыя особенности народа, которыя собственно и даютъ ему своеобразный обликъ и выдѣляютъ его, какъ народную личность, какъ народъ, изъ всего остального человѣчества,—говоритъ Васильевъ,—бытовыя осо-

[1]) *Васильевъ, Ав.*: Объ исконныхъ творческихъ началахъ и пр. Спб., 1902 г., стр. 8.

бенности эти суть плодъ свободнаго творчества народа (?!), созидающаго свою жизнь на свой особый складъ, на свою стать и на свой образецъ. И пока народъ духовно свободенъ, онъ постоянно творитъ и творчество его своеобразно во всемъ. Начиная съ вещественныхъ и наружныхъ проявленій жизни, каковы: способы добыванія и приготовленія пищи, покрой одеждъ, внутреннее устройство и наружный видъ жилищъ,—своеобразіе народа проявляется: въ языкѣ и въ произведеніяхъ слова, въ художествахъ и рукомеслахъ, въ навыкахъ и обрядахъ, въ обычаяхъ и писанныхъ законахъ, въ хозяйственныхъ соотношеніяхъ народа въ себѣ самомъ и съ другими народами, въ учрежденіяхъ государственныхъ и въ образѣ верховной власти, наконецъ, въ церковныхъ обрядахъ и устройствѣ, и даже въ самомъ исповѣданіи вѣры, такъ какъ въ принятіи того или другого исповѣданія и тѣхъ или иныхъ каноновъ и догматическихъ опредѣленій сказывается народный духъ, народный нравъ». Отсюда понятна и дальнѣйшая практическая программа. «Всѣ эти народныя особенности, не исключая и тѣхъ, которыя относятся до внѣшнихъ сторонъ жизни (какъ напр. народный строй одеждъ), составляя плодъ многовѣковой работы и дары предковъ,—уже по одному этому должны быть бережно хранимы и передаваемы пріумноженными въ наслѣдіе дальнѣйшему потомству. Только при такомъ храненіи и преемственной передачѣ бытовыхъ особенностей сохраняется, развивается, растетъ и крѣпнетъ народная личность подъ воздѣйствіемъ благодатныхъ исконныхъ творческихъ началъ. Съ измѣною же этимъ началамъ начинается утрата и бытовыхъ особенностей, замираетъ самостоятельное творчество народа и онъ теряетъ не только право на самостоятельное мѣсто, но даже и право на дальнѣйшее существованіе» [1]).

Итакъ, славянофильство совершенно остановилось въ своемъ развитіи. Оглядываясь на его исторію, необходимо замѣтить, что славянофильство послѣ первыхъ «старыхъ» славянофиловъ московскаго кружка сильно поддерживалось другимъ теченіемъ,

[1]) *Васильевъ, Ав.*. Объ исконныхъ творческихъ началахъ и пр., стр. 1.

именно панславизмомъ, которому наши славянофилы весьма сочувствовали [1]). Это—«боевое» славянофильство, панславизмъ, стремится объединить всѣ славянскіе народы, конечно, подъ главенствомъ Россіи, и объявить непримиримую борьбу Западу, а на первомъ планѣ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ—Австріи и Германіи. Заносное въ Россію теченіе, панславизмъ, извѣстный въ Россіи еще со временъ Крыжанича, никогда не игралъ въ русскомъ обществѣ активной роли. Только славянофильская группа декабристовъ, а позднѣе малороссы поддались заманчивому плану панславистской федераціи. Въ программѣ украинскихъ панславистовъ, составленной въ 1848 году [2]) и освѣщаемой въ автобіографіи Костомарова (Русская Мысль, 1885 г.), вновь формулирована та фантастическая идея панславизма, которую мы уже видѣли у «Общества соединенныхъ славянъ». «Будущая федерація славянскихъ народностей» должна была покоиться на «идеѣ славянской взаимности», «на основѣ полной свободы и автономіи народностей». «Въ религіи полная свобода... Всѣ вѣроисповѣданія должны пользоваться одинаковыми правами. Запрещалась всякая (религіозная) пропаганда, какъ безполезная при свободѣ, но предполагалось склонять славянъ-католиковъ при-

---

[1]) «Къ собственнымъ историческимъ воспоминаніямъ (славянофиловъ) прибавились воспоминанія всѣхъ единоплеменныхъ народовъ. Сочувствіе къ западному панславизму приняли наши славянофилы за тождество дѣла и направленія, забывая, что тамъ исключительный націонализмъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ воплемъ притѣсненнаго чужестраннымъ игомъ народа. Западный панславизмъ при появленіи своемъ былъ принятъ самимъ австрійскимъ правительствомъ за шагъ консервативный. Онъ развился въ печальную эпоху вѣнскаго конгресса Это было вообще время всяческихъ воскресеній и возстановленій, появился и чешскій панславизмъ. Правительства были рады этому направленію и сначала поощряли развитіе международныхъ ненавистей...» «Чешскій панславизмъ подзадорилъ славянскія сочувствія въ Россіи». *Герценъ:* Былое и Думы, стр. 269. Впрочемъ, самъ Герценъ сочувствовалъ идеѣ федеративнаго славянства. Ср. «Старая Европа и Россія», «Крещеная собственность» и друг.

[2]) Кружокъ украинскихъ панславистовъ (П. Кулишъ, Н. Артемовскій-Гулакъ, А. Навроцкій, В. Бѣлозерскій, Н. Посяда, Т. Шевченко, Н. Костомаровъ и др.) носилъ названіе «Кирилло-Меѳодіевское братство».

нять славянскій языкъ въ богослуженіи. Относительно языка, который долженъ былъ сдѣлаться общимъ (посредничающимъ) для всѣхъ славянъ, не рѣшалось окончательно, но предполагался языкъ великорусскій, какъ наиболѣе распространенный. Предполагалось обязательное обученіе народа. Уничтоженіе крѣпостного права и всѣхъ привилегій, уничтоженіе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній. Предполагалось въ будущемъ, чтобы славянскіе народы примкнули къ Россіи и образовали съ нею федерацію: Россія должна была разбиться на части или штаты—сѣверный, сѣверо-восточный, юго-восточный и два волжскихъ—верхній и нижній два малороссійскихъ, одинъ средній, два южныхъ, два сибирскихъ, одинъ кавказскій; Бѣлоруссія составила бы отдѣльный штатъ, также Польша, Чехія съ Моравіей, Сербія, Болгарія; часть Галиціи присоединялась къ Польшѣ, другая къ западному малороссійскому штату и т. д.». Таковы «Славянскіе Штаты». Составители таковой обширной федераціи, повидимому, сами чувствовали несостоятельность своего проекта. Поэтому они наивно поясняли: «Такое дѣленіе не признавалось окончательнымъ и могло быть построено сообразно экономическимъ и другимъ потребностямъ». Государственное устройство этой федераціи въ крайней мѣрѣ курьезно и напоминаетъ, по своей рѣшительности и конструкціи, коммунистическіе романы XVII и XVIII столѣтій. Центральнымъ городомъ «для собранія общаго сейма» назначался Кіевъ, который не долженъ принадлежать ни къ одному штату. Въ сеймѣ этого экстерриторіальнаго города предполагались двѣ камеры: въ одной выборные сенаторы и министры, въ другой—депутаты. «Общій сеймъ долженъ былъ собираться черезъ каждые четыре года и чаще, въ случаѣ необходимости. Въ каждомъ штатѣ былъ бы свой сеймъ, который собирался бы ежегодно, наконецъ свой президентъ и сенатъ. Верховная или центральная власть предоставлялась президенту (всей федераціи ?), выбираемому на 4 года, и двумъ министрамъ—иностранныхъ дѣлъ и внутреннихъ дѣлъ»... Регулярное войско въ ограниченномъ количествѣ—вмѣсто него милиція и ополченіе. Далѣе проектъ панславистовъ не шелъ и въ большія подробности программа не вдавалась.

Какъ я уже сказалъ, славянофиламъ не были противны пріобрѣтенія западной цивилизаціи. Много говоря о національномъ духѣ и стремясь удержать народъ и возстановить старинные обычаи и внѣшность, они ничуть не были противъ прогресса въ промышленной техникѣ, въ военномъ дѣлѣ. Поэтому и панслависты относятся покровительственно къ развитію европейской культуры въ Россіи, видя въ ней удобное орудіе противъ Запада. Данилевскій, Ив. Аксаковъ, Самаринъ, Кирѣевъ, Погодинъ, отчасти Катковъ—вотъ имена наиболѣе извѣстныхъ панславистовъ.

Несмотря на крупную историческую роль славянофильства въ Россіи, самое изученіе этого теченія очень мало подвигается впередъ. Если не считать двухъ-трехъ спеціальныхъ монографій [1]), у насъ нѣтъ до сихъ поръ объединяющаго изслѣдованія, излагающаго исторію и основныя положенія славянофильства, до сихъ поръ нѣтъ ни одного обстоятельнаго научнаго сочиненія, излагающаго исторію и теоріи славянофильства за весь періодъ его существованія. Среди различныхъ сочиненій, посвященныхъ этому своеобразному теченію, выдѣляется трудъ недавно умершаго профессора Собѣстіанскаго. Книга его «Ученіе о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ» (Харьковъ, 1892) представляетъ собою историческій сводъ всѣхъ раннихъ славянофильскихъ теорій въ польской, чешской и русской литературахъ. Рядъ выдержекъ изъ сочиненій славянофиловъ сопоставлены у него съ подлинными извѣстіями первоисточниковъ. Послѣдніе свидѣтельствуютъ объ иныхъ фактахъ, чѣмъ то утверждаютъ славянофилы.

Славянофильскій восторгъ передъ тѣмъ первобытнымъ прекраснымъ строемъ, одно изъ осуществленій котораго они усматривали въ своей иллюзіи древней Руси, заключалъ въ себѣ и ядро программы «лучшаго будущаго». Сохраненіе общиннаго строя, какъ единственно правильную основу народно-хозяйственной и государственной организаціи, было ихъ основнымъ требованіемъ для настоящаго и пожеланія для будущаго.

---

[1]) Проф. *Завитневичъ*: А. Хомяковъ. Т. I. Кіевъ. 1901 г. *Владимировъ*: Міровоззрѣніе Хомякова. 1904.

Дальше славянофилы не пошли. Потребовалось вліяніе иныхъ теченій и смѣны цѣлаго поколѣнія, чтобы другое направленіе пришло къ тождественнымъ съ славянофилами выводамъ и развило ихъ доктрину до крайнихъ предѣловъ. Это и сдѣлали позднѣе народники. Необходимо, впрочемъ, оговориться, что прямой исторической связи между народниками и славянофилами не существуетъ, и что преемственность можетъ быть установлена только въ сферѣ сходства конструкціи идей и въ основныхъ симпатіяхъ обоихъ направленій.

Славянофиловъ, этихъ своеобразныхъ идеалистовъ дореформенной Россіи, критиковали много, горячо и рѣзко и очень часто совершенно несправедливо. Въ основу этого направленія заложенъ сильный идеалистическій духъ и радикальный взглядъ на вещи. Въ свое время славянофилы и ихъ «раздражительное чувство народности» были несомнѣннымъ плюсомъ для развитія русскаго самосознанія, и донынѣ нѣкоторыя изъ ихъ произведеній, напр., Хомякова, прочтутся каждымъ идейнымъ человѣкомъ съ громадною пользою. «Появленіе славянофиловъ, какъ школы и какъ особаго ученія,—говоритъ Герценъ,—было совершенно на мѣстѣ» [1]). Но въ настоящее время основоположенія славянофильства опровергнуты окончательно, да и въ свое время указывался вредъ славянофильства для изученія русскихъ исторіи и народа. «На славянофилахъ,—говоритъ тотъ же Герценъ,—лежитъ грѣхъ, что мы долго не понимали ни народа русскаго, ни его исторіи; ихъ иконописные идеалы и дымъ ладана мѣшали намъ разглядѣть народный бытъ и основы сельской жизни».

Одна изъ болѣе подробныхъ критикъ какъ стараго, такъ и новаго славянофильства принадлежитъ, безспорно, Владиміру Соловьеву [2]). Съ обычною страстностью этотъ писатель мастерски

---

[1]) *Герценъ*, Былое и Думы, стр. 268.

[2]) «Принадлежащая Соловьеву философская критика стараго и новаго славянофильства, это—цѣлый огромный слитокъ чистаго публицистическаго золота, который наши газетчики обязаны были бы вычеканить въ монету и пустить въ самый широкій оборотъ, если бы они, увы, не предпочитали золоту самой малоцѣнной, но зато прибыльной лигатуры». *Струве, П.*: На разныя темы. Спб., 1902 г., стр. 201.

изложилъ, хотя съ нѣкоторыми фактическими ошибками, разложеніе славянофильства и его паденіе до «національнаго и политическаго кулачества», какъ выразился самъ Соловьевъ. Вотъ какъ охарактеризовалъ В. Соловьевъ славянофильство во II выпускѣ своего «Національнаго вопроса»:

«Поклоненіе своему народу, какъ преимущественному носителю вселенской правды, затѣмъ поклоненіе ему, какъ стихійной силѣ, независимо отъ вселенской правды; наконецъ, поклоненіе тѣмъ національнымъ односторонностямъ и историческимъ аномаліямъ, которыя отдѣляютъ нашъ народъ отъ образованнаго человѣчества, т.-е. поклоненіе своему народу съ прямымъ отрицаніемъ самой идеи вселенской правды, — вотъ три постепенныя фазы нашего націонализма, послѣдовательно представляемыя славянофилами, Катковымъ и новѣйшими обскурантами» (Соловьевъ, В., стр. 97).

Это очень красивая и весьма, на первый взглядъ, заманчивая исторія регресса славянофильства безусловно носитъ совершенно искусственный характеръ. Дѣйствительно, во времени такія теченія, какъ славянофильство, катковизмъ и полная реакція, могутъ быть по степени ихъ усиленія и проявленія поставлены другъ съ другомъ, но, во-первыхъ, они существовали также и единовременно, а во-вторыхъ,—въ нихъ, въ смыслѣ развитія славянофильскаго ученія, нѣтъ никакой преемственной связи. Что славянофильство упало, это—фактъ, что Катковъ имѣлъ отношеніе лишь къ той части славянофильства, которая интересовалась только узко-національными вопросами, а, наоборотъ, былъ въ тѣ времена западникъ и приверженецъ англійской конституціи, это — тоже фактъ. Наконецъ, наивныя и непродуманныя симпатіи къ славянству, ютящемуся въ Славянскомъ Комитетѣ, не есть ни славянофильство, ни его вырожденіе: это просто праздная забава десятка-другого лицъ изъ «канцлеровъ въ отставкѣ по уму».

Но славянофильство, упавъ у насъ до такого обскурантизма и выродившись въ пародію, этимъ не закончило своей исторической задачи. Оно еще разъ воскресло, но уже въ качествѣ одного отблеска, одного отраженія въ народничествѣ, которому славянофильство передало и свою особую окраску и многія части своей

основной конструкціи, такъ что нѣкоторые называютъ народничество — экономическимъ славянофильствомъ [1]). И только съ паденіемъ послѣдняго славянофильство стало простою историческою категоріей.

II. Западничество.

Наличность такого направленія въ русскомъ обществѣ болѣе чѣмъ понятна. Бояре Ордынъ-Нащокинъ и Матвѣевъ, императоры Петръ Великій и Петръ III, императрица Екатерина, Радищевъ и Новиковъ, вольтеріанцы и декабристы были каждый по-своему русскими западниками [2]). Въ 30-хъ годахъ подражаніе и увлеченіе Западомъ было поставлено во главу угла и превратилось въ общественное теченіе. Наиболѣе типичными выразителями его были: Бѣлинскій, Станкевичъ, Грановскій, Герценъ, Огаревъ, Кавелинъ и такъ называемые люди сороковыхъ годовъ [3]).

Воспринимая все лучшее изъ западно-европейской культуры и знанія, они горячо желали усвоенія русскимъ народомъ этихъ началъ и возможно большаго распространенія на своей родинѣ

---

[1]) *Булгаковъ, С.*: Отъ марксизма къ идеализму. Спб., 1904, стр. 255.

[2]) Владиміръ Соловьевъ весьма удачно опредѣляетъ западничество какъ то общее „направленіе нашей общественной мысли и литературы, которое признаетъ духовную солидарность Россіи и западной Европы, какъ нераздѣльныхъ частей одного культурно-историческаго цѣлаго, имѣющаго включить въ себѣ все человѣчество".

[3]) Еще въ концѣ XVIII вѣка въ высшемъ русскомъ обществѣ можно усмотрѣть не только общее западничество, но даже и опредѣленно выраженныя теченія. Таковы, напримѣръ, два рѣзко отличныхъ другъ отъ друга направленія, какъ вольтеріанцы и мартинисты-мистики. Владиміръ Соловьевъ считаетъ, что русское западничество пережило три, впрочемъ, одна другую не упразднившихъ фазы, а именно: теократическое (увлеченіе Чаадаева римскимъ католичествомъ), гуманитарное (раціонализмъ и либерализмъ 40-хъ годовъ), натуралистическое (позитивизмъ и соціализмъ 60-хъ годовъ). Эта схема, безусловно, искусственна, несмотря на кажущееся расширеніе содержанія каждой изъ послѣдующихъ фазъ. Основоположеніе идей 40-хъ и 60-хъ гг. никакой преемственности, кромѣ прагматической, не имѣетъ, а увлеченія католицизмомъ—обычное явленіе въ извѣстныхъ кругахъ русской аристократіи.

духовнаго свѣта и просвѣщенія. Но, стремясь къ этому, русскіе западники различно относились къ Западу. Одни обращали вниманіе только на все болѣе свѣтлое и благородное современной имъ западной жизни, другіе же относились критически къ Западу, видѣли и его темныя стороны и потому стремились заимствовать только идеалы передового европейскаго общества. Одни, такимъ образомъ, желали пересадить только наличную культуру Запада въ Россію, другіе мечтали объ усвоеніи тѣхъ же идеаловъ будущаго, которые являлись путеводными звѣздами для лучшей части европейской интеллигенціи.

Второе направленіе неизбѣжно должно было проникнуться или господствовавшими тогда французскими коммунистическими теоріями (Герценъ, Огаревъ, Бакунинъ, Галаховъ) или нѣмецкою философіею, собственно гегеліанствомъ (Бѣлинскій, Станкевичъ, Грановскій и проч.). Къ нимъ непосредственно примыкаютъ «петрашевцы», коммунисты, послѣдователи Фурье [1]). И для послѣднихъ вопросъ о судьбахъ дальнѣйшаго экономическаго развитія былъ также важенъ и значителенъ. Но для нихъ, какъ соціалистовъ, весь вопросъ пріобрѣталъ нѣсколько иную постановку.

Спрашивалось, нужно ли для достиженія у себя на родинѣ лучшаго будущаго, хотя бы соціалистическаго строя во вкусѣ Фурье, проходить предварительно ту же ступень, капитализмъ-пролетаріатъ, которую проходитъ Западъ, или намъ можно прямо и непосредственно, минуя опытъ Запада, перейти къ лучшему будущему.

Вся передовая интеллигенція,—тутъ славянофилы и западники не рознились,—отвѣчали единогласно: да, возможно перейти непосредственно, все это зависитъ лишь отъ доброй воли, и для этого въ Россіи имѣется уже достаточная почва: общинное землевладѣніе и тяготѣніе къ артельнымъ формамъ. Таково было ставшее историческимъ рѣшеніе вопроса, и вся русская интеллигенція не знала иного отвѣта цѣлыхъ

---

[1]) О нихъ см. предыдущую статью: „Фурьеризмъ въ Россіи“, стр. 73—84.

полвѣка. Тотъ же отвѣтъ повторило, кстати сказать, и новое, тридцать лѣтъ господствовавшее теченіе—народническое.

Первый, кто точнѣе всего формулировалъ такой отвѣтъ и формулировалъ еще въ 40-хъ годахъ, былъ Герценъ.

Герценъ, какъ и другіе, впрочемъ, немногочисленные тогдашніе соціалисты (Огаревъ, Бакунинъ, Петрашевскій), былъ горячимъ противникомъ капитализма и считалъ постепенное развитіе пролетаріата жестокимъ зломъ міровой цивилизаціи Россія, по его мнѣнію, счастлива тѣмъ, что всего этого не знаетъ, и въ будущемъ должна перешагнуть черезъ этотъ мрачный фазисъ развитія. Этому посодѣйствуетъ наличность въ русской деревнѣ полукоммунистическаго строя жизни, этого де болѣе высшаго, чѣмъ индивидуализмъ Запада, типа хозяйственнаго развитія. Рекомендуя и старой Европѣ и своему отечеству общину, «открытую нѣмцемъ Гакстгаузеномъ» [1]), Герценъ, подобно Руссо и Прудону, считалъ крестьянство единственно здоровымъ элементомъ. По мнѣнію Герцена, крестьяне должны быть освобождены съ достаточнымъ надѣломъ земли, а интересы крестьянъ-земледѣльцевъ должны быть въ странѣ первенствующими; все остальное и все будущее страны должно быть смѣло предоставлено «счастливому инстинкту народовъ» [2]). Отсюда уже понятенъ и отвѣтъ Герцена на знаменитый вопросъ: должна ли Россія пройти всѣ фазы экономическаго развитія Европы? Этотъ отвѣтъ для него, какъ и для многихъ послѣдующихъ соціалистовъ, облегчался отождествленіемъ русской земельной общины съ коммунистическимъ идеаломъ за-

---

[1]) «Русскіе, говорящіе такъ легко о разрушеніи сельской общины, никогда не думали, что же станется, что будетъ, когда этотъ послѣдній узелъ народной жизни, насильственно развязанный, распустится. Народъ русскій все вынесъ, но спасъ общину,—община спасла народъ русскій; уничтожая ее, вы отдаете его, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, помѣщику и полиціи. И коснуться до нея въ то время, когда Европа оплакиваетъ свое раздробленіе полей и всѣми силами стремится къ какому-нибудь общинному устройству!» Сочиненія А. И. Герцена, т. V, изд. 1878 г., стр. 237.

[2]) Политическій же идеалъ Герцена былъ тотъ же, что и у декабристовъ—членовъ Общества Соединенныхъ Славянъ,—федеративная славянская республика.

падныхъ утопистовъ. Правда, Герценъ видѣлъ въ русской общинѣ еще «неразвитой коммунизмъ, способный подавлять личность».

Но все же онъ отрицалъ необходимость для Россіи того историческаго развитія, которымъ медленно проходитъ вся западная Европа и не видѣлъ необходимости для Россіи переходить отъ натуральнаго хозяйства къ капитализму, т.-е. повторять всѣ ошибки послѣдняго въ Россіи. Онъ полагалъ, что отъ натуральнаго хозяйства Россія можетъ прямо перейти къ соціалистическому строю.

«Должна ли Россія пройти всѣми фазами европейскаго развитія, или ея жизнь пойдетъ по инымъ законамъ? Я совершенно отрицаю необходимость этихъ повтореній», писалъ Герценъ въ 1853 году Линтону. «Мы, пожалуй, должны пройти трудными и скорбными испытаніями историческаго развитія нашихъ предшественниковъ (народовъ западной Европы), но такъ, какъ зародышъ проходитъ до рожденія всѣ низшія степени зоологическаго существованія. Оконченный трудъ и добытый результатъ входятъ въ общее достояніе всѣхъ понимающихъ—это круговая порука прогресса—маіоратъ человѣчества». Это эмбріологическое развитіе, думаетъ Герценъ, Россія уже проходитъ своимъ правительствомъ и дворянскимъ классомъ. «Народу же русскому не нужно начинать снова этотъ тяжелый трудъ»: онъ уже пройденъ однимъ изъ его классовъ. Тотъ мостъ, по которому народъ русскій можетъ прямо перейти отъ натуральнаго хозяйства къ соціалистическому строю, есть, по мнѣнію Герцена, русская деревенская община. «Русскій народъ,—говоритъ Герценъ,—стали узнавать только послѣ революціи 1830 года. Съ удивленіемъ увидѣли, что русскій человѣкъ—равнодушный, неспособный ко всѣмъ политическимъ вопросамъ — бытомъ своимъ ближе всѣхъ европейскихъ народовъ подходитъ къ новому соціальному устройству». Отсюда, въ виду полнаго признанія Герценомъ этого «новаго устройства» за непоколебимую истину, понятна и его программа. «Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное устройство по городамъ и всему государству, сохраняя народное единство,—вотъ въ чемъ состоитъ вопросъ о будущемъ Россіи, т.-е. вопросъ той

же соціальной антиноміи, рѣшеніе которой занимаетъ и волнуетъ умы Запада».

Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ совершенно особыми, скорѣе славянофильскими взглядами, и что только по наивной и скудной терминологіи нашей исторіи нашего общественнаго движенія Герценъ именуется «западникомъ». Вглядываясь поверхъ полувѣковой пестроты смѣнившихся идей и событій въ міровоззрѣніе этого замѣчательнаго ума, отказываешься отъ эпитета «западникъ», эпитета многихъ, и отчисляешь Герцена къ небольшой группѣ лицъ, исключительныхъ по самобытности и своеобразныхъ до исключительности. У него свое міровоззрѣніе, своя структура идей, своя, герценовская соціальная философія. Эпитетъ «западникъ» не опредѣляетъ Герцена съ общепринятой точки зрѣнія. Герценъ былъ и не былъ западникомъ. Онъ—самъ источникъ идей, онъ стоитъ на перепутьи нѣсколькихъ міровоззрѣній, создавая свой обособленный кругъ мыслей. Какъ Руссо или, еще ближе, какъ его другъ и до извѣстной степени единомышленникъ, Прудонъ, Герценъ не укладывается на Прокрустово ложе номенклатуры, создавая безпокойство ученому педантизму и вводя своимъ именемъ новый терминъ для новаго цикла идей. Такихъ людей обыкновенно яро ненавидятъ или слѣпо чтутъ, но очень поздно понимаютъ.

Жизнь, исключительная судьба и историческая роль Герцена—общеизвѣстны. Ясны его общественные, а еще болѣе политическіе симпатіи и завѣты, но строй его соціально-экономическихъ воззрѣній, соціальной философіи не ясенъ, генезисъ идей не изученъ, вліяніе не прослѣжено.

Между тѣмъ, публицистъ и трибунъ, Герценъ болѣе всего является экономистомъ, въ широкомъ смыслѣ соціалъ-философомъ и не потому, что онъ не написалъ ни одного плохого учебника политической экономіи или послужилъ темою неудачнаго изслѣдованія.

Нѣтъ, Герценъ экономистъ потому, что онъ ясно и твердо видитъ только экономическую сущность исторіи, желаетъ знать только экономическую сторону и жизни и соціальной теоріи. Какъ онъ и самъ говоритъ: «Экономическій вопросъ—

есть главнѣйшій, существеннѣйшій, единый спасающій. До сихъ поръ люди все толковали о фасадѣ, о гербахъ, о заборахъ и сѣняхъ, о границахъ и церемоніалахъ. Тѣ же, которые сказали міру: «ты печешься о многомъ—едино же на потребу: экономическое устройство!—тѣ первые поняли, что подлинникъ готовъ, что пора жить и полно обстраиваться. Свести кровавые религіозные вопросы на человѣческіе, и кровавые политическіе вопросы на экономическіе,—въ этомъ вся задача современности». (Россія и Польша. Колоколъ. №№ 32—33. 1 янв. 1859 года). «Соціальный, экономическій вопросъ—Magnum Ignotum нашего времени», писалъ Герценъ въ другомъ мѣстѣ, спустя пять лѣтъ (Колоколъ, № 178).

Свое экономическое крещеніе Герценъ получилъ отъ Сенъ-Симона. Этотъ вулканическій геній и неизсякаемый родникъ проницательной мысли и смѣлыхъ идей вдохнулъ Прометееву искру не въ одного Герцена. Полвѣка и сознательно и съ невѣдѣніемъ питалась Сенъ-Симономъ вся Европа. Герценъ взялъ лучшее отъ Сенъ-Симона: его отвращеніе къ буржуазіи и критику капитализма, его равнодушіе къ политическимъ формамъ и исключительное признаніе «экономики», наконецъ, его страстную преданность рабочему классу. «Бархатный жилетъ пана-Анфантена», календарь и жаргонъ, катехизисъ и нравы сенсимонизма, словомъ, весь сектантскій маскарадъ Ménilmontant'a, были всегда чужды Герцену.

Съ Сенъ-Симономъ Герценъ расходился въ оцѣнкѣ формъ народнаго хозяйства. Промышленность, прогрессу которой вмѣстѣ съ занятыми ею тружениками отводилъ все будущее его французскій учитель, русскій сынъ сельской страны подмѣнилъ въ своихъ выкладкахъ земледѣліемъ. Въ этомъ онъ сходился съ своимъ другомъ и современникомъ Прудономъ, такою же, какъ и онъ, крупною, не входящею ни въ какія классификаціи умственною силою 19-го вѣка. Полуанархистъ, какъ и Прудонъ, Герценъ вдохновлялся сельскою общиною, не боясь итти рука объ руку съ русскимъ полусоціалистическимъ мѣщанствомъ — съ славянофилами.

О славянофильствѣ западника Герцена у насъ много гово-

рилось, но часто безъ достаточной вдумчивости и исторической перспективы: Герценъ ничего не заимствовалъ у славянофиловъ, не неподражалъ имъ; онъ былъ съ ними одного поколѣнія, но и Герценъ и славянофилы питались во многомъ отъ одного источника. Но понимали они и общину и русскую культуру, любя одинаково, разно. Славянофилы идеализировали общинный бытъ и прошлое Россіи,—Герценъ глядѣлъ на него пронизывающими глазами соціалиста. Тамъ, гдѣ Хомяковъ и Аксаковъ видѣли ковчегъ завѣта славянскаго мессіанства, ихъ суровый современникъ—«неразвитой коммунизмъ, способный подавлять личность».

Славянофилы являлись, такимъ образомъ, идеологами неразвитого аграрнаго строя и соціальныхъ отношеній удѣльно-вѣчевой Руси, Герценъ же на ихъ основѣ думалъ создать нѣчто новое, невиданное и лишь носившееся въ мечтахъ передовыхъ умовъ Запада. Такимъ образомъ, единомыслiе Герцена и славянофиловъ было скорѣе внѣшнее, скорѣе дѣло симпатіи, чѣмъ ясная мысль. То, что было въ воззрѣніяхъ Герцена роковымъ недоразумѣніемъ, являлось у славянофиловъ краеугольнымъ камнемъ доктрины.

Что же, по Герцену, предстоитъ Россіи и какъ ей перейти къ лучшему соціальному будущему?

Конечно, во-первыхъ, не тѣмъ путемъ, какимъ идетъ Европа, а инымъ, новымъ. Капитализмъ и пролетаріатъ, кровавыя смѣны политическихъ формъ, торжество буржуазіи и самонадѣянность мѣщанства,—все это удѣлъ западной цивилизаціи, ея болѣзни, ея горе, отъ которыхъ и она сама рада бы была избавиться. «Европа въ той формѣ, въ которой она находится теперь, разрушается».

Европу спасетъ соціализмъ. И Россію тоже можетъ спасти соціализмъ, но преимущественно передъ Западомъ: начала русскаго народнаго хозяйства соціалистичны, и Россіи, потому, нѣтъ надобности повторять ошибки западной цивилизаціи. Россія можетъ счастливо перешагнуть этотъ мрачный фазисъ своего развитія. Она можетъ перейти къ соціализму непосредственно, все зависитъ лишь отъ доброй воли. Соціалистическія же начала русскаго народа—общинное землевладѣніе и тяготѣніе къ артельнымъ формамъ. Общиннымъ устройствомъ особенно необходимо

дорожить, ибо оно, характерно отличая Россію отъ Европы, уже на Западѣ является де желанною цѣлью.

Здѣсь Герценъ встрѣчается съ славянофилами, вполнѣ отождествляющими русскую земельную общину съ коммунистическими планами западныхъ утопистовъ. Но Герценъ не отождествляетъ: онъ видитъ, какъ было отмѣчено въ русской общинѣ лишь «неразвитой коммунизмъ, способный подавить личность». Но зато въ другихъ сторонахъ русской жизни Герценъ усматриваетъ «средства, могущія отчасти восполнить этотъ недостатокъ». А именно, «неподвижная, мирная» и мало совмѣстимая съ развитіемъ личности община могла быть, по мнѣнію Герцена, улучшена другимъ началомъ: «подвижною общиною работниковъ—артелью и военною общиною казаковъ» [1]).

Такого рода иллюзіи были несовмѣстимы съ печальною окружавшею Герцена дѣйствительностью, съ дѣйствительностью ужасной Николаевской эпохи. Что удивительнаго, если мы видимъ Герцена въ рядахъ самыхъ ярыхъ противниковъ крѣпостного труда. Борьба съ крѣпостничествомъ была для Герцена ганнибаловой клятвой. «Для насъ, писалъ онъ, героическая борьба съ крѣпостничествомъ отодвигаетъ и заслоняетъ ошибочные теоретическіе взгляды». «Народъ начинаетъ роптать подъ игомъ помѣщиковъ, безпрестанно вспыхиваютъ мѣстныя возстанія. Партія движенія, прогресса требуетъ освобожденія крестьянъ; она готова принести въ жертву свои права. Государь колеблется. Обойти вопросъ объ освобожденіи невозможно... Человѣкъ будущаго въ Россіи—мужикъ, точно такъ же, какъ во Франціи работникъ». Мнѣніе Герцена раздѣляли лучшія силы русскаго общества и не одного общества. Какъ извѣстно,

---

[1]) «Артель,—говоритъ Герценъ,—лучшее доказательство того естественнаго безотчетнаго сочувствія славянъ къ соціализму, о которомъ мы столько разъ говорили. Артель вовсе не похожа на германскій цехъ, она не ищетъ ни монополіи, ни исключительныхъ правъ, она не для того собирается, чтобы мѣшать другимъ; она устроена для себя, а не противъ кого-либо. Артель—соединеніе вольныхъ людей одного мастерства «на общій прибытокъ общими силами». То же, но уже на «буйномъ началѣ молодечества и удали», представляетъ и казачество.

даже правительство, въ концѣ концовъ, стало внимательно слѣдить за указаніями «эмигранта» и съ ними считалось. Его запрещенный въ Россіи революціонный журналъ «Колоколъ» внимательно прочитывали и Царь и Министры [1]). Девизомъ же «Колокола» было: освобожденіе крестьянъ съ землею [2]). И мы знаемъ, что, въ концѣ концовъ, правительство вполнѣ осуществило схему Герцена: мужикъ сталъ свободенъ, община удержана и каждый членъ ея снабженъ правомъ на землю.

Это уже случилось въ эпоху «освобожденія крестьянъ», за которой послѣдовалъ рядъ другихъ реформъ начала царствованія императора Александра II, реформы въ административномъ управленіи, въ судѣ, печати, арміи и университетахъ. Общество пробудилось. Въ среду русской интеллигенціи вступилъ рядъ новыхъ лицъ изъ прежде приниженныхъ сословій. Общество, пополняясь новыми силами, крайне энергично занималось въ эти годы экономическими вопросами. Количество обращавшихся «Записокъ» по всякаго рода экономическимъ вопросамъ было громадно; при этомъ вопросами занимались съ тѣмъ же рвеніемъ, съ какимъ пренебрегались вопросы политическіе, бывшіе, кстати сказать, въ силу условій времени, и у славянофиловъ и у западниковъ болѣе крайняго лагеря всегда на второмъ планѣ. Послѣ освобожденія крестьянъ мы уже не застаемъ славянофиловъ въ качествѣ руководителей общества. Впереди послѣдняго стоятъ лица, унаслѣдовавшія отъ Герцена соціалистическія доктрины, почти заглушенныя въ суровые 50-е годы императоромъ Николаемъ. Наступаютъ знаменитые 60-е годы,—время сплошного и строгаго экономизма [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ 60-е годы являются эпохою просвѣтительною, полною горячей ненависти къ крѣпостному праву и всѣмъ его порожде-

---

[1]) Время было поистинѣ интересное. Моему дѣду, ген. В. В. Святловскому, директору московскаго кадетскаго корпуса, за что-то «пробранному» въ «Колоколѣ», было оффиціально приказано написать «на сіе» опроверженіе.

[2]) По увѣреніямъ *В. Д. Смирнова* (Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена. Спб., 1897, стр. 147), Герценъ ни о чемъ иномъ и не помышлялъ, уклоняясь отъ всѣхъ иныхъ вопросовъ и идя только на встрѣчу правительству въ его тогдашнихъ реформахъ.

[3]) Нѣкоторый переломъ общественнаго настроенія даетъ 1863 годъ.

ніямъ въ соціально-экономической и правовой области [1]). Одна часть общества, такъ назыв. шестидесятники, энергично отстаивала европейское просвѣщеніе, широкую гласность и самоуправленіе, европейскія формы жизни и европеизацію Россіи. Какъ справедливо замѣтилъ В. Ильинъ [2]), книга Скалдина «Въ захолустьи и въ столицѣ» (Спб., 1870 г.) является типичною исповѣдью шестидесятника этого направленія, въ основѣ своей просвѣтительно-буржуазнаго, лишеннаго и соціалистическаго радикализма и народническаго романтизма.

Высказываясь противъ «всякихъ широковѣщательныхъ общихъ приговоровъ и новыхъ смѣлыхъ системъ, привозимыхъ намъ изъ прекраснаго западнаго далека», Скалдинъ настойчиво рекомендуетъ вниманіе къ «обиходнымъ вопросамъ нашего внутренняго быта, во всей ихъ непосредственной простотѣ и неподдѣльной дѣйствительности» (стр. 450) [3]).

---

[1]) Въ смыслѣ характера умственнаго направленія эта эпоха выдѣляется также любопытнымъ сочетаніемъ просвѣтительнаго раціонализма съ неопредѣленнымъ по программѣ, но радикальнымъ по характеру утопизмомъ, сочетаніемъ нигдѣ и никогда болѣе не встрѣчавшимся. Вполнѣ правъ Михайловскій, говоря, что главное значеніе и характеръ 60-хъ годовъ—это «необыкновенно счастливое и чрезвычайно рѣдкое въ исторіи сочитаніе идеальнаго съ реальнымъ, головокружительно-возвышеннаго съ трезво-практическимъ» (т. V, стр. 358). Настроеніе Писарева, представителя просвѣщеннаго раціонализма во вкусѣ Вольтера, съ одной стороны, идеи Михайлова и другихъ соціальныхъ утопистовъ, съ другой,—своеобразно синтезировались въ умѣ Чернышевскаго, этого духовнаго руководителя и вмѣстѣ съ тѣмъ типичнаго представителя этой эпохи. Оригинальность автора «Что дѣлать?» еще болѣе оттѣняется, если принять во вниманіе наличность значительной группы либераловъ и политическихъ прогрессистовъ разной интенсивности окрашиванія.

[2]) *Ильинъ В.*: Экономическіе этюды и статьи. Спб., 1896, стр. 228.

[3]) Одна изъ основныхъ точекъ зрѣнія Скалдина формулирована имъ слѣдующимъ образомъ: «Не форма правленія, не измѣнчивые взгляды и системы правительственныхъ лицъ, не цвѣты цивилизаціи, распускающіеся и благоухающіе только въ столицахъ и въ высшихъ слояхъ общества, суть тѣ условія, отъ которыхъ зависятъ истинные и прочные успѣхи народной жизни. Въ этой жизни есть нѣчто болѣе существенное, постоянное и плодотворное: это способъ отношенія самихъ жителей къ ихъ обиходному быту, къ своей приходской церкви, къ мѣстной школѣ, къ правдѣ суда, къ святости закона, къ выбору лицъ на общественныя должности, къ общимъ пользамъ

Общественное движеніе 60-хъ годовъ скоро разбивается на рядъ теченій, изъ которыхъ одно, меньшее, принимаетъ соціалистическую окраску, другое—философско-матеріалистическую, третье—позитивистскую, четвертое — просвѣтительную культуръ-трегерскую и т. д. Весьма понятно, что изъ нихъ соціалистическая группа стояла за болѣе радикальное рѣшеніе общественно-экономическихъ вопросовъ. Герцена въ 60-хъ годахъ повторилъ Михаилъ Иларіоновичъ Михайловъ.

«Освобожденіе крестьянъ,—писалъ Михайловъ,—есть первый шагъ или къ великому будущему Россіи, или къ ея несчастью, къ благосостоянію политическому или экономическому, или къ экономическому или политическому пролетаріату». Другими словами, Россія съ момента освобожденія крестьянъ имѣетъ передъ собою два пути—или непосредственный переходъ къ соціализму, что сулитъ лучшее будущее, или къ формамъ западнымъ, что приводитъ къ несчастью. Историческія и наличныя условія, повидимому, для Михайлова безразличны: все зависитъ отъ доброй воли. «Отъ насъ самихъ зависитъ избрать путь къ тому или къ другому». Эта формула—формула прямо-таки историческая въ ходѣ нашего общественнаго развитія; въ ея логической постройкѣ всегда участвуютъ двѣ предпосылки: 1) Россія—tabula rasa, 2) личная воля создаетъ исторію. Эта конструкція идей Михайлова, уже намѣчавшаяся Герценомъ, была, какъ мы увидимъ ниже, свойственна и Чернышевскому, а затѣмъ унаслѣдована и народниками.

Въ другомъ мѣстѣ той же прокламаціи Михайловъ высказывается противъ стремленія нѣкоторыхъ подражать во всемъ Европѣ, въ частности Англіи, и противъ тенденцій конституціонализма и индивидуалистической политической экономіи. «Въ послѣднее время расплодилось у насъ много преждевременныхъ старцевъ, жалкихъ экономистовъ, взявшихъ свой теоретическій опытъ

и нуждамъ своей мѣстности..... Правительства могутъ только ускорить или замедлить естественное самовоспитаніе народовъ; но, въ концѣ концовъ, правительства сами подчиняются тяготѣнію общественнаго строя и отражаютъ въ себѣ какъ хорошія, такъ и дурныя его свойства» (*Скалдинъ*: «Въ захолустьи и о столицѣ». Спб, 1870 г., стр 2—3.

изъ нѣмецкихъ книжекъ. Эти господа не понимаютъ, что онъ пріучаетъ насъ только считать гроши, что онъ разъединяетъ насъ, толкая въ тѣсный индивидуализмъ. Они не понимаютъ, что не идеи идутъ за выгодами, а выгоды за идеями. Начиная матеріальными стремленіями, еще придемъ ли къ благосостоянію? — односторонняя экономическая наука насъ не выручитъ изъ бѣды. Напротивъ, откинувъ копѣечные расчеты и стремясь къ свободѣ, къ возстановленію своихъ правъ, мы завоюемъ благоденствіе, а съ нимъ, разумѣется, и благосостояніе, т.-е. то, чего намъ такъ хочется,—деньги. А эти, къ несчастію, плодящіяся у насъ конституціонныя и экономическія тенденціи ведутъ къ консерватизму; онѣ ведутъ къ сословному разъединенію, къ созданію привилегированныхъ классовъ. Хотятъ сдѣлать изъ Россіи Англію и напитать насъ англійскою зрѣлостію». «Но развѣ Россія по своему географическому положенію, по своимъ естественнымъ богатствамъ, по почвеннымъ условіямъ, по количеству и качеству земель имѣетъ что-нибудь общее съ Англіею? Развѣ англичане на русской землѣ вышли бы тѣмъ, чѣмъ они вышли на своемъ островѣ? Мы уже довольно были обезьянами англичанъ. Нѣтъ, мы не хотимъ англійской экономической зрѣлости, она не можетъ вариться русскимъ желудкомъ.

Нѣтъ, нѣтъ, нашъ путь иной,
И крестъ не намъ нести..

Пусть несетъ его Европа. Да и кто же можетъ утверждать, что мы должны итти путемъ Европы, путемъ какой-нибудь Саксоніи или Англіи, или Франціи. Кто беретъ на себя отвѣтственность за будущее Россіи? Кто можетъ сказать, что онъ умнѣе 60-ти милліоновъ, умнѣе всего населенія страны, что онъ знаетъ, что ей нужно, что онъ приведетъ ее къ счастью? Гдѣ та наука, которая научила его этому, которая сказала ему, что его взглядъ безошибоченъ? По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ такой науки; мы знаемъ только, что Гнейсты, Бастіа, Моли, Рау, Рошеры раскапываютъ навозныя кучи и хотятъ гниль прошедшихъ вѣковъ сдѣлать закономъ для будущаго. Пусть этотъ законъ будетъ ихъ закономъ, а мы для себя попытаемся поискать другой...

Мы не только можемъ, но и должны притти къ другому. Въ нашей жизни лежатъ начала, вовсе неизвѣстныя европейцамъ. Нѣмцы увѣряютъ, что мы придемъ къ тому же, къ чему пришла Европа. Это ложь. Мы можемъ точно притти, если надѣнемъ на себя петлю европейскихъ учрежденій и порядковъ; но мы можемъ притти и къ другому, если разовьемъ тѣ начала, какія живутъ въ народѣ»...

Нѣсколько далѣе Михайловъ говоритъ: «Мы народъ запоздалый, и въ томъ наше спасеніе. Мы должны благодарить судьбу, что не жили жизнью Европы. Ея несчастье, ея безвыходное положеніе—урокъ для насъ. Мы не хотимъ ея пролетаріата, ея аристократизма, ея государственнаго начала, ея централизующей власти»... «Мы хотимъ сохраненія общиннаго владѣнія землею, съ передѣлами черезъ большіе сроки. Правительство тоже не знало народа, а между тѣмъ русская мысль зрѣла, мы изучили экономическое и политическое устройство Европы; мы увидали, что у нихъ неладно, и тутъ-то мы поняли, что имѣемъ полную возможность избѣгнуть жалкой участи Европы настоящаго времени». Вотъ знаменательныя слова, опредѣлившія дальнѣйшее міровоззрѣніе интеллигенціи и надолго, вплоть до начала 90-хъ годовъ, установившія соціально-философскую конструкцію обсужденія вопросовъ о судьбахъ Россіи. Но прослѣдимъ развитіе вопроса дальше.

Преемники Герцена и Михайлова, шестидесятникъ *Чернышевскій* и типичный семидесятникъ *Михайловскій*, не дали новаго рѣшенія вопроса и только съ новою талантливою аргументаціею повторили Герцена и Михайлова. Чернышевскій отстаивалъ въ одно и то же время русскую общину и мечталъ такъ же, какъ и петрашевцы, о фаланстерахъ Фурье. Но кромѣ Фурье онъ уже увлекался и Луи-Бланомъ и его мастерскими, которыя стали извѣстны послѣ 1848 года.

Статья Чернышевскаго: «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія», вышедшая еще въ 1857 году, служитъ характернымъ образчикомъ экономическаго міровоззрѣнія, какъ Чернышевскаго, такъ и лучшихъ людей

«60-хъ годовъ». Чернышевскій доказываетъ (по діалектическому методѣ), что переходъ отъ русской общины къ коммунизму крайне легокъ. Описаніе же устройства русской общины Чернышевскій тоже цитируетъ по Гакстгаузену. Но Чернышевскій не приписывалъ славянству какихъ-либо національныхъ особенностей. Въ одномъ изъ своихъ извѣстныхъ «примѣчаній» къ Миллю онъ категорически высказывается противъ предубѣжденія: «будто одинъ народъ, по самой своей прирожденной натурѣ, по своей расѣ, не способенъ къ тому, къ чему способенъ другой народъ также по своей расѣ» (Милль: Основанія полит. экономіи, т. I. Спб., 1860 г., стр. 28, прим.). Въ общемъ онъ повторяетъ герценовскіе взгляды и думаетъ, что порядокъ дѣлъ, къ которому столь труднымъ и долгимъ путемъ стремится теперь Западъ, еще существуетъ у насъ въ могущественномъ народномъ обычаѣ нашего сельскаго быта. Вообще же Чернышевскій только популяризировалъ все то, что тогда считалось передовымъ и радикальнымъ на Западѣ, хотя иногда и съ запозданіемъ. Такъ, онъ былъ демократъ и соціалистъ въ духѣ «старой школы» Сенъ-Симона и Фурье, тогда уже забытыхъ на родинѣ. Въ то же самое время Чернышевскій не признавалъ за западно-европейскимъ пролетаріатомъ никакихъ иныхъ преимуществъ, кромѣ одного громаднаго недостатка—пауперизма, и въ капитализмѣ не видѣлъ ни одного зародыша, могущаго быть съ пользою развитымъ въ будущемъ. Онъ боялся только, чтобы наступающее освобожденіе не лишило крестьянъ общиннаго землевладѣнія, и въ этомъ также повторялъ требованіе Герцена и желаніе славянофиловъ.

III. Народничество.

На ненависти къ крѣпостничеству сошлись солидарно и представители 40-хъ годовъ и молодое литературное поколѣніе, въ которомъ, кромѣ Михайлова и Чернышевскаго, выдвигались Добролюбовъ, Шелгуновъ, Елисѣевъ, Щаповъ, Кавелинъ и Герценъ—съ одной стороны, Я. Ростовцевъ и Милютинъ—съ дру-

гой, каждый по своему, подтачивали устои, которые рухнули подъ дружнымъ напоромъ 19-го февраля 1861 года. Затѣмъ послѣдовали другія реформы. Но «эпоха великихъ реформъ» продолжалась недолго. Скоро наступилъ поворотъ, а съ нимъ и новыя условія. Съ одной стороны, отмѣченныя нами выше напряженіе и единеніе общественныхъ силъ, вызванныя стремленіемъ къ осуществленію «ганнибаловой клятвы», исчезли, съ другой—общество, неудовлетворенное и раздраженное наступившею реакціею, переходило во все болѣе активную оппозицію. Попытки къ подавленію послѣдней привели къ образованію революціоннаго движенія. Послѣ Липецкаго съѣзда революціонеры раздѣлились на два лагеря—чернопередѣльцевъ, стоявшихъ на чисто экономической почвѣ, и народовольцевъ, признававшихъ активную политическую борьбу и при помощи террора стремившихся къ захвату власти. Это второе теченіе обосновывалось особою доктриною—народническимъ ученіемъ. Народничество не было единымъ и неизмѣннымъ ученіемъ.

Развѣтвляясь до безконечности, оно въ теченіе 30 лѣтъ своего существованія значительно измѣняло свою физіономію, направленіе и даже основоположенія. Оно возникло въ 70-хъ годахъ, которые были «героическимъ періодомъ» этого теченія [1]).

Первоначально народничество было революціонно, а основоположенія заимствованы изъ багажа французскаго и нѣмецкаго соціализма. Первое его выступленіе ознаменовалось «движеніемъ въ народъ», которому суждено было доказать глубочайшую пропасть между теоріями народниковъ и русскою дѣйствительностью. Оно началось внезапно, хотя назрѣвало рядъ лѣтъ. Ему предшествовала симпатизировавшая народу литература. Еще съ конца 50-хъ годовъ рядъ высокоталантливыхъ беллетристовъ и поэтовъ ознакомилъ общество съ эмансипированной народною массою. Они описывали съ большою любовью и въ яркихъ краскахъ положеніе многомилліоннаго люда.

---

[1]) *П. Б. Струве* говоритъ, что народничество «было самымъ вліятельнымъ міровоззрѣніемъ 60-хъ (?), 70-хъ и 80-хъ годовъ». См. «Критическія замѣтки», Спб., 1894, стр. 1.

Передъ открывшимися глазами общества русскій народъ, увлекательно описанный въ повѣстяхъ и поэмахъ, всталъ, какъ вѣковой страдалецъ, какъ герой, въ долгіе годы рабства сохранившій древніе завѣты націи. Россія казалась многимъ тогдашнимъ писателямъ стоящею ближе всего къ XIII вѣку, къ основамъ своей жизни въ домонгольскій періодъ, когда русскіе славяне жили сообразно историческимъ основамъ своей заглушенной послѣдующею исторіею самобытной жизни, т.-е. въ демократическомъ равенствѣ, въ братской любви и гражданской свободѣ. Открывшіяся нѣдра народа манили къ себѣ и обѣщали открытіе тайнъ, хранившихся въ глубинѣ народнаго моря многія тысячелѣтія. И интеллигенція, переживъ разочарованіе реформами, не устояла и бросилась къ народу, въ его якобы раскрытыя объятія. Но въ началѣ интеллигенція такъ и оставалась книжною интеллектуальною группою. Въ движеніе она несла съ собою свои излюбленные апріорные идеалы. Воплотить ихъ, казалось, было легко: народъ, думали, ждалъ своихъ друзей, ждалъ небольшого толчка, начинанія, искры. И вотъ, на подобіе христіанскихъ соціалистовъ Лондона, самоотверженно бросившихся подъ руководствомъ Лудлова и Фредерика Денисона Маурице въ низшіе слои населенія, молодые представители русской интеллигенціи, не сознавая всей пропасти, которая лежала между ними и почти неожиданно ставшимъ съ ними равноправнымъ народомъ, пошли къ послѣднему навстрѣчу съ широко раскрытыми объятіями. Лучшіе представители молодой Россіи, даже изъ стѣнъ великолѣпныхъ, созданныхъ многовѣковымъ трудомъ барскихъ хоромъ, устремились въ захолустные уголки, въ убогія деревенскія избы, гдѣ, одѣтые въ рубище, жили одною жизнью съ ихъ новымъ младшимъ братомъ, ихъ недавними безотвѣтными рабами. «Итти въ народъ»—сдѣлалось передовымъ лозунгомъ [1]).

---

[1]) Интересно напомнить, что еще въ 1861 году то же направленіе указывалъ Герценъ. Онъ писалъ: «Но куда же вамъ дѣться, юноши, отъ которыхъ заперли науку?.. Сказать вамъ куда?.. Прислушайтесь—благо тьма не мѣшаетъ слушать—со всѣхъ сторонъ огромной родины нашей: съ Дона и Урала, съ Волги и Днѣпра, растетъ стонъ, поднимается ропотъ,—это начальный ревъ морской волны, которая закипаетъ, чреватая бурями, послѣ страшно

Увлеченіе было громадное, и не только народники принимали въ немъ участіе, а самые широкіе слои общества и разныя общественныя группы. Въ рѣдкой болѣе или менѣе передовой семьѣ не было своего «ходока» въ народъ.

Первоначально,—и это надо всегда отдѣлять,—многіе сознательные шли, какъ уже я сказалъ дать только толчекъ ждавшему начинанія народу. Это была молодежь, увлеченная революціоннымъ порывомъ, желавшая скорѣйшаго начала народной революціи. Это были такъ называемые «искропускатели», лица, имѣвшія смутное представленіе о народѣ, наивно считавшія русскій народъ уже готовымъ къ революціи и ожидающимъ лишь «искру», а расколыниковъ—представителями активной оппозиціи. Типъ ихъ ярко обрисованъ Тургеневымъ въ его романѣ «Новь» въ юношѣ Неждановѣ, а убѣжденія изложены въ прокламаціяхъ такъ назыв. долгушенцевъ, очень горячо написанныхъ, но до крайности наивныхъ. Хожденіе въ народъ, увлекшее нѣсколько тысячъ человѣкъ и сопровождавшееся рядомъ замѣчательныхъ инцидентовъ, вызвало жестокія репрессіи правительства въ 1875—1876 г.г. и закончилось рядомъ политическихъ процессовъ.

Народники этого періода шли въ народъ съ соціально-революціонною пропагандою. Цѣль ихъ—«освобожденіе всего трудящагося населенія отъ ига эксплуатаціи всякаго рода». Различныя фракціи этого движенія понимали свои задачи различно. «Большая часть революціонеровъ,—говоритъ Плехановъ,—готова была согласиться съ Герценомъ въ томъ, что русскій народъ «равнодушенъ и неспособенъ» къ политикѣ. Но склонность къ идеализаціи народа была такъ велика, взаимная связь различныхъ сторонъ общественной жизни такъ плохо выяснена въ умахъ нашихъ соціалистовъ, что въ этой неспособности «ко

утомительнаго штиля. Въ народъ! Къ народу!—вотъ ваше мѣсто, изгнанники науки». (Кол. № 110, 1-го ноября 1861 г.). Призывъ этотъ не пришелся тогда ко двору русской интеллигенціи, и она только спустя пятнадцать лѣтъ самалогическимъ ходомъ вещей дошла до того же направленія мысли. Какъ извѣстно, Герценъ и Огаревъ возлагали также надежды на старообрядцевъ, считая ихъ способными къ активному протесту, и жестоко въ своихъ надеждахъ обманулись.

всякимъ политическимъ вопросамъ» видѣли какъ бы гарантію противъ буржуазныхъ полурѣшеній, какъ бы доказательство большей способности народа къ правильному рѣшенію вопросовъ экономическихъ»... «Соціальной революціи соотвѣтствовалъ, по нашимъ тогдашнимъ понятіямъ, интересъ къ соціальнымъ же вопросамъ, который и усматривался въ жалобахъ крестьянства на малоземелье и податныя тягости».

Народники этого времени отрицательно относились къ артели и мелкому производству, идеализація которыхъ спустя десятокъ лѣтъ стала краеугольнымъ камнемъ экономистовъ-народниковъ. Они высказывались тогда и противъ земства. «Гдѣ можно болѣе принести пользы?» спрашивалось въ одной изъ прокламацій этого времени. «Ужъ не въ земствѣ ли, куда рвутся наши молодыя силы, обманутыя внѣшностью?! Но земство безправно, оно лживая форма... Или хотите вы заниматься устройствомъ артелей? Но вѣдь это значитъ вливать новое вино въ старые мѣха, потому что артель предполагаетъ принципъ солидарности, а вы хотите втиснуть ее туда, гдѣ абсолютно господствуетъ грубый личный эгоизмъ»... Перебирая, далѣе, такимъ же образомъ филантропію, воспитаніе дѣтей и пр., авторъ ихъ отрицаетъ и находитъ, что лучшая роль интеллигента, это—«народнаго пропагандиста новой лучшей жизни». Намъ извѣстно, что тогда интеллигенція глубоко вѣрила въ свою историческую миссію избавителя народа. Она считала самымъ несложнымъ дѣломъ—привить «истины соціализма» въ общинной деревнѣ, гдѣ она предлагала устраивать крестьянскія «боевыя организаціи», нѣчто въ родѣ рабочихъ баталіоновъ Лассаля [1]). Но, какъ мы уже сказали, «народники совсѣмъ не знали» ни народа, ни народной жизни, и весьма понятно, что несогласованное съ условіями времени и страны

---

[1]) Кстати сказать, защитникъ прусскаго государственнаго соціализма, Фердинандъ Лассаль, являлся въ тѣ дни, какъ это ни странно, однимъ изъ любимыхъ авторитетовъ, хотя Лассаль нигдѣ не обмолвился о крестьянствѣ. Правдоподобное объясненіе этому психологическому курьезу даетъ одинъ изъ современниковъ на стр. 14 перваго выпуска своихъ «Воспоминаній». Вотъ оно: «Изъ Лассаля мы черпали аргументы въ пользу... нашихъ народническихъ воззрѣній»..

«хожденіе въ народъ» потерпѣло, въ концѣ концовъ, полную неудачу.

Вскорѣ,—мы не прослѣживаемъ здѣсь исторіи революціоннаго движенія 70-хъ годовъ, а только устанавливаемъ нѣкоторыя самыя общія вѣхи,—начинается рѣзкій поворотъ. Болѣе энергичные и непоколебимые элементы, эмигрируя за границу и сплачиваясь тамъ въ тайные кружки, постепенно мѣняютъ свою программу. Возникаетъ систематическій терроръ, различныя программы непосредственной борьбы революціонеровъ съ правительствомъ, мечты о захватѣ власти и пр. Историческій 1881 годъ былъ заключительнымъ аккордомъ этого движенія.

Болѣе умѣренные элементы постепенно отказываются отъ революціонныхъ замысловъ и идутъ къ народу исключительно съ «культуръ-трегерскими» идеалами. Они идутъ поучать и просвѣщать (скромно и легально) народъ, считая программу «малыхъ дѣлъ» наиболѣе «плодотворною и цѣлесообразною». Отъ первоначальнаго народничества, кромѣ общихъ симпатій къ народу, въ этомъ теченіи ничего не остается. Наконецъ, нѣкоторые идутъ (и шли также раньше) исключительно съ цѣлью жить одною жизнью съ народомъ, «слиться» съ нимъ, «опроститься» и «поучиться» у народа. Послѣднее направленіе, столь поэтически изложенное Златовратскимъ (см. «Конецъ Русанова», «Легенда» и пр.), создаетъ прекрасную почву для крайней идеализаціи народа и для воспринятія появившагося затѣмъ толстовства.

Итакъ, въ теченіе 30-ти лѣтъ своего существованія народничество претерпѣло измѣненіе. Изъ всей его программы значеніе сохранили только требованія всяческихъ мѣропріятій по укрѣпленію крестьянскаго хозяйства и мелкаго народнаго производства вообще. А это уже было, въ основѣ своей, не болѣе, какъ буржуазное реформаторство. Поэтому естественно, что народничество расплылось въ либерализмѣ. Такъ создавалось то либерально-народническое направленіе, которое не хотѣло или не могло не видѣть, что всѣ проектируемыя имъ мѣропріятія (кредиты, кооперація, меліорація, расширеніе землевладѣнія) не выходятъ изъ рамокъ существующаго буржуазнаго строя. Вмѣстѣ съ тѣмъ усилился націонализмъ. Народничество, такимъ образомъ,

перестало быть и соціалистическимъ и революціоннымъ. Но реакція народничества, его проникновеніе новыми специфическими взглядами, его возрожденіе славянофильства коснулось не всѣхъ. Нѣкоторые, какъ, напр., Н. К. Михайловскій, уцѣлѣли отъ этой народнической реакціи, и мы видимъ, что «народникъ» Михайловскій очутился въ 80-хъ и 90-хъ годахъ борцомъ противъ народничества. «Безспорно, что у мужика есть чему поучиться»,— на минуту соглашался съ народниками Н. К. Михайловскій, но тотчасъ же возражалъ:—«но есть и намъ ему что передать». Это же отношеніе онъ формулируетъ словами: «О если бы я могъ утонуть, расплыться въ этой сѣрой и грубой массѣ народа, утонуть безповоротно», — но тутъ же замѣчаетъ: «но сохранить тотъ свѣточъ истины и идеала, какой мнѣ удалось добыть за счетъ того же народа». Точно такъ же удерживалось на высотѣ соціалистической и революціонной мысли и то направленіе практическаго осуществленія своихъ идей, и притомъ осуществленія революціоннымъ путемъ, которое нашло себѣ выраженіе въ партіи, такъ назыв., соціалъ-революціонеровъ. Дѣятельность послѣдней тѣсно связана съ журналами: «Впередъ», «Народная Воля», позднѣе—«Революціонная Россія».

Но прежде чѣмъ перейти далѣе, остановимся нѣсколько на взглядахъ стоящаго какъ бы въ сторонѣ Л. Н. Толстого. Мы уже сказали, что романтическая группа народниковъ усиленно «опрощалась». Для совмѣстной жизни съ деревенскимъ людомъ имъ необходимо приноровиться къ деревенскимъ условіямъ и побороть недовѣріе крестьянства. Мужицкое платье, совмѣстный трудъ, деревенскій діалектъ служатъ ему лучшими помощниками. Процессъ «опрощенія» постепенно вовлекаетъ интеллигента въ нѣдра крестьянской жизни. И здѣсь начинается идеализація народа и его быта. Вмѣстѣ съ тѣмъ идеализація русскаго народнаго, слѣдовательно, натуральнаго хозяйства составляетъ основной мотивъ народничества этого періода, къ которому относится и появленіе религіозно-нравственныхъ памфлетовъ Толстого. Духъ

ихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ установившемуся въ 80-хъ годахъ настроенію общества: оно было запугано реакціею и обезсилено репрессіями. Анархическое сосредоточеніе вниманія на своей личности, идеи непротивленія злу, уходъ изъ міра — все это соотвѣтствовало общему настроенію, и Толстой хотя и временно, но все же увлекъ за собою часть интеллигенціи. Съ теченіемъ времени создалась особая группа «толстовцевъ», не разъ пытавшаяся практически осуществить свои идеалы. Въ нѣсколькихъ «толстовскихъ» колоніяхъ болѣе сознательные изъ толстовцевъ имѣли время и случай убѣдиться въ фантастичности своихъ замысловъ. Несмотря на свою кажущуюся простоту, экономическое міровоззрѣніе Л. Н. Толстого не такъ легко поддается характеристикѣ. Интересенъ фактъ, что западные ученые, Ценкеръ и Эльцбахеръ, причисляютъ нашего писателя къ числу анархистовъ, имѣя, очевидно, въ виду его отрицательное отношеніе къ современнымъ государству и законодательству. Толстой—анархистъ, но помимо ясно выраженнаго анархизма во взглядахъ Толстого наблюдается направленіе, которое, на нашъ взглядъ, лучше всего характеризуется терминомъ: «аграрный коммунизмъ»: онъ считаетъ единственно возможнымъ строемъ жизни земельное равненіе всѣхъ.

Толстой также возводитъ народъ на степень недосягаемаго для интеллигенціи идеала. Міровоззрѣніе Толстого примѣрно таково: интеллигенція искалѣчена многовѣковымъ вліяніемъ цивилизаціи, въ которой все зло. Народъ сохранилъ еще свою первобытную, дѣтскую чистоту. Но не только этическія качества крестьянина достойны поклоненія,—его хозяйство, принципы его хозяйственной дѣятельности составляютъ идеалъ, къ которому необходимо стремиться. Этотъ идеалъ и былъ реализованъ давно минувшимъ хозяйственнымъ строемъ первобытнаго человѣчества, т.-е. въ эпоху такъ называемаго аграрнаго коммунизма.

Въ будущемъ аграрно-коммунистическомъ государствѣ Толстого все должно совершаться по принципамъ идеальнаго и натуральнаго хозяйства. Въ немъ нѣтъ ни денегъ, ни кредита, ни раздѣленія труда, ни налоговъ, ни университетовъ, ни суда, ни арміи, ни чиновниковъ. Очевидно, что задача экономической

эволюціи Россіи — возможное приближеніе къ осуществленію подобнаго рода идеала. Эти взгляды Толстого не случайны. Они связаны со всѣмъ его общимъ міровоззрѣніемъ.

Философское же обоснованіе этой теоріи слѣдующее. Люди всѣ одинаковы. Въ смыслѣ человѣческихъ свойствъ нѣтъ разницы между дикимъ и банкиромъ, рабочимъ и Наполеономъ. Общество и народъ стоятъ въ полномъ противорѣчіи другъ къ другу, насмѣхаются и ненавидятъ другъ друга. Особенно хорошо наблюдается рознь между цивилизованными и нецивилизованными при столкновеніяхъ восточныхъ народовъ. «Индѣйцы,—говоритъ Л. Толстой,—считаютъ англичанъ варварами и злодѣями, англичане—индѣйцевъ; японцы—европейцевъ; европейцы—японцевъ; даже самые прогрессивные народы—французы считаютъ нѣмцевъ тупоголовыми, нѣмцы считаютъ французовъ безмозглыми. Изъ всѣхъ этихъ наблюденій я вывожу то умозаключеніе, что ежели прогрессисты считаютъ народъ не имѣющимъ права обсуждать своего благосостоянія и народъ считаетъ прогрессистовъ людьми, озабоченными корыстными личными видами, то изъ этихъ противоположныхъ воззрѣній нельзя вывести справедливостей ни той, ни другой стороны. И потому я долженъ склониться на сторону народа на томъ основаніи, что: 1) народа больше, чѣмъ общества, и что поэтому должно предположить, что большая доля правды на сторонѣ народа; 2) и главное потому, что народъ безъ общества прогрессистовъ могъ бы жить и удовлетворять всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ, какъ то: трудиться, веселиться, любить, мыслить и творить художественныя произведенія (Иліада, русскія пѣсни); прогрессисты же не могли бы существовать безъ народа. Прогрессъ западной Европы не есть что-либо фатальное, нѣчто неизбѣжно-обязательное, какъ для Европы въ будущемъ, такъ и для другихъ странъ. Прогрессъ Россіи можетъ итти совершенно инымъ путемъ, чѣмъ на Западѣ. Самъ же историческій ходъ событій самъ по себѣ неразуменъ, безсмысленъ. Человѣкъ, преслѣдуя извѣстные идеалы, вполнѣ въ состояніи направлять историческій ходъ по своему усмотрѣнію. Вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ обладаетъ правомъ нравственнаго суда надъ исторіею. Онъ судитъ объ историческихъ фак-

тахъ и явленіяхъ, согласно своему этическому воззрѣнію». И Толстой судитъ европейскую цивилизацію съ точки зрѣнія своихъ нравственныхъ убѣжденій. Онъ считаетъ, что весь современный техническій и культурный прогрессъ есть исключительное и неотъемлемое достояніе одной очень небольшой группы людей, къ тому же не имѣющихъ права пользоваться этимъ достояніемъ. Другая, большая часть населенія, создающая «явленія прогресса» (книгопечатаніе, желѣзныя дороги, кредитъ, заработная плата и проч.), вовсе не пользуется этими благами. Поэтому лучше жить въ условіяхъ такого строя, гдѣ бы не было жизни меньшинства на счетъ большинства и всей цивилизаціи, необходимой этому меньшинству. Строй, при которомъ человѣкъ живетъ вполнѣ идеально, и есть аграрныя коммунистическія общины, безъ государственной власти и денежнаго хозяйства. Это—нѣчто, напоминающее первобытный строй людей въ фантазіяхъ Руссо. Толстой, какъ и Руссо, полагаетъ, что «идеалъ нашъ сзади, а не впереди» и «что человѣкъ родился совершеннымъ» и дурнымъ становится только подъ вліяніемъ условій современной жизни.

Какъ извѣстно, Л. Толстой съ теченіемъ времени нѣсколько измѣнилъ свои воззрѣнія. Вмѣсто нравственнаго суда надъ исторіею и вмѣшательства въ историческій ходъ жизни онъ поучаетъ «о непротивленіи злу». Не слѣдуетъ, думаетъ онъ, помогать ближнему дѣятельнымъ вмѣшательствомъ, направленнымъ противъ зла, не слѣдуетъ помогать ни деньгами, ни знаніемъ, ни протестомъ. Да, вмѣшательство человѣка безсильно: личность не играетъ никакой роли въ историческомъ процессѣ. Къ этому присоединилась проповѣдь Христова ученія въ духѣ первыхъ вѣковъ христіанства, ученіе о воздержаніи отъ табаку, вина и мяса и рядъ другихъ частью парадоксальныхъ, частью мистическихъ мнѣній, какъ, напр., ученіе о божественномъ возмездіи. Воззрѣнія гр. Толстого нашли себѣ ревностныхъ поклонниковъ, пытавшихся на практикѣ осуществить его идеалы. Было основано нѣсколько толстовскихъ колоній въ Смоленской, Московской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, на Кавказѣ и на Уралѣ. Но всѣ онѣ къ концу 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ распались.

Литература о Толстомъ крайне обширна. Среди различныхъ

сочиненій, посвященныхъ Толстому, выдѣляются труды Н. Михайловскаго, Скабичевскаго, Громеки и др. Но все это не обнимаетъ собою этой грандіозной фигуры въ ея широтѣ. До сихъ поръ еще на русскомъ языкѣ не имѣется работы, посвященной экономическому міровоззрѣнію Толстого, а равно и правдивой исторіи вызваннаго его геніемъ движенія.

Итакъ, мы видѣли, что въ теченіе полувѣка разнообразныя теченія русской общественной мысли подпадали подъ вліяніе двухъ основныхъ элементовъ: патріотическаго славянофильства и западныхъ соціалистическихъ теорій. Различныя общественныя группы или усваивали ту или другую въ чистомъ видѣ, создавая то партію московскихъ славянофиловъ, то кружки свѣтскихъ и ученыхъ людей—Станкевича, Грановскаго,—то полу-конспиративные кружки въ духѣ Петрашевскаго, или же воспринимали въ извѣстной комбинаціи и ту и другую, какъ то дѣлалъ, напримѣръ, Герценъ со своими единомышленниками. Конечно, на каждое изъ названныхъ теченій русскаго общества, помимо различныхъ чисто мѣстныхъ и временныхъ условій, вліяли преимущественно современные имъ западные мыслители, модные, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, тогда соціалисты. Такъ, Герценъ, Чернышевскій и петрашевцы находились подъ вліяніемъ французскихъ соціалистовъ Фурье, Сенъ-Симона и Луи Блана; болѣе позднія общественныя теченія—преимущественно подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, и именно—Маркса и Энгельса. Отъ общихъ же основныхъ элементовъ русской общественной мысли,—славянофильства и соціализма,—не освободилось и появившееся затѣмъ новое направленіе—народничество. Оно выбрало изъ славянофильства и западничества то, что наиболѣе подходило подъ требованія времени. Славянофильская община превратилась въ натуральное хозяйство вообще; на мѣсто идола западниковъ—Фурье, прочно утвердился Карлъ Марксъ. Согласно этимъ двумъ основнымъ элементамъ, народники сами себя называютъ также и «научными марксистами».

Итакъ, къ концу 70-хъ годовъ образовалось «новое» народническое теченіе, которое, съ одной стороны, само, въ противо-

вѣсъ болѣе западному теченію, являлось славянофильскимъ, а съ другой—дѣлилось на двѣ подгруппы: одну—болѣе западническую, другую—болѣе славянофильскую.

Одинъ изъ литературныхъ противниковъ народничества слѣдующимъ образомъ характеризуетъ все направленіе: «Теорія самобытнаго экономическаго развитія Россіи или просто вѣра въ такое развитіе составляетъ сущность того направленія, представителей котораго, несмотря на всѣ различія во взглядахъ на тѣ или другіе частные (иногда очень важные) вопросы, можно объединить подъ общимъ именемъ народничества. Эта теорія имѣетъ два основныхъ источника: 1) опредѣленное ученіе о роли личности въ историческомъ процессѣ и 2) непосредственное убѣжденіе въ специфическомъ національномъ характерѣ и духѣ русскаго народа и въ особенныхъ его историческихъ судьбахъ. На первое опираются тѣ представители «народничества», которые составляютъ, такъ сказать, его западническую фракцію. Второе есть основа всей теоретической постройки славянофильской группы народниковъ,—если вообще можно говорить о какой-либо теоріи у ея представителей» [1]).

«Хожденіе въ народъ» было только частичнымъ выраженіемъ народничества. Другимъ, большимъ являлась народническая литература. Представители ея—крупные литературные и публицистическіе таланты и ихъ міровоззрѣніе имѣло громадное вліяніе на все русское общество отъ 70-хъ годовъ вплоть до послѣдняго времени.

Выше уже было сказано, что народничество вышло изъ той группы идей, въ признаніи которой сходились и славянофилы и западники дореформеннаго времени и что, поэтому, оно носитъ отраженіе этихъ двухъ міровоззрѣній. Но перевѣсъ одного изъ нихъ опредѣляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и характеръ подгруппы народниковъ; поэтому одни—скорѣе «народники-западники», другіе—«народники-славянофилы». При разницѣ, у нихъ много общаго: они не считаютъ доказаннымъ положеніе о необходимости каждой странѣ пройти капиталистическую ступень развитія.

---

[1]) *Струве, П.*: Критическія замѣтки. Спб., 1894 г., стр. 2.

Къ первой подгруппѣ народниковъ необходимо отнести отчасти и высокоталантливаго критика Н. Г. Чернышевскаго, затѣмъ фракціоннаго вождя русскихъ эмигрантовъ—П. Л. Лаврова (Миртова), затѣмъ Южакова, Николая-она (Даніельсона), В. В. (В. П. Воронцова), отчасти Н. К. Михайловскаго и Н. Шелгунова и рядъ другихъ, менѣе выдающихся литераторовъ. Ко второй группѣ причисляются: Каблицъ (Юзовъ), В. С. Пругавинъ, Н. Златовратскій и нѣкоторые другіе.

Западническое крыло народничества въ лицѣ Н. К. Михайловскаго и П. Л. Лаврова (Миртова) выступило съ заявленіемъ, что оно одинаково отрѣшается отъ славянофильства и отъ западничества, а поэтому работаетъ надъ созданіемъ новой соціологической теоріи, которая и носитъ названіе субъективной соціологической школы. Основныя положенія этой теоріи слѣдующія: «Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ». (Михайловскій: «Что такое прогрессъ?»). Хотя всякое историческое явленіе законосообразно, но человѣкъ можетъ вполнѣ активно относиться къ нему. А именно, разъ онъ только признаетъ, что данное историческое явленіе пагубно вліяетъ на общество, онъ вполнѣ правъ осуждать, а слѣдовательно и бороться съ нимъ. Точно такъ же онъ поступаетъ и съ цѣлымъ комплексомъ историческихъ явленій, съ извѣстнымъ экономическимъ ходомъ развитія. Поэтому «живая душа со всѣми своими помыслами и чувствами становится дѣятелемъ исторіи на свой собственный страхъ. Она, а не какая-нибудь мистическая сила, ставитъ цѣли въ исторіи и движетъ къ нимъ событія сквозь строй препятствій, поставленныхъ ей стихійными силами природы и историческими условіями» (Михайловскій). Личность, такимъ образомъ, творитъ исторію, не исключая и ея экономической части.

«Всякій критически-мыслящій индивидуумъ, человѣкъ, можетъ

осуществлять прогрессъ въ человѣчествѣ» (П. Лавровъ: «Историческія письма»). Все, что ни сдѣлано человѣческимъ прогрессомъ, все создано работою отдѣльныхъ критически мыслящихъ индивидуумовъ. Они создали исторію и ее создаетъ всякій, у кого хватаетъ таланта и знанія критически отнестись къ существующему. Обладая достаточною степенью таланта и знанія для сознанія потребностей прогресса, отдѣльная борющаяся личность обладаетъ eo ipso и достаточными способностями для реализаціи этого сознанія въ дѣйствительной жизни. Отъ такого общаго построенія не труденъ переходъ къ частному конкретному случаю, къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи.

Современный экономическій строй складывался въ Европѣ тогда, когда не существовало ни соотвѣтствующей науки, ни соотвѣтствующаго высоко-развитаго нравственнаго чувства. Невѣжество и грубость чувства не могли судить объ окружающихъ ихъ историческихъ явленіяхъ, а слѣдовательно, и активно вмѣшиваться въ ихъ теченіе. Поэтому экономическое развитіе Запада пошло вполнѣ случайнымъ и притомъ ненормальнымъ путемъ.

Въ настоящее время Западъ — арена бѣдствій: милитаризмъ истощаетъ силы государствъ, пауперизмъ—общій удѣлъ народовъ, отдѣльные индивиды которыхъ не гарантированы отъ голодной смерти. Анархисты и злодѣи, мошенники и негодяи разъѣдаютъ основы общества, лишеннаго нравственности и чести. Взаимная борьба, соперничество и конкурренція опредѣляютъ отношенія отдѣльныхъ личностей. Въ итогѣ—лучшіе люди индивидуалистическаго Запада пришли къ отрицанію основъ капиталистическаго строя послѣдняго, къ ученію, выведенному изъ противоположныхъ принциповъ, къ соціализму.

Отъ всего этого,—думаютъ народники,—Россія можетъ смѣло уберечься, перейдя непосредственно, минуя капитализмъ, къ лучшему строю будущаго. Для этого у ней въ распоряженіи слѣдующихъ два фактора: во-первыхъ, Россія, освобожденная отъ крѣпостного права, является въ соціальномъ смыслѣ tabula rasa, на которой еще открыта полная возможность написать ту или другую будущность. Во-вторыхъ, Россія къ этому же моменту обладаетъ и достаточнымъ количествомъ отдѣльныхъ критиче-

скихъ личностей, могущихъ писать на этой tabula rasa, т.-е. своею высокоразвитою интеллигенціею. Отсюда ясно и желательное будущее и задачи интеллигенціи: «руководясь опытомъ другихъ странъ, избѣжать тѣхъ ошибокъ, исправленіе которыхъ теперь составляетъ тамъ (т.-е. на Западѣ) заботу всѣхъ передовыхъ дѣятелей. Важность этой задачи, выпавшей на долю дѣйствующихъ поколѣній, требуетъ отъ нихъ напряженія всѣхъ умственныхъ силъ, самой добросовѣстной работы, не допускающей никакихъ предвзятыхъ идей, никакого обезъянничества». (Михайловскій,—Яковлевъ). Работа эта должна быть вполнѣ оригинальна, а созданная ею экономическая исторія Россіи—вполнѣ самобытна. Къ этой сторонѣ воззрѣній Н. К. Михайловскаго примыкаютъ и остальные народники. Они указываютъ и на наличность подходящихъ условій, а именно: «оригинальное культурное явленіе»—русское крестьянство, живущее въ общинахъ, затѣмъ «самобытное явленіе»—артель и рядъ оригинальныхъ полу-коммунистическихъ, полу-романтическихъ воззрѣній на собственность, трудъ, справедливость, такъ назыв. «народныхъ идеаловъ». Но здѣсь народникамъ приходится повторять все, что уже было сказано по этому поводу славянофилами и Герценомъ.

Но славянофилы не знали того, что за это время стало хорошо извѣстно народникамъ, а именно, что общинное землевладѣніе—«не исключительное достояніе славянства», не новость въ исторіи, а уже пройденная ступень экономическаго развитія. Но это ихъ не смущаетъ: они говорятъ объ эволюціонирующемъ и приспособляющемся общинномъ землевладѣніи, объ общинѣ, близкой идеалу соціалистовъ. Такимъ образомъ дается новая аргументація для доказательства того, что Россія не должна и можетъ не подвергнуться участи Запада. Самобытная и приспособляющаяся къ прогрессу русская община ничуть не теряетъ отъ того, что она на Западѣ «пройденная ступень». Постепенно создается даже разница между общиною Запада и общиною русскою, и, конечно, не въ пользу первой. Русская община, говорятъ они, значительно выше въ своемъ развитіи того примитивнаго аграрнаго коммунизма первобытныхъ народовъ, который и составлялъ содержаніе западнаго общиннаго землевладѣнія. Если

послѣдняя была косна и неподвижна, то, наоборотъ, русская община прекрасно приспособляется къ новымъ условіямъ жизни и вполнѣ доступна прогрессивнымъ теченіямъ сельско-хозяйственной техники. Общественному прогрессу такая община не только не мѣшаетъ, но и способствуетъ. Самый строй жизни, построенный на русской общинѣ, по мнѣнію народниковъ, выше строя жизни, построеннаго на капитализмѣ и индивидуализмѣ, или на высшей формѣ послѣдняго—на «ассоціаціи» разрозненныхъ индивидуумовъ.

Дѣло въ томъ, что, согласно ученію народниковъ, необходимо отличать «типъ» отъ «ступени» развитія. «Типъ» экономическаго развитія какой-либо страны можетъ постепенно находиться на различныхъ ступеняхъ развитія. И если это типъ низшаго порядка, то на какой бы онъ высотѣ развитія ни находился, ему слѣдуетъ предпочесть типъ болѣе высокаго качества, хотя бы послѣдній былъ еще и мало развитъ. Само собою понятно, что низшій типъ развитія это — западный индивидуалистическій, а высшій это — общинный русскій, гдѣ орудіе производства въ рукахъ самого производителя, т.-е. экономически независимой личности. Западъ находится на болѣе высокой ступени развитія, но типъ его развитія низокъ. Россія же обладаетъ высокимъ типомъ развитія. Надо только поднять его на высшую ступень, надо стремиться сильнѣе развить его. Отсюда вытекаетъ апріорное ученіе о хозяйственной самостоятельности общинника, которое совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Сюда же примыкаетъ и упрощенный взглядъ на русскую экономическую политику. У каждаго изъ типовъ развитія существуетъ и свое производство. У высшаго—народное, у низшаго—товарное, или капиталистическое производство. Въ Россіи правительство покровительствуетъ послѣднему за счетъ перваго, и въ этомъ причина ея неурядицъ и бѣдствій. Высшій типъ развитія идентиченъ въ то же время и съ хозяйственною самостоятельностью. Производство и развитіе потребностей не играетъ при этомъ никакой роли, главнѣйшее вниманіе обращено на одно — на сохраненіе экономической самостоятельности производителя. Свою самостоятельность крестьянинъ отстаиваетъ съ полною готовностью на жертву и

съ полнымъ знаніемъ дѣла. Крестьяне готовы жертвовать всѣмъ земледѣльческимъ доходомъ, довольствуясь одною заработною платою, лишь бы сохранить свою самостоятельность. При этомъ, «выигрывая, какъ самостоятельный производитель, народъ теряетъ, какъ потребитель» (В. В.: «Судьбы капитализма въ Россіи», стр. 290). Здѣсь, по мнѣнію народниковъ, и секретъ ухудшенія положенія крестьянъ послѣ ихъ освобожденія. «Нельзя, поэтому, сказать, что народъ 20 лѣтъ проспалъ, что у него только и было заботы: истощать землю и подготовлять сельскохозяйственный кризисъ», говоритъ одинъ народникъ, В. В. (тамъ же, стр. 290). «Народъ совершалъ въ это время великое дѣло, отъ того или другого направленія котораго зависитъ будущее ваше развитіе, онъ боролся за высшій типъ общественно-экономическаго прогресса. Не его вина, если побѣда досталась ему путемъ пониженія степени развитія; нельзя упрекать его за то, что, принужденный вести отчаянную борьбу съ обществомъ, народъ недостаточно былъ энергиченъ въ своихъ отношеніяхъ къ природѣ: природа отъ него не уйдетъ, а пропустить благопріятный общественно-историческій моментъ очень не трудно». Но кромѣ того на пути развитія народомъ высшей сельско-хозяйственной культуры стояли и домашнія финансовыя затрудненія. «Не ограниченность знаній, энергіи и вообще способностей народа и не общинное землевладѣніе причиною низкаго состоянія русскаго земледѣлія, а неустранимыя силами общины общественныя и финансовыя условія, созданныя культурными классами». «Разрушеніе исконныхъ формъ народной жизни не въ силу экономической борьбы мелкаго производства съ крупнымъ и побѣды послѣдняго, а есть результатъ неудачнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь народа правящихъ классовъ, слѣдовательно произведено политическими мѣрами» (стр. 5).

Народники не ограничились построеніемъ одной только теоріи. Наоборотъ, это первые изслѣдователи русской дѣятельности. Артель и община, кустарная промышленность и капиталистическое производство ими постоянно и тщательно изслѣдуются. Наблюденія ихъ, впрочемъ, исключительно только

подтверждаютъ ихъ почти цѣликомъ выработанную на апріористической почвѣ теоретическую программу. Экономическаго прошлаго Россіи они мало касались, считая его временемъ мало отличнымъ отъ современнаго, а формы прошлаго отъ тѣхъ формъ, что они съ рѣдкимъ упорствомъ отстаивали. Такимъ образомъ для развитія интересующаго насъ вопроса они дали не больше, чѣмъ славянофилы, а для фактическаго изученія прошлаго еще того меньше.

Среди народниковъ, изслѣдователей подобнаго рода, впереди другихъ необходимо поставить двухъ—В. П. Воронцова и Н. Ф. Даніельсона. Псевдонимъ перваго—«В. В.», второго—«Николай-онъ». В. В., помимо ряда журнальныхъ статей, написалъ «Очерки кустарной промышленности въ Россіи», «Прогрессивныя теченія въ русскомъ хозяйствѣ», «Наши направленія», «Артельныя начинанія русскаго общества», «Крестьянская община». Главнѣйшимъ же трудомъ, въ принципіальномъ смыслѣ, считается его сочиненіе: «Судьбы капитализма въ Россіи».

Наиболѣе важное произведеніе другого столпа народничества, Николая-она: «Очерки нашего пореформеннаго хозяйства», повторяетъ ту же точку зрѣнія на экономическія судьбы Россіи, что и В. В. Вообще же Николай-онъ воспроизводитъ на русской почвѣ такую же теорію экономическаго развитія, какую рисовали себѣ и нѣмецкіе утописты 40-хъ годовъ [1]).

Представители второй группы народничества интересовались совершенно иными вопросами. Въ общемъ, они отличаются такимъ крайнимъ романтизмомъ, что даже народники первой группы считаютъ ихъ оптимистами [2]). Это направленіе получило въ среднихъ слояхъ русскаго общества особенное распространеніе, и надо сознаться, что неумѣренная идеализація «устоевъ», проповѣдь мелкаго культурничества и малыхъ дѣлъ при добродѣтельномъ девизѣ: «наше время не время широкихъ задачъ» и, наконецъ, то политическое усыпленіе, которое навѣвали гг. литераторы, вродѣ Я. Абрамова,—все это должно было породить энер-

---

[1]) Ср. *Струве, П.*: На разныя темы. Спб., 1902, стр. 81.

[2]) *В. В*: Судьбы капитализма, стр. 3.

гичную реакцію и протестъ противъ обезличенія, который исходилъ изъ этого лагеря, и вредъ котораго замѣтилъ и опредѣлилъ сходившій въ могилу Н. В. Шелгуновъ.

IV. Марксизмъ [1]).

Примѣрно съ 1893 года въ русскомъ обществѣ произошелъ рѣзкій переломъ въ міросозерцаніи [2]). Вмѣсто одного цѣлостнаго міросозерцанія, основаннаго на свободѣ личности и подчиненнаго ей прогресса, на воспринятіи тѣхъ положеній, которыя привели къ знаменитому отвѣту Герцена,—появилось совершенно иное, новое, тоже цѣлостное міровоззрѣніе, поставившее во главу угла имманентное развитіе процесса, экономическій матеріализмъ, классовую борьбу и необходимость для осуществленія цѣлей соціальнаго улучшенія наличности пролетаріата. Это новое направленіе, указавшее и Россіи итти по «схемѣ К. Маркса», а слѣдовательно и по стопамъ Запада, скоро получило названіе марксизма, или, точнѣе, неомарксизма, такъ какъ теорія народничества также исходила и опиралась на ученіе Маркса.

Но послѣдніе воспринимали это ученіе, главнымъ образомъ, какъ трудовую теорію цѣнности и притомъ съ субъективнымъ методомъ въ соціологіи, съ дарвинизмомъ и другими теоріями, не обращая вниманія на экономическій матеріализмъ. И въ то же

---

[1]) Къ нему тѣсно примыкаетъ его практическая сторона—соціалъ-демократическое партійное теченіе. Зародышемъ его была группа Освобожденія труда (1883 г). Конецъ 80-хъ годовъ прошелъ въ кружковщинѣ, иногда, впрочемъ, значительной по своимъ размѣрамъ Группа «Рабочій», а особенно организація «Бруснева и его товарищей»—были уже не простыми конспиративными кружками, какъ указываетъ В. П. Акимовъ (Махновецъ) въ своемъ интересномъ «Очеркѣ развитія соціалъ-демократіи въ Россіи» (Спб., 1906). Какъ можетъ засвидѣтельствовать авторъ этихъ строкъ, бывшій въ числѣ «товарищей» Бруснева, Первомайскія собранія въ Екатерингофѣ (1889), на Крестовскомъ островѣ (1890) и на Волковомъ кладбищѣ (1891), послѣ чего было арестовано до 200 чел., скорѣе походили на теперешнія массовки. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не касаемся исторіи соціалъ-демократіи, а только легальныхъ литературныхъ представителей марксизма.

[2]) Въ 1893 году мимолетно появилось своеобразное народно-правческое направленіе, но оно не успѣло выразиться въ легальной литературѣ.

самое время К. Марксъ нашелъ себѣ въ Россіи большую группу послѣдователей, которая больше прониклась его философскимъ и соціальнымъ ученіемъ и притомъ безъ прибавки къ нему воззрѣній о самобытномъ развитіи Россіи. Эта группа называла сама себя «марксистскою», и въ примѣненіи къ вопросамъ нетеоретическимъ—«соціалъ-демократическою» [1]).

Исходною точкою ея міровоззрѣнія были идеи соціальной закономѣрности и научнаго объективизма. Новому направленію пришлось поэтому строить новую соціологическую теорію, отрицая субъективную соціологію народничества. Оно не остановилось ни передъ отрицаніемъ роли и значенія личности въ исторіи, ни передъ игнорированіемъ всякихъ «идеологій». Такимъ образомъ, мы находимъ въ русскомъ обществѣ двѣ по существу различныхъ общественныхъ группы, признающихъ въ одно и то же время Карла Маркса своимъ наставникомъ. И то и другое направленіе считаетъ, что оно одно является истиннымъ истолкователемъ своего учителя. Въ итогѣ, «русскій марксизмъ», разбиваясь на два лагеря, необходимо вступаетъ самъ съ собою въ полемику. И въ то время, когда представители марксистовъ-народниковъ, Н. Михайловскій, В. Воронцовъ, Н. Даніельсонъ, считаютъ себя «научными», а своихъ противниковъ «буржуазными марксистами» и «апологетами власти денегъ»,—ихъ противники, П. Скворцовъ, П. Струве, Н. Бельтовъ, считаютъ себя «истинными марксистами», а своихъ оппонентовъ «псевдо»- и «лже-марксистами». Между ними, примѣрно съ 1893 года, началась очень рѣзкая и очень страстная полемика, настоящая борьба двухъ міровоззрѣній. Она дала возможность строго размежеваться и окончилась побѣдою болѣе новаго ученія. Согласно взятой на себя задачѣ, насъ интересуетъ здѣсь только та часть этой борьбы, которая примыкаетъ непосредственно къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи.

О воззрѣніяхъ народниковъ по этому вопросу мы уже гово-

---

[1]) Ея типичнымъ предшественникомъ является, съ одной стороны, Н. Н. Зиберъ, даровитый экономистъ 70 и 80-хъ годовъ, съ другой—*Г. В. Плехановъ* (Бельтовъ), еще въ 1883 году заложившій своею группою «Освобожденіе труда» прочный фундаментъ россійской соціалъ-демократіи.

рили. Марксисты же утверждаютъ слѣдующее. Россія отнюдь не разнится—въ экономическомъ смыслѣ—отъ остальныхъ странъ, но только нѣсколько запоздала въ своемъ развитіи. При этомъ русскій капитализмъ выросъ въ своихъ особыхъ условіяхъ. Онъ возникъ «на почвѣ технической нераціональности крестьянскаго хозяйства», давшей въ итогѣ «натурально-хозяйственное переселеніе»,—источникъ «для развитія капиталистическихъ отношеній» [1]). Но какъ бы тамъ ни было, нынѣ «Россія—капиталистическая страна, точно такъ же, какъ и всѣ другія цивилизованныя государства міра» [2]). Вовлеченное въ настоящее время въ круговоротъ мірового рынка, русское народное хозяйство неизбѣжно и окончательно приспособится къ нему, т.-е. вызоветъ въ своемъ строѣ многія аналогичныя Западу явленія. Экономическая эволюція стихійна, имманентна, личность—это слабый атомъ общественнаго класса, и только послѣдній, развиваясь и проникаясь своими интересами и вступая въ борьбу съ классомъ-антагонистомъ, имѣетъ историческое значеніе. Только изъ борьбы классовъ творится соціальный прогрессъ. Самый ходъ экономической исторіи во всѣхъ странахъ одинаковъ: натуральное товарное хозяйство, капитализмъ, соціализмъ. Въ Россіи тоже дѣло нисколько не мѣняется отъ содѣйствія правительства капитализму. Это явленіе повсемѣстное [3]).

Россія въ настоящее время уже перешла отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, т.-е. уже вступила на путь капитализма. Ни возврата, ни выбора нѣтъ. Логика событій неумолима. Россія невольно усваиваетъ себѣ всѣ положительныя и отрицательныя стороны капитализма, и въ дальнѣйшемъ развитіи ихъ—ближайшая программа ея экономическаго прогресса. Развивъ

---

[1]) *Струве, П.*: На разныя темы. Спб.. 1902, стр. 34.

[2]) *Туганъ-Барановскій, М.*: Статистическіе итоги промышленнаго развитія Россіи. Спб., 1898 г., стр. 41.

[3]) «Нигдѣ вы не встрѣтите пресловутаго «естественнаго» или самопроизвольнаго развитія капитализма, вездѣ онъ былъ «искусственнымъ». Да иначе и быть не можетъ. Современное государство и капитализмъ—это историческіе близнецы». *Струве, П.*: Пренія по докладу Туганъ-Барановскаго Труды Имп. Вольнаго Экономическаго Общества за 1898 г., стр. 90.

капитализмъ, Россія пріобрѣтетъ пролетаріатъ, а послѣдній создастъ и дальнѣйшую исторію, а слѣдовательно, «пойдемъ на выучку къ капитализму»,—резюмировалъ это міровоззрѣніе П. Б. Струве.

Расчищая дорогу своему міровоззрѣнію, марксисты съ особою силою напали на духовныхъ вождей противоположнаго направленія, на литературныхъ и научныхъ представителей народничества. Послѣднихъ они опредѣляютъ какъ «идеологовъ» натуральнаго хозяйства и какъ мелко-буржуазныхъ сисмондистовъ [1]). Въ свою очередь, противники неомарксизма характеризуютъ послѣдній, какъ доктринерскую школу, которая незнакома съ Россіей и которая «считаетъ, что въ Россіи должно непремѣнно получить господство капиталистическое производство, а не кулачество (замѣтьте, капиталистическое производство, а не кулачество или ирландское фермерство)». (В. В.: Судьбы капитализма въ Россіи). Тотъ же авторъ далѣе говоритъ о марксизмѣ: «Предполагается, что самостоятельные производители-ремесленники не въ состояніи произвольно организовать свое производство въ мануфактуру и фабрику, примѣняя для этого, насколько возможно, всѣ техническія улучшенія; что выполненіе задачи этой организаціи беретъ на себя капиталъ, и подъ его желѣзнымъ управленіемъ рабочіе теряютъ чрезмѣрный индивидуализмъ, дисциплинируются, пріобрѣтаютъ свойства, дѣлающія возможною общественную форму труда со всѣми благими ея послѣдствіями» [2]). Но главныя возраженія марксизму дѣлались не на экономической почвѣ, а на этической.

Проповѣдь марксизма, формулируемая тезисомъ Струве: «пой-

[1]) *В. И. Ильинъ*: Экономическіе этюды и статьи. Спб. 1899.

[2]) Впрочемъ, такъ было сказано до 90-хъ годовъ, когда В. В. предполагалъ, что «врядъ ли, напримѣръ, можно указать на сколько-нибудь вліятельное направленіе нашей общественной мысли, которое бы прямо заявило о необходимости и желательности перенесенія къ намъ всѣхъ порядковъ западной промышленной жизни, не смущаясь ея пролетаріатомъ, пауперизмомъ, какъ естественнымъ и необходимымъ дополненіемъ капитализма» В. В.· Судьбы капитализма. Стр. 11. Спб. 1882 г. Какъ непрозорливъ оказался В. В.

демъ на выучку къ капитализму», вызвала бурные этическіе протесты какъ со стороны народнической литературы, такъ и со стороны умѣренно-либеральной. Экономическая программа новаго направленія понималісь, какъ безнравственное стремленіе обезземелить и разорить крестьянъ, какъ желаніе превратить ихъ въ бездомный пролетаріатъ фабрикъ и заводовъ. Рядъ лѣтъ много писалось о безсердечномъ желаніи марксистовъ «сварить Россію въ фабричномъ котлѣ», водрузить на нивахъ «фабричную трубу» и проч. Весьма многое въ марксизмѣ совершенно не понималось, начиная съ новаго толкованія Маркса, кончая вышеприведенною формулою Струве.

«Все дѣло въ смыслѣ»,—писалъ Струве о своей формулѣ: «пойдемъ на выучку къ капитализму» [1]). А смыслъ «страшныхъ словъ» таковъ: «Во-первыхъ, русское общество, въ его цѣломъ, потому нуждается въ капиталистической выучкѣ, что только эта выучка, развивая производительныя силы страны, создаетъ и будетъ создавать условія культурнаго прогресса и предпосылки новой, болѣе высокой экономической формаціи. Во-вторыхъ, только капиталистическая выучка можетъ взростить классовое самосознаніе — этотъ могущественный рычагъ общественнаго развитія. Въ-третьихъ, только капиталистическая выучка внесетъ во взаимныя отношенія общественныхъ классовъ полную ясность, которая сдѣлаетъ совершенно невозможной путаницу понятій о роли интеллигенціи и государства въ экономическомъ процессѣ, до самаго послѣдняго времени, можно сказать, безраздѣльно господствовавшую у насъ. Капиталистическая выучка уничтожитъ тотъ фантомъ всесильной классовой интеллигенціи, который до сихъ поръ есть главный устой вѣры въ самобытное экономическое развитіе. Фантомъ этотъ, конечно, объясняется реальнымъ и весьма вѣскимъ фактомъ существованія задачъ, общихъ различнымъ общественнымъ классамъ. Но такой общей задачей не можетъ быть уничтоженіе капитализма, т.-е. экономическаго господства одного класса надъ другимъ. И возлагать на интеллигенцію подобную задачу—значитъ впадать въ утопизмъ, не только

[1]) *Струве, П.* На разныя темы. Спб., 1902 г., стр. 15.

безплодный, но и вредный. И кто можетъ утверждать, что Марксъ не признавалъ значенія капиталистической выучки въ только что указанномъ смыслѣ? Въ знаменитомъ манифестѣ есть краснорѣчивыя страницы, рисующія культурно-воспитательное значеніе буржуазіи,—страницы, которыя еще недавно одинъ нѣмецкій ученый назвалъ дифирамбическимъ прославленіемъ исторической миссіи капитализма (Зомбартъ: «Zur Kritik des oekonomischen Systems von Karl Marx» въ «Braun's Archiv fur sociale Gesetzgebung und Statistik». 1894. Heft 4, стр. 588—589). Во всѣхъ трехъ томахъ «Капитала» достаточно аналогичныхъ мѣстъ. Значеніе же капитализма для развитія классового самосознанія—вѣдь это одна изъ основныхъ нотъ ученія Маркса. И не даромъ же эпиграфомъ своей заключительной главы я взялъ слова изъ предисловія къ «Капиталу»: «Насъ мучаетъ не только развитіе капиталистическаго производства, но также недостаточное его развитіе». Этихъ словъ не могъ бы написать ноющій народникъ. Народники, наоборотъ, восторгаясь каждымъ доказательствомъ недостаточнаго развитія капитализма въ Россіи, забываютъ, что не отсутствіе противодѣйствующихъ силъ, а наличность силъ, дѣйствующихъ въ опредѣленномъ направленіи, создаетъ движеніе впередъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ сказалъ я: «пойдемъ на выучку къ капитализму». Это значитъ: станемъ сознательно на почву данныхъ капиталистическихъ отношеній съ ихъ классовыми противорѣчіями. Это вовсе не значитъ—для меня, по крайней мѣрѣ—«будемъ служить буржуазіи», ибо капиталистическія отношенія подразумѣваютъ не одну буржуазію, но и ея антипода вездѣ, а тѣмъ болѣе у насъ, нуждающихся въ капиталистической выучкѣ».

Послѣднее, недоговоренное, отлично, впрочемъ, понималось и безъ разъясненія, и марксизмъ первые годы имѣлъ подавляющій перевѣсъ надъ народничествомъ, особенно среди молодежи. Многому помогали ясность задачи и свѣжесть силъ марксизма.

Въ этомъ лагерѣ, какъ на наиболѣе видныхъ легальныхъ литературныхъ представителей, необходимо указать на двоихъ: на высокоталантливаго П. Б. Струве и экономиста-философа, извѣстнаго подъ псевдонимомъ Н. Бельтова. За ними шли: М. И. Туганъ-Барановскій, П. П. Масловъ, Влад. Ильинъ (Ле-

нинъ), (съ оговорками Н. В. Водовозовъ), С. Булгаковъ, Богдановъ, І. Давыдовъ и многіе другіе. Всѣ они почти разомъ выступили въ серединѣ 90-хъ годовъ. Появленіе новаго теченія было очень своевременно. «Послѣ томительнаго удушья 80-годовъ, марксизмъ явился источникомъ бодрости и дѣятельнаго оптимизма, боевымъ кличемъ молодой Россіи, какъ бы общественнымъ ея бродиломъ. Онъ усвоилъ и съ настоятельною энергіею пропагандировалъ опредѣленный, освященный вѣковымъ опытомъ Запада практическій способъ дѣйствій, а вмѣстѣ съ тѣмъ оживилъ упавшую было въ русскомъ обществѣ вѣру въ близость національнаго возрожденія, указывая въ экономической европеизаціи Россіи вѣрный путь къ этому возрожденію. Если при оцѣнкѣ различныхъ группъ марксизма и была дѣйствительно проявлена извѣстная прямолинейность и чрезмѣрная исключительность, то все-таки не нужно забывать, что именно успѣхами практическаго марксизма опредѣляется начало поворота въ общественномъ настроеніи» [1]). Это марксистское теченіе быстро разрослось до размѣровъ цѣлаго движенія. Въ рукахъ марксистовъ побывали по очереди журналы: «Новое Слово», «Начало», «Жизнь», «Научное Обозрѣніе» и газета «Сѣверный Курьеръ». Рядъ брошюръ, книгъ, докладовъ и рѣчей въ ученыхъ обществахъ, особенно въ Вольномъ Экономическомъ, дополнялъ картину всеобщаго оживленія. Періодъ съ 1894 по 1899 г. былъ временемъ наибольшаго расцвѣта этого движенія [2]) Но наверху общественной волны теоретическій марксизмъ удержался недолго. Съ одной стороны, въ дѣйствительной жизни—вопросы практической борьбы и практической политики партіи увели много силъ на арену партійной работы, гдѣ уже было не до теорій; съ другой—въ теоріи наступали новыя вѣянія.

Съ наступленіемъ на Западѣ извѣстнаго кризиса въ марксизмѣ, кризиса, связаннаго вначалѣ съ именемъ Эдуарда Бернштейна, а затѣмъ неокантіанствомъ и съ общимъ ревизіонистскимъ настроеніемъ, кризисъ почти единовременно развился и

---

[1]) *Булгаковъ, С.*: Отъ марксизма къ идеализму. Спб., стр. VII.

[2]) Въ 1895 г. предполагался Марксистскій сборникъ.

въ Россіи. Струве, и раньше съ большими оговорками примыкавшій къ марксизму и ранѣе Бернштейна его критиковавшій, постепенно перешелъ въ сторону идеализма, призывая общество назадъ «къ Лассалю»! [1]). Туганъ-Барановскій, Булгаковъ и нѣкоторые другіе совершенно отказались отъ этого направленія [2]). Сторонниками теоретическаго марксизма, такъ называемаго ортодоксальнаго марксизма, осталась небольшая, невліятельная группа, такъ какъ лучшіе люди ортодоксіи ушли въ партійную работу. Нынѣ въ качествѣ нѣсколько запоздалой, но полезной въ смыслѣ борьбы съ нарождающеюся философскою смутою вылазки, эта группа издала сборникъ «Очерки реалистическаго міровоззрѣнія» и находила одно время свое выраженіе въ новомъ московскомъ журналѣ «Правда» [3]).

Туганъ-Барановскій слѣдующимъ образомъ формулировалъ вопросъ о «судьбахъ экономической эволюціи Россіи». «Наши самобытники, отыскивающіе для Россіи особые законы развитія и противопоставляющіе лукавый Западъ вѣрному Востоку»,—не правы. «30 лѣтъ тому назадъ геніальный экономистъ, одинъ изъ величайшихъ умовъ человѣчества, открылъ законы развитія капиталистическаго хозяйства. Всѣ послѣдующіе факты экономической исторіи служатъ только новымъ подтвержденіемъ вѣрности діагноза великаго экономиста. Факты русской жизни вполнѣ соотвѣтствуютъ теоретической схемѣ Маркса» [4]).

Такимъ образомъ, вопросъ объ экономической исторіи тѣсно связался съ судьбою доктрины Маркса. Такая постановка этого вопроса, какъ не требующая ни спеціальнаго анализа дѣйствительности, ни критическаго возстановленія процесса прошлаго, сводится къ простому вниманію «къ фактамъ русской жизни», которые должны лишь служить новою иллюстраціею всеобщей

---

[1]) *Струве, П.*: На разныя темы. Сборникъ статей. Спб., 1900.

[2]) *Туганъ-Барановскій, М.*: «Введеніе въ очерки по исторіи политической экономіи» Спб, 1902..

[3]) Писано въ 1904 г.

[4]) *Туганъ-Барановскій, М.*: «Статистическіе итоги промышленнаго развитія Россіи». Спб., 1898 г, стр. 40. (Оттискъ изъ Трудовъ Имп. В. Эк. Общества).

закономѣрности. Но выше отмѣченный кризисъ, какъ извѣстно, одною теоріею не ограничился. Одновременно въ Германіи шло коренное измѣненіе задачъ и характера практической дѣятельности партіи, что, впрочемъ, давно уже назрѣвало въ ея нѣдрахъ. Создался расколъ между ортодоксіей и ревизіонизмомъ Сознаніе раскола было на Западѣ общимъ достояніемъ, но въ Россіи первый объ этомъ откровенно заговорилъ П. Б. Струве [1]). По его мнѣнію, «на критическій пересмотръ основныхъ теоретическихъ положеній, т.-е. на ту работу, которая является жизненною задачею современной экономической теоріи», натолкнулъ долго дебатировавшійся въ русской журналистикѣ вопросъ о роли рынковъ. Однимъ изъ первыхъ шаговъ, который слѣдуетъ сдѣлать, по мнѣнію П. Б. Струве, это—«отказаться отъ экономической теоріи прибавочной цѣнности». На это, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, возражалъ Масловъ [2]). Послѣдній несогласенъ съ тѣми многочисленными «открытіями» и «поправками», которыя сдѣлали къ Марксу Струве, а за нимъ М. Туганъ-Барановскій, М Филипповъ, П. Неждановъ, и находитъ, что ихъ критика—не продуктъ спора о рынкахъ, а отголосокъ критическаго настроенія, идущаго параллельно и на Западѣ. Масловъ настаиваетъ на прежнемъ, принятомъ въ Россіи, пониманіи Маркса, хотя и онъ не уклоняется отъ критическаго пересмотра, но полагаетъ, что этотъ пересмотръ долженъ быть произведенъ въ иномъ духѣ, чѣмъ это дѣлаютъ гг. Струве и Туганъ-Барановскій. Другой споръ возгорѣлся около книги Каутскаго: «Agrarfrage» (Штутгартъ, 1899 г.); среди русскихъ марксистовъ также возникла принципіальная полемика. Г. Булгаковъ опубликовалъ статью, гдѣ онъ изложилъ подмѣченные имъ недостатки въ работѣ Каутскаго [3]). Г. Ильинъ, не дождавшись окончанія ея, возразилъ ему, защищая Каутскаго [4]). Загорѣлась журналь-

[1]) *Струве, П.*. Противъ ортодоксіи. «Жизнь». Октябрь, 1899 г.

[2]) *Масловъ, П.*: Въ защиту ортодоксіи. «Жизнь». Январь, 1900 г.

[3]) *Булгаковъ, С.*: Къ вопросу о капиталистической революціи земледѣлія. «Начало». 1898 г., кн. 1—2, отд. II, стр. 1—21.

[4]) *Ильинъ, Влад.*: Капитализмъ въ сельскомъ хозяйствѣ. «Жизнь». Январь, 1900 г.

ная полемика, но вниманіе общества было уже отвлечено въ новую сторону, въ сторону идеализма.

Упомянутый выше кризисъ марксизма оказалъ большое вліяніе на марксистскихъ литераторовъ: онъ разрушилъ цѣлостность движенія и раздѣлилъ обширное теоретическое марксистское русло на нѣсколько отдѣльныхъ теченій

Во-первыхъ, небольшая группа все-таки осталась вѣрна первоначальной доктринѣ. Для неизмѣнившихъ своему знамени марксистовъ это было тѣмъ легче, что имѣлся передъ глазами живой примѣръ нѣмецкой соціалъ-демократіи, гдѣ все же, несмотря на отвѣтный энергичный натискъ бернштеніанцевъ и ревизіонистовъ, уцѣлѣлъ неприступный Гунибъ закаленныхъ въ бою правовѣрныхъ. Къ тому же, теряя позицію за позиціею въ теоріи, это направленіе въ своей практической дѣятельности, какъ соціалъ-демократія, успѣшно и неуклонно распространяется. Внѣдряя самосознаніе и опредѣленную классовую точку зрѣнія, оно является источникомъ пробужденія для воспринимающей его массы. Въ итогѣ получается тяжелая трагедія: въ то время, когда для человѣка науки отстаивать цѣликомъ былыя твердыни марксизма становится дѣломъ почти-что невозможнымъ, для пролетаріата, сознательнаго и безсознательнаго, это—Евангеліе освобожденія и единственный «лучъ свѣта въ темномъ царствѣ» современности.

Вторая группа—русскіе бернштейніанцы; они крайне малочисленны и не вліятельны. Относительно этого направленія очень безпристрастно высказался г. Булгаковъ, и такъ какъ его слова дѣйствительно характеризуютъ одну изъ сторонъ этого направленія, то мы и позволяемъ себѣ привести удачную характеристику этого автора. «Какъ бы мы ни относились къ самому Бернштейну, начавшееся въ недавнее время на Западѣ перерожденіе марксизма въ «бернштеніанство»—есть историческій фактъ, который уже нельзя скрыть, ни игнорировать».

Бернштейнъ вогналъ клинъ въ самую сердцевину марксизма и раскололъ его на двѣ неравныя части, различной прочности и различнаго достоинства. Критикуя тактику германской соціалъ-демократіи, призывая ее къ болѣе внимательному и менѣе док-

тринерскому отношенію къ запросамъ дѣйствительной жизни, такъ сказать, къ большей практичности, Бернштейнъ неизбѣжно долженъ былъ совершить нападеніе.

Третья группа—бросилась къ антитезѣ матеріализма, къ идеализму. Мы еще не знаемъ, сколь обширно это новое движеніе, но литературное истолкованіе и отраженіе это направленіе уже имѣетъ [1]).

Идеалистическое движеніе вызвано и философскимъ кризисомъ и условіями жизни. Это признаютъ и его руководители. «Современный поворотъ, говоритъ Новгородцевъ [2]), къ философіи (къ философіи идеализма, сказали бы мы) не есть плодъ одной теоретической любознательности: не одни отвлеченные интересы мысли, а прежде всего сложные вопросы жизни, глубокія подробности нравственнаго сознанія выдвигаютъ проблему о должномъ и нравственномъ идеалѣ. Но обращаясь къ тѣмъ направленіямъ, которыя не хотѣли знать ничего, кромѣ опытныхъ началъ, мы убѣждаемся въ ихъ безсиліи (?!) разрѣшить этотъ важный и дорогой для насъ вопросъ. Мы ищемъ абсолютныхъ заповѣдей и принциповъ, и въ этомъ именно и состоитъ сущность нравственныхъ исканій, а намъ отвѣчаютъ указаніемъ на то, что все въ мірѣ относительно, все условно. За нравственной проблемой выростаетъ цѣлый рядъ другихъ проблемъ, глубокихъ и важныхъ, тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ дѣятельной жизнью духа, а намъ говорятъ, что все это вопросы, для которыхъ нѣтъ мѣста въ философіи, ясно опредѣлившей свою границу». Итакъ, объявляется полная смѣна не только направленія, но и самыхъ началъ прежняго міровоззрѣнія. Съ внѣшней стороны такая радикальная перемѣна фронта—не новость въ философіи. Вся ея исторія—это непрерывная смѣна противоположныхъ теченій быстро развивающагося блестящаго идеализма, часто, увы, кончающагося мистикою и реакціею, и медленнаго и упорнаго наростанія позитивизма, со-

---

[1]) Не надо забывать, что статья писана въ началѣ 1904 года.

[2]) Проблемы идеализма. Сборникъ статей. Предисловіе *Новгородцева.* 1903.

провождаемаго по большей части борьбою и разрушеніемъ идолопоклонства. Впрочемъ, не всегда въ исторіи исключительно находитъ себѣ мѣсто такая „кадриль"—идеализмъ и реакція, съ одной стороны, позитивизмъ и прогрессивное движеніе, — съ другой: бываютъ утреннія разсвѣтныя зори культуры, золотые лучезарные дни исторіи, когда безразлично, въ какомъ звенѣ философской цѣпи мощно пробуждается человѣческій геній. Первый періодъ, эпоха самаго пробужденія,—самый творческій: нѣтъ конца непобѣдимой мысли. Второй періодъ, періодъ расцвѣта и формулировки, періодъ зрѣлыхъ плодовъ и законченныхъ зданій,— уже вмѣстѣ съ тѣмъ и могила духа. Полету положенъ предѣлъ, движеніе превращается въ ученіе, мысль кристаллизуется и застываетъ. И вскорѣ научное достояніе человѣчества превращается въ мрачное буквоѣдство, въ слѣпую тиранію доктринерства. Исторія учитъ насъ, что въ большинствѣ случаевъ судьба идеализма—наиболѣе печальная. Взлетающіе орлами быстрѣе другихъ превращаются въ пресмыкающихся реакціи. Рѣдко, очень рѣдко идеализмъ перерождается въ новое плодотворное теченіе, только одни наслѣдники Гегеля служатъ тому примѣромъ.

Итакъ, все, что мы только что сказали, можно формулировать въ двухъ положеніяхъ: 1) что первый періодъ каждаго новаго движенія въ средѣ мысли—плодотворенъ своею свѣжестью и критикою, и 2) что идеализмъ въ общественномъ смыслѣ создаетъ для своихъ адептовъ довольно скользкую почву.

Наши «идеалисты» не считаютъ себя обычною реакціею, исторически необходимымъ звеномъ цѣпи философскаго развитія. Они себя считаютъ вполнѣ «новыми», хотя и не народившимися въ одномъ поколѣніи. Предтечи ихъ—Владиміръ Соловьевъ и Борисъ Чичеринъ. Я не знаю, сколь можно гордиться новому міросозерцанію такими предками, такъ какъ помимо идеалистическихъ концепцій и тотъ и другой писали и дѣйствовали и въ другихъ, иначе именуемыхъ направленіяхъ, но во всякомъ случаѣ думаю, что такое признаніе не рекомендуетъ строгой научности нашихъ идеалистовъ. Это писаніе и дѣйствованіе «и въ другихъ областяхъ» по своему духу сродни и идеалистамъ. Новое направленіе, «вводя положительную науку въ подлежа-

щія (?!...) границы, вмѣстѣ съ тѣмъ, наряду съ нею, признаетъ и другія области». Вотъ эти-то другія туманныя и недосказанныя области, эти сферы нравственныхъ утѣшеній и исканій борьбы съ «вѣчною потребностью духа»—и вызываютъ наше опасеніе.

Дѣйствительно, позитивное знаніе нашего времени очень и очень недостаточно. Будучи титаническимъ завоеваніемъ сравнительно съ предыдущими эпохами, хотя бы, напримѣръ, со временемъ, когда писали Бэконъ и Гассенди, современное знаніе не отвѣчаетъ на всѣ запросы, задѣвасмые тревожно ищущею человеческою мыслью. Давая частные отвѣты, опытная наука не удовлетворяетъ въ цѣломъ, не даетъ цѣлостнаго міровоззрѣнія. И въ то время, когда отдѣльные умы примиряются отдѣльными частями строющагося вѣками зданія, терпѣливо радуясь каждой мучительно добытой драгоцѣнной крупинкѣ истины, большинству нужны готовые отвѣты, цѣлостныя міровоззрѣнія, абсолютныя точки, «незыблемыя и вѣчныя» основанія. Все условное, относительное, все мучительно-сомнѣвающееся послѣднему непонятно. Воспитанные въ религіи и метафизикѣ, они и въ наукѣ ищутъ «тайны», въ скепсисѣ—абсолюта, четвертаго измѣренія, эѳира міровой души. Въ этой немощи духа распнсываются всѣ наши идеалисты.

«Человѣку необходимо (читай: и немедленно) имѣть цѣлостное представленіе о мірѣ, онъ не можетъ согласиться ждать съ удовлетвореніемъ этой потребности до тѣхъ поръ, пока будущая наука дастъ достаточный матеріалъ для этой цѣли; ему необходимо также получить (читай: немедленно и готовые) отвѣты и на нѣкоторые вопросы, которые уже совершенно выходятъ за поле зрѣнія положительной науки и не могутъ быть ею даже созданы» [1]). Такая постановка дѣла логически отдаляетъ идеализмъ отъ дѣйствительной жизни. Итакъ, по интересующему насъ вопросу идеализмъ не даетъ ничего, да и дать не можетъ. Для прогресса экономической исторіи это направленіе совершенно безплодно. Но въ наше время уже

[1]) Проблемы идеализма. Стр. 48.

нельзя долѣе ждать разрѣшенія вопроса отъ той или иной общей философской постановки вопроса, а необходимо разобраться и синтезировать конкретный матеріалъ. По нѣкоторымъ вопросамъ уже кое-что въ этомъ направленіи сдѣлано. Взять хотя бы, напримѣръ, анализъ вопроса о происхожденіи и развитіи нашей земельной общины. И экономисты и историки права разобрались въ немъ съ достаточною детальностью [1]). Весь же ходъ нашей экономической эволюціи, вся картина нашего хозяйственнаго развитія не выяснена и не изучена.

Въ заключеніе, бросимъ взглядъ назадъ на изложенное, съ точки зрѣнія отношенія нашей идеологіи къ важному вопросу—къ вопросу объ изученіи экономической исторіи Россіи.

Ни славянофиламъ, ни западникамъ изученіе этой исторіи въ ея прошломъ не представлялось дѣломъ большой важности, такъ какъ и у тѣхъ и другихъ были готовые схемы и отвѣты, вытекавшіе съ логическою неизбѣжностью изъ ихъ общаго міровоззрѣнія. Для народничества, равно какъ и для марксизма, этотъ вопросъ являлся также вполнѣ рѣшеннымъ И то и другое направленіе характеризовало прошлое и предрѣшало будущія судьбы Россіи безъ систематическаго изученія фактическаго прошлаго. Послѣднее не изучалось шагъ за шагомъ, изъ накопленныхъ матеріаловъ не дѣлалось путемъ индукціи никакихъ выводовъ, а, наоборотъ, общая, принципіальная и, увы, всегда чисто апріорная точка зрѣнія давала готовое освѣщеніе и законченный отвѣтъ. Нѣкоторымъ исключеніемъ являлись марксисты, но ихъ историческія, правда, цѣнныя экскурсіи дѣлались всегда только въ строго опредѣленномъ направленіи. Общая же фактическая экономическая исторія отъ этого ничего не выигрывала. Но еще болѣе сомнительна общая научная польза отъ идеалистическаго движенія. Большаго можно ждать отъ естественнаго развитія нашей исторіи и исторіи права, проникшихся въ значительной мѣрѣ соціально-экономическою точкою зрѣнія. Бѣд-

---

[1]) Напр., *Кочаровскій*: Русская община, 1900 г., или *В. Сергѣевичъ*: Древности русскаго права. Т. III. Спб., 1903, стр. 389 и слѣд.

ность синтеза, конечно, значительно затормозитъ и ихъ отвѣты на интересующую насъ тему. Частичный отвѣтъ на послѣднюю, но не столько въ смыслѣ постановки проблемы, сколько въ видѣ положительнаго разрѣшенія, даютъ нѣкоторые изъ нашихъ историковъ, пытающихся на основѣ фактическаго матеріала изобразить прошлое русской экономической жизни. Но они намѣчаютъ пока только отдѣльныя, самыя незначительныя части, общій же абрисъ русской экономической исторіи до сихъ поръ еще не вышелъ изъ младенческаго періода своего развитія. Нѣкоторымъ исключеніемъ является интересный и замѣчательный трудъ П. Н. Милюкова: «Очерки по исторіи русской культуры». Милюковъ даетъ общую схему развитія Россіи, но развитія общекультурнаго, а не экономическаго. Спеціально-экономической исторіи Милюковъ удѣлилъ сравнительно мало вниманія, экономическіе вопросы трактуются у него лишь постолько, насколько это необходимо для общей картины, а самая исторія почти не идетъ «въ глубь вѣковъ» и начинается только съ XVII столѣтія. Съ спеціальной точки зрѣнія болѣе интересны небольшія работы Рожкова, но онѣ, къ сожалѣнію, не столько основаны на новомъ изученіи первоисточниковъ, сколько пытаются внести болѣе общія апріорныя по отношенію къ разбираемому матеріалу точки зрѣнія въ уже извѣстное.

Таково теперешнее положеніе нашей экономической исторіи. Оно не соотвѣтствуетъ современному состоянію нашей исторической науки, имѣющей отдѣльныя поистинѣ блестящія страницы. Какъ извѣстно, у насъ солидно разработана исторіографія, издана масса памятниковъ, составлены обширнѣйшіе обзоры политической исторіи «съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней», съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обогащается отечественная археологія, развивается палеографія, архивовѣдѣніе, сотни ученыхъ изучаютъ русскія древности, юридическія и литературныя, памятники искусства, русскую старину, русскую исторію.

Что же касается фактической исторіи хозяйственнаго быта русскаго народа, его фактической экономической исторіи,— этого единственно вѣрнаго фундамента для истиннаго пониманія

настоящаго и возможнаго прогноза будущаго,—то для изученія этого предмета, какъ мы видѣли, ровно ничего не дѣлается. И въ этомъ безусловная вина нашихъ преимущественно университетскихъ экономистовъ и случайности ихъ направленія. Тратя силы и энергію для новыхъ обоснованій старыхъ апріорныхъ теорій или пытаясь сочетать давно уже переплетшіяся въ дѣйствительности право и народное хозяйство, они тщательно обходятъ черновую работу архивныхъ изысканій и историческихъ изслѣдованій. Конечно, странно усматривать въ послѣднихъ весь свѣтъ окошка, но все же безъ предварительнаго кропотливаго труда, безъ фактическаго фундамента—нѣтъ изящныхъ и стройныхъ зданій, законченныхъ выводовъ. Отсутствіе у многихъ экономистовъ интереса къ русской экономической исторіи тѣмъ болѣе ненормально, что именно разработка экономической исторіи въ указанномъ нами направленіи представляетъ въ настоящее время на Западѣ интереснѣйшую и богатѣйшую научную область. Европейская экономическая исторія—рѣдкая по своимъ размѣрамъ и значенію литература. Нынѣ хозяйственный строй прошлыхъ вѣковъ Запада возстановленъ учеными настолько детально, что въ результатѣ создается полная возможность понять основы современнаго строя, происхожденіе, характеръ и руководящіе принципы совершающихся на нашихъ глазахъ соціально-экономическихъ явленій, т.-е. до извѣстной степени—заглянуть и за таинственную завѣсу будущаго. Правда, что въ то время, когда мы тратимъ драгоцѣнное время на жестокую полемику, поправки и переложеніе иногда, увы, устарѣлыхъ доктринъ,—экономическая наука на Западѣ успѣваетъ удѣлять время и подобнаго рода задачамъ. Какъ извѣстно, въ Европѣ,—первоначально въ Германіи, а затѣмъ и во многихъ другихъ странахъ, стремленіе къ примѣненію плодотворнаго историческаго метода было возведено даже на степень школы и, при буржуазности университетовъ, въ нихъ первенствующее положеніе заняла такая особая историческая школа въ политической экономіи. Мы отнюдь ея не рекомендуемъ, наоборотъ, отлично знаемъ всѣ ея отрицательныя стороны, но, съ какихъ бы общихъ точекъ зрѣнія ни смотрѣть на эту школу, какъ бы жаждущимъ скорѣй-

шаго открытія правды и быстраго нахожденія философскаго камня ни казались узки ея скромныя задачи,—надо отдать глубочайшую признательность группѣ самоотверженныхъ, объединенныхъ этою школою ученыхъ, которые дали такой драгоцѣнный и капитальный вкладъ въ науку, какъ возстановленіе прошлой хозяйственной жизни Европы, и пожалѣть, что и у насъ мы не видимъ наличности той же тенденціи.

Нельзя не пожалѣть, что у насъ въ Россіи интересъ къ прошлому еще не свилъ себѣ прочнаго гнѣзда, а между тѣмъ пора, давно пора возстановить наше прошлое съ экономической точки зрѣнія и генетически выяснить хозяйственный укладъ современной Россіи. И только послѣ этого выясняется, гдѣ «старина», и въ чемъ «новизна», каковы истинныя историческія формы Россіи, и какія созданы въ ней насильственнымъ путемъ, когда она развивалась естественно, и при какихъ условіяхъ возможно ея экономическое возрожденіе, а уже затѣмъ возможно будетъ правдиво и вѣрно судить о грядущихъ экономическихъ судьбахъ Россіи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, придать большую устойчивость и научность русской идеологіи, которая все болѣе стремится изъ неопредѣленной и полусознательной стать сознательной, строго классовой и боевой.

Изъ исторіи русской статистической литературы.

Истина есть первая и священная должность статистика.

Хорошая статистика можетъ очень много содѣйствовать къ опредѣленію и направленію общенароднаго мнѣнія.

К. Германъ: Краткое руководство ко всеобщей теоріи статистики. 1808 г.

Умственный складъ каждаго культурнаго народа всегда характерно отражается и на его научной дѣятельности. Есть отрасли науки, въ которыя нѣкоторыя націи сдѣлали наиболѣе цѣнный вкладъ, какъ, напримѣръ, французы въ химію и въ математику, или нѣмцы и англичане въ философію, но можно указать и на такія научныя дисциплины, которыя являются въ полномъ смыслѣ слова международными.

Такова, между прочимъ, статистика, надъ развитіемъ теоріи которой потрудились, можно сказать, всѣ народы Европы. Нѣмцы и англичане, бельгійцы и французы, шведы и итальянцы могутъ съ гордостью указать на рядъ именъ своихъ соотечественниковъ, отмѣченныхъ крупными вкладами во всемірную статистическую литературу. Что касается Россіи, то она, къ сожалѣнію, сравнительно принимала очень малое участіе въ теоретической разработкѣ этой интернаціональной отрасли знанія, хотя въ сферѣ практическаго собиранія и обработки статистическихъ свѣдѣній ею кое-что уже сдѣлано достойное не только нашего, но и европейскаго вниманія. Мы подразумѣваемъ въ данномъ случаѣ

совершенно своеобразную дѣятельность русской земской статистики. Появленіе послѣдней составляетъ цѣлую эпоху въ русскихъ наукѣ и общественной жизни пореформеннаго періода. Это наша гордость, истинная оцѣнка которой еще не наступила. Интересоваться и изучать статистику у насъ начали довольно давно, около ста тридцати лѣтъ тому назадъ. За этотъ періодъ времени у насъ создалась довольно обширная статистическая литература, причемъ до настоящаго времени дореформенная ея часть остается неизслѣдованною. Частью забытая, частью оставшаяся даже и при своемъ появленіи безъ должнаго вниманія, эта литература представляетъ собою значительный научный интересъ. Въ виду отсутствія у насъ даже простыхъ фактическихъ свѣдѣній объ этой литературѣ, ибо болѣе чѣмъ краткія замѣчанія, сдѣланныя въ нѣкоторыхъ нашихъ курсахъ статистики [1]), въ счетъ итти не могутъ,—задачею настоящаго очерка является посильное восполненіе этого пробѣла, не претендуя, впрочемъ, ни на исчерпывающую полноту предмета, ни на детальность его анализа.

Всю исторію русской статистической литературы, а, слѣдовательно, и все дальнѣйшее изложеніе мы дѣлимъ на двѣ эпохи—дореформенную, т.-е. съ 60-хъ годовъ XVIII столѣтія, когда впервые у насъ появилось преподаваніе этой отрасли знанія, и до 1861 г., и пореформенную, въ которой особенное живленіе началось со времени учрежденія первыхъ земскихъ статистическихъ бюро. На первой изъ этихъ эпохъ мы почти исключительно и останавливаемся, какъ на времени, статистическая литература котораго менѣе извѣстна.

Дореформенную эпоху мы предлагаемъ раздѣлить на три

---

[1]) *Ходскій, Л. В.*: Основанія теоріи и техники статистики. Спб. 1896 г., стр. 24—27. *Чупровъ, А. И.*: Теорія статистики. М. 1899 г. На нѣмецкомъ языкѣ былъ напечатанъ небольшой очеркъ русской статистической литературы за 60-е и 70-е годы проф. *Янсономъ*: «Uebersicht uber die Literatur der russischen Wirtschaftsstatistik in den beiden letzten Jahrzehnten», въ извѣстномъ статистическомъ журналѣ: «Zeitschrift des K. Pr. Statist. Bureau's», 1881 г., стр. 245. Для земской литературы нѣкоторыя указанія даютъ *Блекловъ* и *Вележкіи*· Земская статистика, 2 т Уфа. 1901 г.

періода, сообразно тѣмъ теченіямъ, или, вѣрнѣе говоря, заимствованіямъ, которыя у насъ поочередно господствовали. Это ученія Конринга, Ахенвалля-Шлецера и Кетлэ.

I.

Появленіе взглядовъ Конринга и нѣмцы-ученые.

Лекціи Рейхеля и Шлецера.—Шторхъ.—Дѣятельность Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества (программа фонъ-Клингштета).—Щербатовъ, Плещеевъ, Ларіоновъ и Лунинъ.

Первое извѣстіе о преподаваніи у насъ статистики относится къ 60-мъ годамъ XVIII ст. Въ эти годы знаменитый впослѣдствіи А. Л. Шлецеръ читалъ въ частномъ домѣ, въ «пансіонѣ», устроенномъ спеціально для дѣтей гетмана Разумовскаго, курсъ статистики, въ которомъ, по собственному признанію лектора, «все было заимствовано у иностранцевъ», а тѣ русскіе матеріалы, которыми онъ располагалъ, были весьма плохого качества и устарѣвшіе [1]).

Но частные лекціи-уроки, конечно, не могутъ служить оффиціальною датою, а поэтому вѣрнѣе считать отцомъ русской статистики профессора исторіи Московскаго университета Іоганна Готфрида Рейхеля († 1778 г.). Этотъ ученый нѣмецъ въ концѣ 60-ыхъ годовъ XVIII столѣтія переселился въ Россію, а въ 70-хъ годахъ читалъ въ Московскомъ университетѣ всеобщую исторію, къ которой присоединялъ и статистику современныхъ ему европейскихъ государствъ. Рейхель не былъ оригиналенъ. Статистика Рейхеля знакомила Россію съ такъ назыв. государствовѣдѣніемъ Конринга, т.-е. носила тотъ тяжелый и поверхностный характеръ «описаній состоянія», въ которомъ выражалась «статистика» этого направленія. Изображеніе

[1]) См. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 по 1765 г., пер. Кеневича. Въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. 13. Спб. 1875 г., стр. 119 и слѣд

«государственныхъ достопримѣчательностей»,—эта единственная цѣль государствовѣдѣнія,—конечно, не давала никакой пищи «ни уму, ни сердцу». Но свѣдѣнія о чужихъ странахъ и такого календарнаго характера были громадною новостью для Россіи, гдѣ изъ кое-какъ собиравшихся оффиціальныхъ статистическихъ свѣдѣній ни общество, ни правительство не дѣлали никакихъ выводовъ.

Согласно традиціи того времени, Рейхель издалъ свой курсъ статистики («о познании государствъ») по-латыни. Его курсъ въ 1775 году былъ переведенъ на русскій языкъ преподавателемъ риторики московской духовной академіи іеромонахомъ Аполлосомъ и появился въ свѣтъ въ Москвѣ подъ длиннымъ заглавіемъ: «Краткое руководство къ познанію натуральнаго, церковнаго, политическаго, экономическаго и учебнаго состоянія нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ, собранное изъ публичнаго въ 1773 году обученія исторіи въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ и до самыхъ новѣйшихъ временъ продолженное».

Въ этомъ сочиненіи Рейхель слѣпо слѣдуетъ забытому нынѣ, безличному утрехтскому профессору Отто и прославленному отцу «государствовѣдѣнія» Конрингу. Это не рекомендуетъ освѣдомленности Рейхеля, такъ какъ онъ писалъ даже послѣ смерти ученика Конринга—Ахенвалля, безспорно болѣе талантливаго и глубокаго статистика. Рейхель скуденъ и въ сообщаемыхъ имъ свѣдѣніяхъ; онъ даетъ описаніе только восьми европейскихъ государствъ, а именно: Португаліи, Испаніи, Франціи, Великобританіи, Голландіи, Швеціи, Даніи и Польши, но ни слова не говоритъ о Россіи.

Этотъ существенный пробѣлъ восполняли сочиненія русскихъ авторовъ, сочиненія нынѣ забытыя, но являющіяся солидными научными памятниками второй половины XVIII вѣка. Появленію ихъ русская наука всецѣло обязана дѣятельности учрежденнаго въ 1765 году въ Петербургѣ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Одинъ изъ четырнадцати основателей этого замѣчательнаго въ исторіи русской общественности учрежденія, Тимофей Ивановичъ фонъ-Клингштетъ, вскорѣ послѣ

учрежденія Вольнаго Экономическаго Общества, т.-е. въ то время, когда Августъ Шлецеръ, тогда еще безвѣстный ученый, читалъ юнцамъ разумовскаго пансіона свою статистику,—составилъ и разослалъ отъ имени Общества во всѣ концы Россіи статистико-экономическую программу, содержавшую 65 вопросовъ, съ просьбой сообщить на нихъ возможно подробные отвѣты. Программа фонъ-Клингштета имѣла цѣлью подробно выяснить хозяйственное значеніе Россіи, путемъ статистико-экономическихъ описаній отдѣльныхъ мѣстностей. Вскорѣ по разсылкѣ запросовъ, въ Общество начали поступать отвѣты, какъ краткіе, печатавшіеся затѣмъ въ первыхъ выпускахъ «Трудовъ» Общества, такъ и весьма объемистые, цѣлыя статистико-экономическія изслѣдованія отдѣльныхъ мѣстностей. Нѣкоторые изъ нихъ и до сихъ поръ не напечатаны и покоятся въ архивахъ Вольнаго Экономическаго Общества.

Первою изъ числа подобныхъ монографій была еще въ 1786 году доставлена Обществу работа прокурора Ларіонова—«Описаніе Курскаго Намѣстничества» [1]).

Въ 1788 году поступила въ Общество хозяйственная карта Симбирскаго Намѣстничества, а въ 1790 году—обстоятельныя статистическія таблицы, рисующія «состояніе Полоцкой губерніи за послѣднія 9 лѣтъ». Присланныя таблицы были составлены членомъ Вольнаго Экономическаго Общества барономъ фонъ-Бокъ и касались числа деревень, дворовъ, скота, цѣнъ на хлѣбъ, съѣстные припасы, строительные матеріалы и пр. Спустя еще три года, изъ этой же губерніи были доставлены весьма обстоятельныя статистическія свѣдѣнія, а также «генеральныя карты» какъ всего намѣстничества, такъ и находящихся въ его районѣ городовъ и уѣздовъ. Это описаніе было признано настолько удачнымъ, что автору его, генералу Лунину, Вольное Экономическое Общество присудило золотую медаль. Подобнаго рода

[1]) *Ларіоновъ, Сергѣй*, прокуроръ мѣстной верхней расправы: «Описаніе Курскаго Намѣстничества», 1787 г. Въ этомъ же году появилось и сочиненіе неизвѣстнаго автора: «Историческое и топографическое описаніе Московской губерніи съ ихъ (ея?) уѣздами». Москва, 1787 г.]

чрезвычайная награда вполнѣ согласовалась съ особымъ постановленіемъ Вольнаго Экономическаго Общества, выраженнымъ въ опубликованномъ въ 1790 году «Начертаніи ко всегдашней задачѣ и награжденію тѣхъ сочинителей, кои хозяйственныя описанія частныхъ россійскихъ намѣстничествъ сообщать ему будутъ», и была, несомнѣнно, учреждена для усиленія интереса къ отвѣтамъ на клингштетовскую программу [1]).

Одновременно и независимо отъ Вольнаго Экономическаго Общества появилось нѣсколько другихъ статистико-описательныхъ сочиненій русскихъ авторовъ. Таковы: во-первыхъ, сочиненіе князя Щербатова: «Статистика въ разсужденіи Россіи», вышедшее въ Москвѣ, въ 1777 году; во-вторыхъ, два статистическихъ описанія отдѣльныхъ губерній, Курской (не Ларіонова ли?) и Московской. Объ этихъ трудахъ профессоръ Иванъ Миклашевскій говоритъ, что они «представляютъ гораздо большій интересъ, какъ возникшіе помимо вліянія университетской науки» и что «по своей систематичности и обилію свѣдѣній числового характера—это весьма замѣчательные памятники литературы этого рода» [2]).

Въ такомъ же дѣловомъ духѣ написана книга Плещеева: «Обозрѣніе Россійской Имперіи въ нынѣшнемъ ея новоустроенномъ состояніи» (Спб., 1787 г.). Книга имѣла большой успѣхъ; потребовалось 2-ое изданіе (1793 года), и появилось даже три перевода на европейскіе языки, а именно: на нѣмец-

---

[1]) Составитель исторіи Имп. Вольнаго Экономическаго Общества за первое столѣтіе его существованія, секретарь Общества, проф. *А. Ходневъ* слѣдующимъ образомъ характеризуетъ «Начертаніе» (смѣшивая, впрочемъ, его съ клингштетовской программою, для наградъ отвѣтовъ на которую и составлено было «Начертаніе»): «Это весьма обширная и весьма полная программа, обнимающая вопросы экономической статистики такъ обстоятельно и такъ послѣдовательно, что и въ настоящее время могла бы послужить вполнѣ удовлетворительною канвою для ученаго и весьма серьезнаго труда». Программа состоитъ изъ шести отдѣловъ и полностью приведена въ «Исторіи Имп. Вольн. Экон. Общества» (1765—1865 гг.). Спб. 1865 г., составленной *А. Ходневымъ*.

[2]) *Миклашевскій, И.*: Статистика, Энциклоп. Словарь Брокгауза, т. XXXI, Спб., 1901 г., стр. 479.

кій въ 1790 г., на французскій въ 1796 и на англійскій въ 1792 году.

Объ этомъ нынѣ совершенно забытомъ трудѣ Германъ отзывается слѣдующимъ образомъ: «Немногія статистическія сочиненія столь много читаны были, какъ сіе; это служитъ доказательствомъ, что оно было по вкусу публики. Всего достопримѣчательнѣе въ ономъ исчисленіе состоянія финансовъ каждой губерніи; судя по тогдашнему времени, кажется, что оно почерпнуто изъ достовѣрныхъ источниковъ, ибо сочиненіе сіе обратило на себя въ Россіи вниманіе знатнѣйшихъ особъ. Посему можно сочиненіе сіе вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ сочиненіемъ Германа (другого, не Карла, а Бенуа Франсуа Германа) [1]) по части финансовъ почитать основаніемъ для статистики Россійской Имперіи, соединяя съ оными изданные впослѣдствіи Указы» [2]).

Но всѣ эти сочиненія еще не носятъ спеціальнаго статистическаго характера, а трактуютъ статистику попутно, какъ необходимую составную часть общихъ обозрѣній.

Совершенно особое мѣсто занимаетъ одно, къ сожалѣнію, запрещенное сочиненіе коллективнаго творчества, представляющее собою дань вѣка и отголосокъ той быстро подавленной вспышки

---

[1]) О послѣднемъ *Карлѣ Германѣ* сообщаетъ: «Сочиненіе его: «Statistische Schilderung von Russland», 1790 г., къ которому должно присоединить достопримѣчательное сочиненіе: «Ueber die Finanzen des Russischen Reichs», помѣщенное въ журналѣ Циммермана, содержитъ преимущественно естествоописаніе и свѣдѣнія о промыслахъ. Примѣчанія достойно сочиненіе его: «Beiträge zur Physik, Oekonomie etc. des Russischen Reichs und der angränzenden Länder», 1786 г. Разныя сочиненія его помѣщены въ твореніяхъ Академіи Наукъ и Вольнаго Экономическаго Общества. Сей неусыпный и прозорливый авторъ имѣлъ въ продолжительныхъ своихъ путешествіяхъ по Россійской Имперіи и во вѣренныхъ ему въ государственной службѣ должностяхъ много случаевъ собирать достовѣрныя свѣдѣнія. Любимый предметъ сего статистика было народонаселеніе. О семъ предметѣ находятся разныя его сочиненія въ твореніяхъ Академіи Наукъ, а именно въ 4 томѣ новыхъ актовъ. Онъ разныя дѣлалъ правительству предложенія къ пріобрѣтенію точныхъ свѣдѣній о народонаселеніи». *К. Германъ* «Историческое обозрѣніе литературы статистики». 1817 г., стр. 69.

[2]) Тамъ же, стр. 70.

общественнаго просвѣщенія и просвѣтленія, которое связано съ именами Радищева и Новикова. Это—изданное въ 1795 году въ Петербургѣ «Новѣйшее повѣствователь ное землеописаніе и пр., гдѣ Россія описана статистически, какъ никогда еще не бывало». Книга вышла отъ имени «Общества ученыхъ», выпущена книгопродавцемъ И. Глазуновымъ и вскорѣ запрещена. О ней одобрительно отзывался и современникъ Карлъ Германъ [1]) и историкъ нашей академической науки Пекарскій [2]).

Спеціальная статистическая литература начинается вмѣстѣ со Шторхомъ. Этому извѣстному «русско-нѣмецкому» экономисту принадлежитъ нѣсколько сочиненій по статистикѣ Россіи, со времени появленія которыхъ нѣкоторые, какъ, напримѣръ, проф. И. Горловъ [3]), ведутъ лѣтоисчисленіе русской статистической литературы. Шторху принадлежатъ слѣдующіе труды:

1. «Historisch-statistisches Gemählde des russischen Reichs» (Историко-статистическая картина Русскаго Царства), Рига, 1797—1803, 9 томовъ. Это,—по мнѣнію К. Германа, «полнѣйшее нынѣ сочиненіе о первой части статистики, т.-е. о состояніи народа. Надлежитъ его почитать въ послѣднихъ частяхъ источникомъ относительно водяныхъ сообщеній и торговли новѣйшихъ временъ. Славный сей авторъ руководствовался архивными и изустными извѣстіями, почерпнутыми изъ достовѣрнѣйшихъ источниковъ» [4]).

---

[1]) *К. Германъ* въ «Статистическомъ Журналѣ», 1806 г, т. I, стр. 17, 33—34. «Книга сія заключаетъ въ себѣ много хорошаго о старой россійской статистикѣ».

[2]) *Пекарскій*: Сборникъ отдѣленія рус. языка Имп. Ак. Наукъ, т. 9. Спб 1872 г., стр. 21. Этотъ трудъ упоминается также въ «Руководствѣ къ статистикѣ» *А. Рославскаго* (Харьковъ, 1844 г.). Послѣдній говоритъ: «Книга эта, заключающая много любопытныхъ статистическихъ свѣдѣній, была запрещена и, какъ можно заключить изъ вырѣзанныхъ листовъ, за нѣкоторыя мысли о древней русской исторіи и французской революціи, а потому теперь она очень рѣдка» (стр. 17).

[3]) *Горловъ, И.*: Обозрѣніе экономической статистики Россіи. 1849 г., стр. 3.

[4]) *Германъ, К.*: Историческое обозрѣніе, etc., стр. 71.

2. «Статистическое обозрѣніе намѣстничества Россійской Имперіи» (1795)—содержитъ итоги четвертой ревизіи и материалы, заимствованные изъ департаментовъ межевого и коммерціи.

3. «Матеріалы къ познанію Россійской Имперіи». 2 т. 1798 г.

Нѣсколько ранѣе Шторха начиналъ работать въ области русской статистики и другой извѣстный ученый, А. Л. Шлецеръ. Шлецеръ былъ первымъ въ Россіи человѣкомъ, преподававшимъ статистику, и первымъ предложившимъ научные пріемы для обработки ея. Въ 1763 году имъ были предложены и составлены первые русскіе формуляры для записи по церквамъ движенія народонаселенія. Эти формуляры были введены въ 1764 году въ видѣ опыта въ Петербургской губерніи, а затѣмъ распространены и по всей Россіи. Въ 1768 году Шлецеромъ была опубликована и первая научная сводка добытыхъ такимъ путемъ свѣдѣній [1]). Но Шлецеръ, по вѣрному замѣчанію К. Германа, «могъ бы много содѣйствовать къ усовершенію Россійской статистики, если бы не столь скоро удалился изъ Россіи; ибо онъ былъ изъ малаго числа тѣхъ ученыхъ, которые имѣли тогда случай пользоваться архивными свѣдѣніями» [2]). Тѣмъ не менѣе Шлецеръ оказалъ громадное вліяніе на ближайшее поколѣніе русскихъ ученыхъ. Въ его «Теоріи Статистики», написанной понѣмецки, онъ излагаетъ слѣдующіе взгляды. Предметъ статистики составляютъ тѣ общества, которыя приняли государственную форму, безъ государства нѣтъ статистики, а только одна этнологія. Статистика—остановившаяся исторія, но она выбираетъ изъ множества достопримѣчательностей каждаго государства только тѣ, которыя дѣйствительно важны и содѣйствуютъ конечной цѣли государственнаго уклада—счастью человѣчества. Статистическій матеріалъ, по Шлецеру, должны собирать чиновники, а излагать ученые; для удобства изложенія его предлагается формула: «vires unitae agunt» (vires—территорія, населеніе и промыслы, unitae—соединеніе или устройство, agunt—упра-

[1]) Позднѣе тѣмъ же предметомъ занимались: академики Вольфангъ и Людвигъ Крафты (послѣдній † 1815 г.) и Бенуа Франсуа Германъ († 1815 г.).

[2]) Тамъ же, стр. 60.

вленіе). Во всемъ остальномъ Шлецеръ тѣсно примыкаетъ къ государствовѣдамъ—геттингенцамъ, хотя не такъ упрямо, какъ они, отрицаетъ цифры, которымъ онъ даже придаетъ важное значеніе, поскольку онѣ являются измѣрителемъ качества государственныхъ силъ.

Воззрѣнія Шлецера, примыкающаго къ Ахенваллю, составляютъ эпоху въ общей исторіи развитія статистической литературы. Но въ ахенвалль-шлецеровской школѣ, все же, мало элементовъ истинно-научнаго духа. Она является, строго говоря, только улучшеннымъ и нѣсколько облагороженнымъ и углубленнымъ, но все тѣмъ же государствовѣдѣніемъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ русской статистической наукѣ, слѣпо, какъ мы видѣли, шедшей по стопамъ нѣмецкой, въ третьей четверти XVIII вѣка также водворяется это направленіе, подъ именемъ «описательной» статистики.

Внѣдреніе у насъ «описательной» школы было большимъ несчастіемъ для нуждавшейся въ свѣжей струѣ молодой русской статистической наукѣ. Забѣгая нѣсколько впередъ, мы должны,—какъ то покажемъ въ слѣдующей главѣ,—сказать, что ахенвалль-шлецеровскія тенденціи, поскольку онѣ въ извѣстной, впрочемъ, мѣрѣ были полезны въ рукахъ болѣе передовыхъ и талантливыхъ людей, постольку у близорукихъ обскурантовъ—а они преобладали—превращали статистику въ курьезную забаву. Это, впрочемъ, и понятно: описательное направленіе можетъ быть полезно при наличности большого числа изслѣдователей, при систематической и обширной постановкѣ сбора первичнаго матеріала, при наличности высоко поставленнаго одухотворяющаго работу конечнаго идеала. Всего этого у нашихъ статистиковъ не было, да и быть, по тогдашнимъ условіямъ, не могло.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, водвореніе у насъ «описательной» школы исключало—при слабомъ количествѣ научныхъ силъ—возможность появленія у насъ другихъ, болѣе плодотворныхъ и серьезныхъ теченій европейской статистической науки, и мы видимъ, что они такъ и остались совершенно чуждыми Россіи.

О важныхъ завоеваніяхъ политической ариѳметики, о трудахъ сэра Вильяма Петти, Граунта или пастора Зюсмилха

у насъ поэтому ничего не знали, да и знать не могли. Это вѣдь были представители того проклятаго «табличнаго» направленія, которое вслѣдъ за своими учителями такъ ненавидѣли наши подражатели, нѣмцы. Только въ одной книжкѣ XVIII вѣка я нашелъ, да и то самое бѣглое упоминаніе о самомъ имени Петти и его политической ариѳметикѣ [1]). Геніальнаго Петти нашъ переводчикъ безъ оговорокъ называетъ «односторонним» націоналистомъ», а книгу его написанною «почти всегда на ложныхъ основаніяхъ» [2]). Обнаруживъ такое явное непониманіе смысла воззрѣній Петти, неизвѣстный авторъ книги, тѣмъ не менѣе, недурно его излагаетъ, замѣчая, что «все то, что кавалеръ Петти не говоритъ объ Англіи и Голландіи, клонится къ униженію земледѣлія и къ возвышенію прилежности (т.-е. промышленности)». «По его словамъ»,—говорится далѣе—«кажется, что сіи два народа ничему другому своимъ богатствомъ не одолжены, какъ оставленію земледѣлія» (стр. 237).

Возможно, что наши ученые знали о «табличномъ» направленіи и непосредственно изъ источниковъ, но если судить по русской статистической литературѣ, то выше нами были приведены всѣ свѣдѣнія, которыя могъ имѣть русскій читатель того времени объ этомъ важнѣйшемъ направленіи европейской статистической мысли.

---

[1]) «Политическій опытъ о коммерціи», переводъ съ франц. *Башилова*. С.-Петербургъ, 1768 г. Въ главѣ 23 (стр. 225—249), озаглавленной: «О политической ариѳметикѣ», говоритъ: «все подвержено исчисленію: оно простирается и до матерій, единственно только къ нравственной наукѣ принадлежащихъ. Вездѣ можно находить самыя величайшія вѣроятности, которыми могутъ руководиться и законодатель, и министръ, и простой человѣкъ» (стр. 225).

[2]) «Кавалеръ Вильгельмъ Петти,—Англичанинъ, былъ первой, который хотѣлъ исчислить могущество государства и коммерческую политику. Книга его, названная Политическою Ариѳметикою, напечатана была въ 1691 году. Вся польза, какую можно получить отъ сей книги, есть та, что тамъ найти можно исчисленіе цѣнъ, земли, людей и мореплаванія» («Политическій опытъ о коммерціи», 1768 г., стр. 227).

II.

Ахенвалль-шлецеровское направленіе.

Отношеніе правительства къ распространенію статистическихъ знаній.—Двѣ группы ученыхъ: 1) академикъ Карлъ Германъ и профессоръ Константинъ Арсеньевъ; 2) Плайферъ, кн. Голицынъ, Кондыревъ, Зябловскій, Паратичъ, Гаймъ и Андросовъ.

Начало Александровскаго царствованія, давшее всему просвѣтъ, было благопріятно и для статистики. Эта отрасль знанія казалась тогда правительству необходимымъ образовательнымъ предметомъ и была введена, какъ обязательный предметъ, въ курсъ не только университетовъ, но и гимназій.

52-ой параграфъ Общаго Училищнаго Устава 1805 г. возлагалъ на директоровъ гимназій обязанность быть оффиціальными статистиками въ своей губерніи и назначалъ имъ въ помощники учителя исторіи. «Я не знаю,—писалъ по этому поводу академикъ Германъ,—ни одного государства въ Европѣ, въ которомъ бы сдѣлано было столь выгодное учрежденіе для статистики. Остается только произвести сіе въ дѣйствіе; но для того надобно, чтобъ гг. директоры гимназій въ сихъ своихъ трудахъ послѣдовали общему плану, каковой только теорія (статистики) показать можетъ» [1]). Около того же времени, а именно въ 1804 году, въ число каѳедръ Императорской Академіи Наукъ была включена и статистика [2]). Затѣмъ было разрѣшено учe-

[1]) *К. Германъ*, въ предисловіи къ «Всеобщей теоріи статистики», 1809 г. Интересно напомнить, что возобновленіе идеи преподаванія статистики въ средне-учебныхъ заведеніяхъ принадлежитъ только нашимъ днямъ, когда уже требуется рядъ доказательствъ столь очевиднаго положенія (См. подкомиссія А. Руссова, въ трудахъ Имп. В. Эк. Общ. за 1904 годъ).

[2]) По указанію Чупрова, въ 1804 г. въ Академіи Наукъ былъ учрежденъ особый «факультетъ (?) статистики и политической экономіи» (*Чупровъ*: Теорія стат. 1899 г., стр. 90), но это не вѣрно; учреждена была каѳедра. См *Пекарскій*: О жизни и ученыхъ трудахъ К. И. Арсеньева. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, т. 9. Спб. 1872 г., стр. 21.

нымъ пользоваться оффиціальнымъ рукописнымъ матеріаломъ въ казенныхъ учрежденіяхъ, что по тому времени, времени большой канцелярской тайны, и на Западѣ было весьма либерально [1]).

Помимо названныхъ мѣропріятій, статистическая наука была поддержана талантомъ двухъ выдающихся ученыхъ того времени, Карломъ Германомъ и Конст. Арсеньевымъ. Они оба работали въ Петербургѣ. Раньше выступилъ Германъ. Онъ занялъ каѳедру послѣ Шторха и, какъ высокообразованный спеціалистъ, Карлъ Германъ оказалъ большую пользу русской статистикѣ. Такъ, вскорѣ послѣ своего назначенія Карлъ Германъ издалъ отъ имени Главнаго Правленія Училищъ два особыхъ курса: одинъ въ 1808 г.: «Краткое руководство ко всеобщей теоріи статистики для употребленія въ училищахъ Россійской Имперіи», т.-е. учебникъ для учащихся, а другой въ 1809 году для учителей— «Всеобщую теорію статистики», предназначавшуюся «для обучающихъ сей наукѣ» (Спб., 1809), т.-е. нѣчто въ родѣ руководственнаго конспекта по теоріи для преподавателей этой отрасли знанія. Такимъ образомъ, Карлу Герману принадлежитъ первая русская теорія статистики, которую К. Арсеньевъ, несмотря на критику, называетъ классической. Правда, Германъ, такъ же, какъ и Рейхель, не даетъ ничего новаго въ теоріи и слѣпо слѣдуетъ ахенваллевскому направленію, улучшенному Шлецеромъ, котораго онъ считаетъ отцомъ статистики, но у него мало рутины и крайне симпатичные общіе взгляды на значеніе и роль статистики. Энтузіастъ, онъ иногда впадаетъ и въ преувеличенія Такъ, ему желательно возвеличить своего кумира, Шлецера. «Самая теорія статистики есть еще наука новая. Шлецеръ ее изобрѣлъ и первый ей обучалъ» [2]), писалъ съ этою

[1]) Объ этомъ Германъ тамъ же писалъ: «всѣ матеріалы изъ нашихъ канцелярій безъ затрудненій сообщаются ученымъ, благоразумная откровенность господствуетъ, и для усовершенія статистики сего обширнаго государства ничего не недостаетъ».

[2]) «Въ Россіи началась статистика со времени царствованія Александра I, какъ сіе показываетъ предписанное въ университетахъ и гимназіяхъ преподаваніе статистики и печатаемые ежегодно (съ 1801 г.) отчеты министровъ, равнымъ образомъ и готовность правительства сообщать статистикамъ всѣ нужныя для нихъ извѣстія». *Германъ*, стр. 95

цѣлью и писалъ явно невѣрно нашъ ученый академикъ. Дѣло въ томъ, что и тогда было небезызвѣстно, что хотя дѣйствительно геттингенскій профессоръ Людвигъ фонъ-Шлецеръ и опубликовалъ незадолго передъ тѣмъ прекрасный для своего времени курсъ статистики («Theorie der Statistik», 1804), но все же онъ являлся только ученикомъ и продолжателемъ Готтфрида Ахенвалля, которому въ свою очередь подготовили почву Конрингъ, а еще ранѣе Сансовино. Но вернемся къ Герману, простивъ ему восторженное поклоненіе Шлецеру.

Германъ,—и это очень важно, — рѣшительный противникъ обильнаго, но безцѣльнаго накопленія статистическихъ свѣдѣній и стремится къ разработкѣ теоріи. «Очень немногимъ статистикамъ приходило на умъ,—говоритъ онъ,—опредѣлить надлежащимъ образомъ свою науку; а еще меньшее число изъ нихъ въ раздѣленіи оныя на извѣстныя статьи держались твердыхъ основаній; и отъ сего происходитъ то, что при великомъ множествѣ матеріаловъ читатель чувствуетъ себя, такъ сказать, задушеннымъ матеріалами, исчисленіями; и при всемъ томъ истиннаго познанія о состояніи какого-либо государства отнюдь не пріобрѣтаетъ». Задачи статистика Германъ ставитъ очень высоко. «Статистикъ,—говоритъ онъ,—есть публичный провозвѣстникъ и добраго, и худого и контролеръ правительства».

Спустя 8 лѣтъ, Карлъ Германъ издалъ превосходную для своего времени исторію статистики, въ которой приведенъ громадный, снабженный руководящими замѣчаніями, библіографическій матеріалъ и сведено воедино почти все, сдѣланное до 1817 года въ Россіи по статистикѣ. Эта отличная книга носитъ названіе: «Историческое обозрѣніе литературы статистики въ особенности Россійскаго Государства; сочиненіе Карла Германа, изданное Главнымъ Правленіемъ Училищъ» (Спб., 1817) и представляетъ собою выдающееся явленіе русской статистической литературы того времени.

Въ 1806 году Карлъ Германъ предпринялъ изданіе спеціальнаго, перваго въ Россіи «Статистическаго Журнала». Практическая цѣль его, по словамъ самого редактора, состояла въ обрабатываніи и изданіи полнѣйшихъ свѣдѣній изъ отчетовъ Мини-

стерства Внутреннихъ Дѣлъ 1802 и 1803 гг. Въ смыслѣ же научномъ журналъ ставилъ себѣ задачей доставлять и распространять статистическія свѣдѣнія и знанія.

«Статистика изображаетъ, — говоритъ Германъ, — государство таковымъ, какъ оно есть, со всевозможною точностью, ничего къ тому не прибавляя и ничего не упуская такого, что бы могло имѣть примѣтное вліяніе на благо государства». Программа журнала была намѣчена очень широко. «Непремѣнными статьями» являлись работы, написанныя по слѣдующимъ отдѣламъ:

«1. Теорія статистики.

2. Состояніе народа, содержащее въ себѣ слѣдующія статьи: населеніе, народное богатство, просвѣщеніе, статистическое описаніе губерній и достопамятныхъ мѣстъ.

3. Состояніе правленія: положеніе онаго, образъ правленія, военныя силы, финансы, иностранныя отношенія.

4. Примѣчанія и сомнѣнія.

5. Статистика иностранныхъ державъ.

6. Новыя открытія и великодушные подвиги».

Къ сожалѣнію, журналъ Германа выходилъ недолго и все изданіе ограничилось 4 томами, два изъ нихъ вышли въ 1806 г., остальные въ 1808 году. Каждая книжка размѣромъ отъ 16 до 18 печатныхъ листовъ. Въ концѣ первой книжки приложенъ списокъ подписчиковъ на журналъ. Всего подписавшихся оказалось 110 на 175 печатавшихся экземпляровъ; при этомъ изъ 110—50 экземпляровъ взяло Главное Правленіе Училищъ.

По тогдашнему времени требовалось разъяснить, что журналъ не является единоличнымъ предпріятіемъ, а нуждается въ трудѣ многихъ. «Обработать сіи статьи, поясняетъ издатель, выше силъ одного человѣка», почему «извѣстные любители учености составили между собою общество и каждый избралъ для себя предметъ». И дѣйствительно, «журналъ» по тогдашнему времени и научнымъ силамъ велся по хорошей и разнообразной программѣ. Въ немъ принимали участіе, кромѣ самого Германа, академики:

Иванъ Германъ и Висневскій, Балудянскій, Вирстъ, Клапротъ, Сокоревъ и др. [1]).

Кромѣ вышеназванныхъ сочиненій, Герману принадлежитъ: «Статистическое описаніе Ярославской губерніи», 1808 г. (по

---

[1]) Содержаніе 4-хъ вышедшихъ книгъ «Статистическаго Журнала» нижеслѣдующее: Книга I. I. Теорія статистики, *Карла Германа*. II. О народонаселеніи. О составленіи и употребленіи народныхъ таблицъ, академика *Ивана Германа*. III. Національное богатство. Изображеніе различныхъ хозяйственныхъ системъ, проф. *Михаила Балудянскаго*. IV. Матеріалы для Россійской Статистики, *К. Германа*. V. Матеріалы для статистики Саратовской губерніи. Состояніе самой губерніи. Озеро Елтонъ. Колонисты. VI. Статистическое описаніе озера Елтонъ, *Карла Германа*. VII О рыбныхъ ловляхъ Саратовской губ. VIII. О размежеваніи Саратовской губ. IX. О переселенцахъ Саратовской губ. X. Иностранная статистика. 1) Voyage à l'Ouest des monts Alleghanies dans les états de l'Ohio, du Kentucky et du Tenessée etc., par F. A. Michaux. Paris. Сообщено *Н. Сокоревымъ*. 2) Царьградъ. 3) Пруссія. Сочиненіе Г. Круга, подъ заглавіемъ «Разсужденія о народномъ богатствѣ Пруссіи и о благосостояніи ея жителей», изданное въ 1805 г. XI. Новыя учрежденія и открытія. 1) Открытіе высшаго училища правовѣдѣнія. 2) О первомъ путешествіи русскихъ вокругъ свѣта.

Книга II. Продолженіе I, II и III статей первой книги. IV. Исторія и статистическое описаніе россійскаго флота, *К. Германа*. Раздѣленіе и число народа въ Россіи въ послѣдніе годы царствованія Петра I, *Г. Лерберха*. Замѣчанія къ таблицамъ, показывающимъ цѣны нужнѣйшимъ съѣстнымъ припасамъ въ Москвѣ съ 1782 по 1803 г. Сочиненіе *К.* Описаніе Таврической губерніи, *К. Германа*. V. Иностранная статистика. 1) Нѣчто о японской статистикѣ. 2) Русскіе ямщики въ Веймарѣ VI. Географическое путешествіе экстраординарнаго академика Висневскаго. Къ этой книжкѣ приложенъ рисунокъ: «японскіе солдаты, въ первый разъ нарисованные съ природы въ 1804 г.».

Книга III (вышла въ 1808 г.). I. Теорія Адама Смита. II. Статистическое описаніе россійскаго флота въ 1803 году. III. О началѣ, усовершенствованіи и настоящемъ состояніи россійской арміи. IV. Продолженіе описанія Таврической губерніи. V. Путешествіе экстраординарнаго академика Клапрота въ Кавказъ и сопредѣльныя земли. VI. Новѣйшее извѣстіе касательно статистики Австрійскаго государства въ 1807 г.

Книга IV (тоже 1808 г.). I. Статьи теоретическія: 1) О раздѣленіи и оборотѣ богатствъ, *Балудянскаго*. 2) Объ учрежденіи ассигнаціоннаго и заемнаго банка, *Г. Вирста*. II. Матеріалы для Россійской Статистики: 1) Статистическое описаніе Ярославской губ., *К. Германа*. 2) Объ Одессѣ (въ 1805 г.) III. Иностранная статистика. Замѣчанія касательно торговли съ бухарцами.

личнымъ изслѣдованіямъ) [1]); «Статистическое изслѣдованіе относительно Россійской Имперіи. Ч. I. О народонаселеніи», 1819 и статьи по статистикѣ морской, военной и горной въ изданіи Шторха «Russland unter Alexander I».

Въ своихъ лекціяхъ по статистикѣ Германъ является совершенно недюжиннымъ для своего времени ученымъ и педагогомъ.

Онъ очень широко смотрѣлъ на свою науку, сближая ее съ политикою, экономіею и финансами. Онъ исходилъ изъ той точки зрѣнія, что «мнѣніе народа—есть царь царей», стоялъ за широкую терпимость и полную гласность, отстаивалъ свободу, законность, самоуправленіе [2]). Относительно состоянія статистическихъ свѣдѣній въ Россіи Германъ давалъ въ 20-хъ годахъ слѣдующую, не утратившую и понынѣ смыслъ, характеристику: «Правительство не знаетъ даже самыхъ простыхъ предметовъ. Я (Германъ) не знаю точно даже числа городовъ въ Россіи. Нигдѣ не означено опредѣленное число оныхъ, никто утвердительно не можетъ сказать, сколько выходитъ ведръ вина, хлѣба и пр. Самыя оффиціальныя свѣдѣнія, изданныя правительствомъ, подвержены сомнѣнію и требуютъ великой статистической критики... Оффиціальныя свѣдѣнія имѣютъ тотъ недостатокъ, что они обнародываются для извѣстной предполагаемой цѣли и обнародываются... согласно достиженія оной».

Ученикомъ и духовнымъ преемникомъ Германа былъ профессоръ Главнаго педагогическаго института Константинъ Арсеньевъ. Его сочиненіе: «Начертаніе статистики Россійскаго Государства» вышло—1-ая часть въ 1818, 2-я въ 1819 г. Книгѣ былъ предпосланъ эпиграфъ: «Dans les sciences nouvelles la médiocrité même est utile», а въ предисловіи говорилось, что это

[1]) Можетъ быть, подъ вліяніемъ этого труда появилось и «Статистическое описаніе Московской губерніи, 1811 г.», составленное С. Черновымъ (М. 1812 г.). Для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ областей Имперіи также появились статистическія описанія, напр., Сибири, 1810 г., Заднѣстровской области (И. Куницкаго), 1813 г., Финляндіи, 1816 г., Военныхъ поселеній, 1825 г.

[2]) *Сухомлиновъ, М.*: Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, т. I. Спб. 1889 г. Приложенія (I. Выписки вредныхъ мѣстъ изъ лекцій), стр. 277. Здѣсь же приведены выдержки изъ студенческихъ тетрадей, записей лекцій по статистикѣ профессоровъ К. Германа и К. Арсеньева.

первая статистика, «расположенная по правиламъ теоріи», и что въ системѣ изложенія авторъ слѣдовалъ своему учителю, Герману. «Заслуга Арсеньева,—говоритъ его біографъ,—состоитъ въ приведеніи въ систематическое цѣлое извѣстныхъ матеріаловъ, собранныхъ до него; еще важнѣе то, что въ трудѣ Арсеньева отразились взгляды и убѣжденія передовыхъ людей первой половины царствованія императора Александра I и съ этой стороны «Начертаніе статистики» и въ настоящее время чрезвычайно любопытно для изслѣдователя, занимающагося изученіемъ умственнаго развитія русскаго общества въ началѣ нынѣшняго столѣтія»[1]). Такъ же какъ и Германъ, Арсеньевъ въ этомъ трудѣ слѣдовалъ Шлецеру, считавшему статистику наукою политическою, а не историческою или географическою, какъ полагали нѣкоторые. Исходя изъ этой точки зрѣнія, предметъ статистики, по Арсеньеву, складывался изъ слѣдующихъ элементовъ: народонаселеніе, промышленность или источники народнаго богатства, образованіе, устройство и управленіе. Не довольствуясь одними цифрами и фактами, схоластически приводимыми и излагаемыми, Арсеньевъ требовалъ разумной, мыслящей статистики—Statistique raisonnée, — политической и экономической оцѣнки фактовъ и суда надъ дѣйствительностью. Поэтому Арсеньевъ, такъ же, какъ и его учитель К. Германъ, говорилъ въ лекціяхъ по статистикѣ и въ своемъ курсѣ и о вредѣ крѣпостного права, и объ опасности неумѣреннаго выпуска ассигнацій, о тяжести налоговъ и пр. Арсеньевъ былъ антагонистомъ другого статистика того времени, Зябловскаго, большого реакціонера и недаровитаго ученаго. Какъ извѣстно, К. Арсеньевъ профессорствовалъ недолго. Знаменитый реакціонеръ Руничъ нашелъ, что лекціи Арсеньева представляютъ собою «обдуманную систему невѣрія и правилъ зловредныхъ и разрушительныхъ въ отношеніи къ нравственности, образу мыслей и духу учащихся»; его лекціи были прекращены, а самъ онъ отданъ подъ судъ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ Германомъ. Къ статистикѣ Арсеньевъ вернулся

---

[1]) *П. Пекарскій*: О жизни и ученыхъ трудахъ К. Арсеньева. Сборникъ Отдѣленія русскаго языка, т. 9. Спб. 1872 г., стр. 26.

уже много позднѣе, о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Теперь же вернемся къ началу вѣка.

Занятіе статистической литературой не было удѣломъ однихъ петербургскихъ ученыхъ. Въ 1806 году была переведена нѣкіимъ Я. Бардовскимъ небольшая статистика Плайфера, интересная тѣмъ, что въ ней впервые появляются графическія изображенія [1]). На трехъ гравированныхъ и раскрашенныхъ таблицахъ помѣщены недурныя изображенія размѣровъ народонаселенія, пространства и государственнаго бюджета отдѣльныхъ странъ и ихъ столицъ.

Въ предисловіи автора чувствуется также стремленіе освободиться отъ безпринципнаго государствовѣдѣнія и глубже заглянуть въ общественныя явленія. Не всякая сторона политической и хозяйственной жизни кажется ему достойною вниманія, а только такія явленія, какъ рождаемость и смертность, ростъ производительности и государственнаго бюджета. Самая статистическая техника должна быть, по Плайферу, дѣломъ спеціалистовъ [2]). Но такихъ, говоритъ онъ, вообще весьма немного. Въ этомъ, между прочимъ, виноваты и власть имущіе. «Правительства, говоритъ Плайферъ, не стараются объ успѣхахъ сей полезной науки (статистики), не дѣлая никакого одобренія упражняющимся въ ней» [3]).

Однимъ изъ способовъ улучшить столь плачевное положеніе авторъ считаетъ организацію спеціальныхъ статистическихъ обществъ. «Весьма было бы полезно, говоритъ онъ, завести во всякомъ государствѣ Общество, которое бы посвятило себя познаніямъ статистики; они бы пособили сдѣлать великіе успѣхи

---

[1]) *Плайферъ, Г.*: Начальныя основанія статистики европейскихъ государствъ, расположенныя по легчайшей методѣ Москва. 1806 г. (тип. Бекетова). Стр. XVIII+86.

[2]) «Для составленія статистическихъ таблицъ исправныхъ и полныхъ не довольно того, чтобы нѣкоторые мало-по-малу собирали разсѣянныя свѣдѣнія, приводили въ порядокъ и сдѣлали ихъ правиломъ, съ которымъ бы сообразовались служащіе люди и самыя правительства: нужна долговременная опытность и постоянный навыкъ для приведенія въ порядокъ какъ частныхъ, такъ и всеобщихъ свѣдѣній». Тамъ же, стр. XV.

[3]) Тамъ же, стр. XVII.

въ сей наукѣ со всею удобностью и безъ большихъ издержекъ, а упражняющіеся въ ней сыскали бы жатву богатую на семъ полѣ, столь плодоносномъ и такъ мало обработанномъ». Въ этой книжкѣ приведены краткія и толковыя свѣдѣнія о Россіи, Турціи, Швеціи, Германіи, Даніи, Франціи, Испаніи, Великобританіи, Пруссіи, Неаполѣ и Сициліи, Португаліи, Савойѣ, Сардиніи, Семи объединенныхъ областяхъ (Голландіи).

Въ слѣдующемъ году вышли: «Статистическія таблицы Всероссійской Имперіи, или физическое, политическое и статистическое начертаніе Россіи въ XIX столѣтіи» князя Ивана Голицына. Книжка эта была издана въ Москвѣ, въ 1807 г., но успѣха не имѣла. Въ томъ же году былъ обработанъ курсъ статистики профессоромъ Казанскаго Университета Кондыревымъ (рукопись 1807 г.); а въ 1808 г. петербургскимъ профессоромъ Зябловскимъ, переиздававшимъ позднѣе нѣсколько разъ (1815—1832 гг.) свой учебникъ, присоединивъ къ нему какъ элементарныя понятія по теоріи статистики, такъ и общій обзоръ Европы того времени въ статистическомъ отношеніи.

На Зябловскомъ, типичной фигурѣ бюрократа-ученаго, яраго антагониста Арсеньева, стоитъ остановиться подробнѣе. Его біографію сообщаетъ Сухомлиновъ

«Профессоръ географіи Зябловскій началъ свое педагогическое поприще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія учителемъ Колыванскаго народнаго училища, откуда перешелъ профессоромъ въ учительскую гимназію, замѣненную впослѣдствіи Педагогическимъ институтомъ. Еще во время учительства своего въ Колыванскомъ главномъ народномъ училищѣ, Зябловскій, путешествуя на собственныя средства по разнымъ мѣстамъ бывшаго Колыванскаго намѣстничества, собиралъ матеріалы для топографическаго и статистическаго описанія края, которое и было представлено въ рукописи министру народнаго просвѣщенія Завадскому. По преобразованіи учительской гимназіи въ Педагогической институтъ, Зябловскій, встрѣчая затрудненія въ преподаваніи географіи, составилъ и издалъ «Россійское землеописаніе» въ двухъ частяхъ, послужившее руководствомъ какъ въ самомъ институтѣ, такъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

По порученію Главнаго Правленія Училищъ составлено имъ «Краткое Россійское землеописаніе», выдержавшее нѣсколько изданій. Въ 1808 г. Зябловскій издалъ «Статистическое описаніе Россіи съ предварительными понятіями о статистикѣ и съ общимъ обозрѣніемъ Европы въ статистическомъ отношеніи», трудъ въ то время единственный въ своемъ родѣ. Два года спустя, онъ издалъ «Землеописаніе Россійской Имперіи» въ шести томахъ, которое современники называли «магазиномъ для справокъ» [1]).

Съ довольно объективнымъ мнѣніемъ Сухомлинова сходится, до извѣстной степени, отзывъ Никитенко, который подъ 1826 годомъ въ своихъ извѣстныхъ запискахъ отмѣчаетъ: «профессоръ статистики З. читалъ намъ общее обозрѣніе Европы. Профессоръ З., кажется, слишкомъ любитъ пускаться въ подробности, но онъ очень хорошо объясняетъ свой предметъ, т.-е. точно, толково и чистымъ языкомъ. У него грубая, полудикая физіономія, но его пріятно слушать» (Никитенко, стр. 194).

Болѣе суровъ отзывъ тѣхъ, кто оцѣнивалъ Зябловскаго не какъ работника и педагога, а какъ ученаго и общественнаго дѣятеля. Завистливый и ограниченный, Зябловскій былъ типичнымъ реакціонеромъ тогдашней эпохи. Его ремесленное усердіе во вкусѣ худшихъ государствовѣдовъ не искупаетъ преслѣдованій талантливаго К. И. Арсеньева, гоненіе и полемика съ которымъ одна изъ печальныхъ страницъ русской академической науки. Любопытна характеристика, данная сему ученому мужу однимъ изъ его слушателей.

«Профессоръ Зябловскій не внесъ въ науку ни новыхъ началъ, ни новыхъ идей. Онъ былъ только охранителемъ истинъ принятыхъ имъ въ молодости. Ему не нравились высшіе взгляды на значеніе фактовъ и вообще данныхъ» [2]).

Приведенные отзывы не исключаютъ, а пополняютъ другъ друга, обрисовывая типичную фигуру бюрократа-профессора дореформеннаго времени.

---

[1]) *Сухомлинов*: Изслѣдованія, т. I, стр. 253.

[2]) См. отзывъ *Плетнева*: Отчетъ о С.-Петербургскомъ университетѣ за 1847 годъ, стр. 17.

Было уже сказано, что Зябловскій полемизировалъ съ К. Арсеньевымъ. Полемика возгорѣлась изъ-за вышедшаго въ 1818 г. «Начертанія статистики» послѣдняго. Этотъ трудъ вызвалъ одобреніе тогдашней печати. «Русскій Инвалидъ» и «Сынъ Отечества» посвятили ему сочувствующія рецензіи. Противъ нихъ выступила редакція «Духа Журналовъ», которая отдавала пальму первенства Зябловскому. Но редакція прибѣгла къ некрасивому, но, увы, и доселѣ неумирающему пріему «охранителей»: статья старалась набросить тѣнь на общую «благонамѣренность» Арсеньева [1]). Такимъ же путемъ опровергались и его экономическіе взгляды. Такъ, неблагонадежнымъ и опаснымъ признавалось мнѣніе Арсеньева, что «весь классъ непроизводящій въ политико-экономическомъ отношеніи совершенно ничтоженъ; онъ, де, есть тягостное бремя для государства» [2]).

«Духу Журналовъ» возразилъ «Сынъ Отечества», а послѣднему опять первый. Основнымъ вопросомъ, около котораго вертѣлась вся полемика, было скучное препирательство о пріоритетѣ и заимствованіяхъ, интересное развѣ крайнему научному тщеславію Зябловскаго.

Нападки же «Духа Журналовъ» только еще выгоднѣе освѣщаютъ даровитую фигуру К. Арсеньева.

Перейдемъ теперь къ обзору другихъ статистическихъ трудовъ того времени. Передъ нами цѣлая группа забытыхъ нынѣ болѣе или менѣе трудолюбивыхъ работниковъ «второго и третьяго ранга».

Вотъ курьозный гимназическій курсъ статистики нѣкоего Сигизмунда Паратича, курскаго учителя гимназіи [3]). Книжка даетъ любопытный образчикъ настроенія того времени. Авторъ не претендуетъ ни на какой иной кругъ читателей, кромѣ юно-

---

[1]) См. «Духъ Журналовъ» за 1819 г., часть XXXII, кн. 3, стр. 18.

[2]) На этой «своеобразной» характеристикѣ мотивировки полемики останавливался еще *Пекарскій* въ своей біографіи К. Арсеньева, вышедшей въ 1872 году въ Трудахъ Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка, т. 9-й, стр. 23 и слѣд.

[3]) *Паратичъ, С.*: «Краткая статистика европейскихъ государствъ, собранная изъ разныхъ нѣмецкихъ писателей». Харьковъ, 1812 г.

шества, и руководится съ одной стороны Мейзелемъ [1]), съ другой—Зябловскимъ. Но своимъ читателямъ онъ старается всячески угодить. Во-первыхъ, «собравъ достопримѣчательности государствъ, присоединимъ къ нимъ малые повѣсти и примѣры» наивнаго анекдотическаго характера того времени; во-вторыхъ, «авторъ имѣлъ въ виду угодить нынѣшнему вкусу, ибо если нынѣшнему времени дать наименованіе, то, кажется, нельзя иного дать, какъ стихотворческаго» [2]).

Удивляясь модной страсти къ стихамъ, романамъ и театру, Паратичъ не допускаетъ и мысли, «чтобы умы, напитанные сладкимъ вкусомъ стихотвореній и романическими повѣствованіями о супружеской любви, счастіи и несчастіи и проч., могли со вниманіемъ приступить къ чтенію статистической книги, наполненной однообразными счисленіями». Такова причина, заставившая «избѣгать сухости словъ, смѣшать матеріи, не придерживаясь никакой системы, дать нѣкоторый, какъ будто бы романическій видъ, дабы возродить охоту къ чтенію толь полезной и нужной науки» [3]). И, дѣйствительно, все, что только носитъ слѣды статистики, безпощадно удалено имъ изъ «сочиненія»,—собранія анекдотовъ, патріотическихъ наставленій и игривыхъ водевильныхъ куплетовъ. Такое ссвершенно своеобразное изложеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ задачамъ Паратичевой статистики: «кромѣ статистики не знаю другой, которая въ благоустроенномъ государствѣ вела бы прямѣе и надежнѣе къ патріотизму».

Анекдотическіе «малыя повѣсти и примѣры» Паратича касаются государствъ: Франціи, Великобританіи, Швейцаріи, Италіи вообще, Сардинскаго и Итальянскаго королевствъ, Республики Сенъ-Марино, бывшихъ папскихъ владѣній, королевствъ Этруріи (т.-е. бывшаго Тосканскаго герцогства), Неаполитанскаго, Мальты, Республики семи острововъ (т.-е. греческіе острова Корфу, Кефалонія, Занте и т. д.), Испаніи, Португаліи, Турціи, Швеціи, Даніи, Германіи, Рейнскаго Союза, Австріи и Пруссіи.

---

[1]) Очевидно малоизвѣстное „Litteratur der Statistik“ I. Meusel'я, 1790 г.

[2]) *Паратичъ*: „Краткая статистика“, стр. IV.

[3]) Тамъ же, стр. V.

Россія, очевидно, какъ страна «большихъ повѣстей», у Паратича отсутствуетъ. Всѣ свѣдѣнія расположены по рубрикамъ: земля и жители; произведенія изъ всѣхъ царствъ природы (царство «прозябаемое», животныхъ и ископаемое); образъ правленія; титулъ, государственный гербъ и ордена, государственное «чиносостояніе» (т.-е. названія высшихъ чиновъ); государственныя правительства (т.-е. учрежденія); военная сила; «состояніе наукъ» (перечень названій учебныхъ заведеній), и, наконецъ, «народныя упражненія» (т.-е. промыслы и занятія) [1]).

Въ двадцатыхъ годахъ не появилось рѣшительно ничего не только выдающагося, но даже и интереснаго въ области статистической литературы. Отмѣтимъ книжку Ивана Гайма: «Опытъ начертанія статистики важнѣйшихъ государствъ по нынѣшнему ихъ состоянію. Часть I, содержащая статистику Россійской и Австрійской Имперіи, Французскаго, Великобританскаго и Прусскаго сударствъ» (Москва, 1821 г.); и книгу Василія Андроссова: «Хозяйственная статистика Россіи» (Москва, 1827 г.).

Книжка Гайма очень безцвѣтна. Теоріи статистики отведено самое ничтожное мѣсто, да и то въ предисловіи ея. Общая си-

[1]) Какъ примѣръ изложенія, можно привести характеристику хотя бы англичанъ. Она гласитъ: «Что англичане въ разсужденіи своего вольнодумства и прихотливыхъ дѣяній совсѣмъ отъ прочихъ народовъ особливые люди, въ этомъ издавна нѣтъ ни малѣйшаго сумнѣнія; и что таковое ихъ вольнодумство и своевольство не всегда бываютъ основаны на здравомъ разсудкѣ, но иногда достойны бываютъ посмѣянія» (стр. 37). Недурна и характеристика турецкаго правительства: «Образъ правленія—Деспотическій, о которомъ Галлеръ въ своемъ Узонѣ хорошо примѣчаетъ, что Деспотическое правленіе можетъ быть соединено со счастіемъ народа. Не въ самодержавіи Турецкой Монархіи,—ибо многія Азіатскія и Африканскія владѣнія управляются самодержавными государями счастливо,—но въ превратномъ онаго управленіи должно искать причины всѣхъ бѣдствій. Султанъ, сидя въ своемъ сералѣ, окруженный евнухами, кои не что иное суть, какъ тайные совѣтники, старающіеся свою власть единственно для того увеличить, чтобы отомстить всему человѣчеству за изуродованіе свое; и потому (?) онъ не можетъ имѣть понятія о достоинствѣ человѣка; а слѣдовательно (?!) ни о искусствѣ управлять своимъ народомъ» (стр. 130). Зато Пруссіи посвящено всего... 21 строка. «Къ рѣдкимъ феноменамъ нынѣшняго столѣтія принадлежитъ и паденіе ея могущества. Кому неизвѣстно ея прежнее вліяніе, а нынѣ—она только эхо французскаго кабинета» (стр. 180).

стема: землевѣдѣніе, государствовѣдѣніе и народовѣдѣніе, заимствована у Нимана, а опредѣленія—у второстепенныхъ писателей ахенваллевской плеяды.

Немногимъ лучше и книга Андроссова, хотя, впрочемъ, къ ней нельзя предъявлять особыхъ требованій: это только руководство для средней школы, а именно для учениковъ Московскаго Земледѣльческаго Училища. Хотя авторъ послѣдней въ предисловіи высказываетъ предпочтеніе французскимъ статистикамъ начала столѣтія, но все же нисколько не ушелъ отъ Ахенвалля, противъ котораго онъ фрондируетъ. Статистика Андроссова даетъ недурную сводку внѣшнихъ статистическихъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи тогдашней Россіи. Въ книгѣ совершенно отсутствуетъ анализъ и критика. Любопытна только сводка причинъ, замедляющихъ успѣхи земледѣлія въ Россіи (стр. 84—86), гдѣ авторъ взглянулъ на дѣло довольно широко, включивъ въ число причинъ соціальныя, психологическія и бытовыя.

Въ тридцатыхъ годахъ появилось нѣсколько статистическихъ сочиненій. Такъ, тотъ же Зябловскій, о которомъ подробно говорилось выше, издалъ «Статистику европейскихъ государствъ по нынѣшнему ихъ состоянію» (Спб., 1830 г.).

Затѣмъ слѣдовала «Россійская Статистика», появившаяся въ 1832 г., которая представляетъ собой статистико-календарное описаніе Имперіи, снабженное замѣчаніями патріотическаго характера. Она тоже принадлежала перу «заслуженнаго профессора и кавалера» Е. Зябловскаго и представляетъ собою курсъ его университетскихъ лекцій. Почтенный профессоръ, спустя 14 лѣтъ, какъ мы его оставили, вѣренъ себѣ: онъ—другъ крѣпостничества. «Вопреки мнѣнію другихъ, не крѣпостность крестьянъ есть причина ихъ бѣдности и неблагопріятнаго вліянія на систему земледѣльческой промышленности въ Россіи, а малое ихъ радѣніе къ трудамъ, а иногда и неумѣстное (неумѣлое?) хозяйство самихъ помѣщиковъ». Это, по мнѣнію ученаго крѣпостника, видно изъ сравненія положенія крестьянъ государственныхъ, бѣдствующихъ, и помѣщичьихъ, «наслаждающихся всякимъ довольствомъ и наживающихъ знатныя суммы» [1]). Къ тому же и

[1]) *Зябловскій*, стр. 71.

«помѣщичьи пашни обработаны бываютъ лучше земель, принадлежащихъ государственнымъ крестьянамъ».

Интересны его взгляды и на благосостояніе народа нашей «единственной по могуществу и изобилію въ Европѣ» имперіи.

«Въ смыслѣ благосостоянія народнаго, жители Россіи,—говоритъ Зябловскій,—пользуются такимъ благосостояніемъ, какого не видно во множайшихъ европейскихъ державахъ. Не видно того числа бѣдныхъ, какое, напримѣръ, въ Англіи. Въ Россіи не только высшія сословія, но и земледѣльческое состояніе не бѣдно, а нынѣ очень достаточно. Многіе изъ крестьянъ своею дѣятельностью и досужествомъ наживаютъ по ихъ состоянію значительные капиталы. Впрочемъ, примѣчается въ разсужденіи сего не малая разность по полосамъ. Вообще крестьяне западныхъ губерній весьма ограничены въ своихъ пожиткахъ; на востокъ отъ Днѣпра видно между ними довольство; а въ губерніяхъ, лежащихъ по Волгѣ и побочнымъ ея рѣкамъ, показывается между крестьянами даже роскошь; многія селенія достойны наименованія городовъ. Губерніи Остзейскія отъ удобнаго сбыта всякихъ произведеній также небѣдны; вся страна по теченію Сѣверной Двины можетъ назваться лучшею, а въ полуденной Сибири, или отъ рѣки Иртыша до Байкала, проситель милостыни есть рѣдкое явленіе. Множество пріѣзжающихъ иностранцевъ въ Россію есть новое доказательство ея благосостоянія. Кто оставляетъ свое отечество? Кто надѣется улучшить свой жребій на чужой сторонѣ?» [1]).

Вотъ до чего договорился этотъ зоилъ, міровоззрѣніе котораго, какъ мы видѣли уже, вполнѣ гармонировало съ николаевской реакціею. Зябловскій сравнительно съ вольнолюбивымъ и правдивымъ К. Германомъ—громадный шагъ назадъ; это и жалкая дань науки темнымъ условіямъ того времени и неизбѣжный результатъ принятія безъидейнаго «описательнаго» направленія. Потребовались усилія цѣлаго ряда новыхъ людей, чтобы вернуть русскую статистику на путь истинной науки. Но такое возрожденіе было немыслимо при старомъ направленіи, нужно

[1]) *Зябловскій*, стр. 186.

было совершенное новое слово, и, когда оно было сказано и усвоено,—все измѣнилось, реформа произошла въ третій и послѣдній періодъ нашей дореформенной статистической литературы, къ обзору котораго мы теперь и обратимся.

III.

Паденіе государствовѣдѣнія и появленіе Кетле.

В. Порошинъ и его «Критическія замѣтки».—Срезневскій, Рославскій, Журавскій.—Экономическая статистика: Горловъ, Арсеньевъ, Небольсинъ.

Къ концу 30-хъ годовъ въ статистикѣ начались новыя вѣянія, связанныя съ переворотомъ въ статистической наукѣ, произведеннымъ Кетле. Первое время всѣмъ казалось, что Кетле создаетъ только новое направленіе въ статистикѣ, а его главнѣйшая заслуга—уничтоженіе всей предыдущей системы статистики, статистики описательной,—была понята значительно позднѣе. Значеніе Кетле и новыя вѣянія проникали въ Россію постепенно и давали старому описательному направленію возможность умирать, такъ сказать, естественною смертью.

Въ 1838 году появились два статистическихъ сочиненія: профессора Педагогическаго института: Ободовскаго: «Теорія статистики въ ея настоящемъ состояніи» и диссертація В. Порошина: «Критическія изслѣдованія объ основаніяхъ статистики». Первое изъ нихъ совершенно неинтересно. Оно вполнѣ еще въ духѣ Ахенвалля и представляетъ собою обычную компиляцію, составленную по посредственному учебнику одного изъ незначительныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, нѣкоего Бутте [1]); зато второе заслуживаетъ бо́льшаго вниманія. Вооруженный обширною эрудиціей по философіи, политической экономіи и статистикѣ, Порошинъ строго и язвительно критикуетъ старое описательное направленіе и доказываетъ въ своей небольшой книжкѣ, носящей обычный характеръ диссертаціи на ученую степень,

[1]) W. Butte: «Die Statistik als Wissenschaft bearbeitet» Landshut. 1807. «Этотъ писатель, говоритъ Порошинъ, такъ же теменъ и высокопаренъ, какъ Ниманъ простъ и ясенъ» (*Порошинъ*: «Критическія изслѣдованія объ основаніяхъ статистики», 1838 г., стр. 24, примѣчаніе).

слѣдующія общія положенія, съ точки зрѣнія которыхъ онъ подходитъ и къ статистикѣ: 1) наука и теорія нераздѣльны; 2) какъ лѣтопись не исторія, такъ и описаніе не статистика; 3) совершеннѣе всякаго другого вида статистики статистика сравнительно-прагматическая; 4) среди наукъ нравственныхъ нѣтъ мѣста наукамъ описательнымъ.

Въ своихъ доказательствахъ Порошинъ ссылается на Канта, Лейбница, Локка и рядъ другихъ философовъ, пытаясь дать философское обоснованіе статистической теоріи, къ которой онъ предъявляетъ общенаучныя требованія. Относительно усвоенія обществомъ статистическихъ свѣдѣній Порошинъ высказывается за возможно болѣе правдивое ихъ оглашеніе. Въ этомъ смыслѣ замѣчательны слѣдующія слова Порошина о статистической правдѣ, слова, не утратившія смысла и въ наше время: «Вѣкъ откровенности частной и публичной—золотой вѣкъ статистики еще не наступилъ». Но пока важна и частичная «откровенность». «Отъ яснаго раскрытія частей,—добавляетъ авторъ,—отъ недѣлимыхъ подробностей въ каждой статьѣ зависитъ знаніе всего цѣлаго. Здѣсь всѣ званы: и въ этомъ-то дружномъ участіи и содѣйствіи, и въ такомъ только смыслѣ должно разумѣть національность въ отношеніи къ статистикѣ. Разсѣянныхъ лучей свѣта мы не назовемъ наукою; но они сдѣлаютъ ее возможною».

Весьма интересенъ взглядъ Порошина на содержаніе и сущность статистики, который излагается въ главѣ 3-ей, озаглавленной: «Какое мѣсто въ области наукъ принадлежитъ статистикѣ?». Порошинъ твердо и опредѣленно высказывается за то, что статистика есть особая наука и притомъ особая нравственная наука. Таково и его прямое заявленіе [1]), таковы и его соображенія, высказываемыя имъ при анализѣ различія между статистикою съ одной стороны, географіею, этнографіею и правомъ—съ другой. Сравнивая послѣднія «описательныя» науки, познающія путемъ описанія во времени и пространствѣ, со стати-

---

[1]) «Предметъ статистики—человѣкъ; она есть наука нравственная". *Порошинъ В.*: «Критическія изслѣдованія объ основаніяхъ статистики». Спб. 1838 г., стр. 38.

стикою, авторъ усматриваетъ въ ней «идею одной науки» и «самобытную недѣлимость». Въ то время, когда описательныя науки только описываютъ, статистика переводитъ описаніе въ «истолкованіе, въ догматъ» (стр. 38), т.-е. абстрагируетъ неизмѣняющееся «общее» «познаніемъ измѣненія частнаго» (стр. 45). Такимъ образомъ, Порошинъ считаетъ статистику абстрактною, духовною, умозрительною наукою, наукою вполнѣ самостоятельною, чуждою пріемовъ естествознанія, пользующагося грубымъ описаніемъ явленій во времени и пространствѣ. Содержаніе статистики—«изслѣдованіе отношеній», причемъ «нравственный элементъ остается преобладающимъ» (стр. 43).

Порошинъ заканчиваетъ свое разсужденіе заявленіемъ, что высказанные имъ взгляды раздѣляются не имъ однимъ, а и нѣкоторыми европейскими учеными, и что пожеланіе развитія науки въ намѣченномъ имъ направленіи «не мечта индивидуальная», точка зрѣнія, присущая трудамъ Джойи, Кетле, Риттера и др. [1]).

Остальные статистики того времени все еще чужды направленія Порошина.

«Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи» (1839 г.) Срезневскаго представляетъ собою довольно хорошій трудъ по исторіи и теоріи статистики, но написанный все еще въ духѣ описательной школы, мода на которую уже начала проходить и въ Россіи.

Въ томъ же году вышелъ въ Петербургѣ на нѣмецкомъ языкѣ трудъ академика Кеппена: Russland's Gesammt-Bevölkerung im Jahre 1838». Здѣсь приведены статистическіе итоги послѣдней ревизіи, но безъ достаточно критическаго къ нимъ отноше-

[1]) «Есть указанія у Жюія, соотвѣтствующія этому взгляду; творенія Кетле (Quetelet), Риттера и др. не даютъ сомнѣваться въ его возможности». «Мы показали выше,—говоритъ Порошинъ въ заключеніе,—какъ многіе труды принадлежатъ статистикѣ, стоя подъ другимъ названіемъ. Статистика прагматическая богатѣетъ и совершенствуется, образуя вѣтви многоплодныя подъ именемъ статистики врачебной, юридической и т. п. Наконецъ, матеріалы, и не только новые, но уже оставленные, безплодные для прежней статистики, воскреснутъ при новомъ о ней понятіи и озарятъ ее». *Порошинъ*, стр. 51.

нія. Этимъ трудомъ открывается особый отдѣлъ статистической литературы, а именно оффиціальной статистики.

Сравнительно богатое по количеству, но весьма сомнительное по качеству работавшихъ статистиковъ десятилѣтіе 30-хъ годовъ смѣнилось новымъ настроеніемъ, болѣе бодрымъ и научнымъ. Въ сороковыхъ годахъ выступили два весьма важныхъ по направленію и талантливыхъ статистика: Рославскій и Журавскій.

Рославскій издалъ въ 1844 году свои лекціи по статистикѣ, читанныя въ Харьковскомъ Университетѣ. Онъ уже совершенно не довольствуется описательнымъ направленіемъ, а слѣдуя Кетле [1]), утверждаетъ, что предметъ статистики—познаніе законовъ государственнаго бытія. Параллельно съ очеркомъ системы статистики Рославскій даетъ краткое изложеніе статистическихъ фактовъ изъ статистики важнѣйшихъ европейскихъ государствъ.

«Руководство къ статистикѣ» Рославскаго—очень крупное явленіе нашей статистической литературы. Вмѣсто введенія перепечатана его вступительная рѣчь, произнесенная при открытіи курса статистики въ 1839 году въ Харьковскомъ Университетѣ,—эта рѣчь представляетъ собою смѣлое и энергичное изложеніе новыхъ взглядовъ, что въ сочетаніи съ критическимъ взглядомъ на вещи, громадною эрудиціею и хорошимъ слогомъ дѣлаетъ ее весьма цѣнною и не для одного тогдашняго времени. Духъ, которымъ проникнута рѣчь харьковскаго профессора, новъ для русскихъ аудиторій, проникнутыхъ казарменнымъ лжепатріотизмомъ въ духѣ вышеприведенныхъ взглядовъ Зябловскаго.

Преклоняясь передъ «разумомъ, который въ области естествознанія воздвигъ престолъ своего могущества», Рославскій выражаетъ надежду, что то же явленіе произойдетъ и въ мірѣ нравственномъ, къ которому онъ относитъ статистику. «Придетъ время, говоритъ онъ, когда и міръ нравственный будетъ имѣть

[1]) Подлинныя же сочиненія Кетле еще долго оставались неизвѣстными русскому обществу. Небольшой трудъ его, посвященный соціальной системѣ, вышелъ только въ серединѣ 60-хъ годовъ. Вотъ его точное заглавіе: *Адольфъ Кетле.* Соціальная система и законы, ею управляющіе. Перев. кн. Л. Н Шаховского, изд. Н. Полякова и К°. Спб. 1866 г.

своихъ Франклиновъ, Ваттовъ, когда объяснятся причины всѣхъ явленій, когда откроются законы, управляющіе событіями, повидимому, самыми неопредѣленными, случайными, и новая, лучшая, совершеннѣйшая жизнь будетъ наградою этого великаго подвига, вполнѣ достойнаго разумныхъ существъ». Рославскій окончательно порываетъ счеты съ государствовѣдѣніемъ и описаніемъ, противъ котораго такъ энергично возставалъ Порошинъ.

«Предоставляя статистикѣ изслѣдованіе законовъ государственной жизни и ея элементовъ, мы не можемъ,—говоритъ онъ,—согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые кругъ ея ограничиваютъ познаніемъ настоящаго состоянія государствъ, понимая подъ настоящимъ одинъ опредѣленный моментъ, напр. нѣсколько лѣтъ. годъ или даже мѣсяцъ. Почерпая свои выводы изъ области опыта и возводя наблюденія на степень идей, она, очевидно, должна имѣть предѣлы гораздо обширнѣйшіе, простираться не только на настоящее, но и на прошедшее, однимъ словомъ, обнимать всѣ состоянія, или, правильнѣе, всѣ фазы государственнаго бытія; я сказалъ фазы, ибо слово состояніе, означая сумму явленій, представляемыхъ предметомъ въ извѣстное время, не можетъ быть цѣлью науки, которая, не останавливаясь на измѣняемомъ, ищетъ неизмѣняемаго, непреложнаго, вѣчнаго. А такъ какъ элементы государственной жизни, которые составляютъ предметъ статистики, существовали и существуютъ вездѣ, гдѣ только люди образуютъ благоустроенное общество, то, слѣдовательно, несправедливо было бы кругъ ея ограничивать опредѣленнымъ числомъ народовъ, почему-нибудь болѣе интересующихъ насъ и болѣе намъ извѣстныхъ; всѣ вѣка безъ различія и всѣ государства платятъ ей дань свою. Ничѣмъ не пренебрегая, дорожа малѣйшими подробностями, она на каждую случайность смотритъ, какъ на средство къ отысканію нормальности и всю сумму познанныхъ явленій возводитъ къ общимъ законамъ съ тѣмъ, чтобы перенести эти законы въ міръ практики, назначить постоянныя правила для жизни» [1]).

[1]) *Рославскій*, стр. 28—29, курсивъ, какъ и ниже, мой.

«Предметъ статистики есть знаніе законовъ государственной жизни, идея же законовъ, будучи всеобщею, должна непремѣнно проявляться въ каждомъ отдѣльномъ фактѣ и, слѣдовательно, можетъ быть открыта разумомъ, какъ бы ни была велика или мала сумма собранныхъ нами наблюденій. Вся разница состоитъ въ томъ, что чѣмъ значительнѣе число изслѣдуемыхъ нами фактовъ, тѣмъ бываетъ легче отдѣлить случайное отъ необходимаго, и наоборотъ, при небольшомъ количествѣ данныхъ, мы можемъ скорѣе подвергнуться опасности принять частный случай за общій законъ, ибо разуму представляется тогда менѣе точекъ для сравненія» [1]).

Относительно соціально-политическихъ теорій Рославскій придерживается мнѣнія Вико. «Теорія развитія обществъ,—говоритъ онъ,—начертана Вико, упущены только частныя характеристики» (стр. 31) [2]).

Рославскій, такъ же какъ и Порошинъ, усиленно рекомендуетъ русскому обществу сочиненія Кетле. «Статистика,—говоритъ онъ,—представляетъ много важныхъ истинъ, которыми можетъ воспользоваться исторія. Въ этомъ отношеніи я не могу не указать вамъ на превосходное сочиненіе Кетле: «Sur l'homme et le developpement de ses facultées». Предложивъ себѣ вопросъ: подчинены ли дѣйствія человѣка законамъ? — авторъ отвѣчаетъ утвердительно: надобно только, говоритъ онъ, потерять изъ виду человѣка, взятаго отдѣльно, а разсматривать его, какъ отрасль своего рода. Такимъ образомъ, лишивъ его индивидуальности, мы легко можемъ отдѣлить случайное, и индивидуальныя частности, которыя имѣютъ мало, или вовсе не имѣютъ вліянія на массу, изгладятся сами собой и позволятъ намъ обнять результаты общіе. Въ подтвержденіе своей мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ для доказательства, что поступки человѣка дѣйствительно под-

---

[1]) *Рославскій*, стр. 30—31.

[2]) «Общій выводъ изслѣдованій Вико тотъ, что у народовъ одна общая природа и что, при дѣйствіи одинакихъ законовъ, она представляетъ одинакія явленія въ одинакомъ порядкѣ. Вико превосходно доказалъ совмѣстность человѣческой свободы съ Высшею Необходимостью, рѣшивъ, такимъ образомъ, вопросъ, затруднявшій многихъ ученыхъ». (Стр. 34).

чинены законамъ, Кетле приводитъ фактъ, повидимому, самый неопредѣленный и случайный, гдѣ болѣе всего дѣйствуютъ обстоятельства, своенравіе и страсти людей, а именно: количество и роды преступленій. Наблюденія, собранныя имъ за нѣсколько лѣтъ съ точностью и возможною полнотой, показываютъ, что во Франціи число совершаемыхъ убійствъ не только повторяется каждый годъ съ удивительнымъ постоянствомъ, но что даже орудія, которыми производятся эти убійства, почти одни и тѣ же, такъ что заранѣе можно предсказать, сколько человѣкъ обагрятъ руки въ крови себѣ подобныхъ, сколько будетъ отравителей, сколько другихъ злодѣевъ, точно такъ, какъ мы заранѣе можемъ предсказать число будущихъ рожденій и смертей. Это наблюденіе, какъ замѣчаетъ авторъ, съ перваго взгляда возбуждающее горестное чувство, является, напротивъ, истинно утѣшительнымъ, если мы разсмотримъ его ближе: ибо, не лишая возможности улучшить состояніе людей, посредствомъ усовершенствованія ихъ учрежденій, обычаевъ, системы просвѣщенія и всего того, что дѣйствуетъ на ихъ благосостояніе, оно, съ другой стороны, подтверждаетъ законъ, уже открытый древними философами, занимавшимися обществомъ въ отношеніи физическомъ,—законъ, что, пока существуютъ однѣ причины, до тѣхъ поръ надобно ожидать возврата одинакихъ послѣдствій. Такимъ образомъ, говоритъ Кетле, хотя число преступленій во Франціи, взятое въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и одинаково, но со временемъ оно можетъ уменьшиться, и къ этому-то друзья человѣчества должны устремлять свое вниманіе (стр. 36—38).

Во второй части своего курса Рославскій излагаетъ очеркъ системы статистики. Параллельно идетъ краткое изложеніе статистическихъ данныхъ для важнѣйшихъ европейскихъ странъ. Небезынтересны, наконецъ, взгляды Рославскаго на роль статистики въ вопросѣ о народонаселеніи вообще и въ вопросѣ о значеніи «закона Мальтуса» [1]).

---

[1]) «Законы народонаселенія изслѣдованы съ надлежащею точностью; благодаря статистикѣ, мы можемъ теперь съ достовѣрностью предсказать, во сколько разъ, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, увеличится число жителей

Обратимся теперь къ другому, еще болѣе выдающемуся статистику дореформеннаго времени, къ Журавскому.

Трудъ Журавскаго: «Объ источникахъ статистическихъ свѣдѣній въ Россіи», вышедшій въ Кіевѣ въ 1846 году, считается однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ въ статистической литературѣ не только того времени, но, пожалуй, и во всей русской статистической литературѣ [1]). Работа Журавскаго дѣлится на три части; въ первыхъ двухъ онъ критикуетъ современное ему состояніе статистики, особенно въ приложеніи ея къ нѣкоторымъ общественнымъ вопросамъ (преступность, благотворительность и пр.), настаивая на относительномъ и условномъ значеніи статистическихъ данныхъ и на необходимости строжайшей провѣрки первоисточниковъ, и разбираетъ источники статистическихъ свѣдѣній въ Россіи. Для послѣдней онъ считаетъ особенно важными свѣдѣнія о землевладѣніи и земледѣліи, т.-е. указываетъ на тотъ отдѣлъ отечественной статистики, который за шестьдесятъ лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ Журавскаго, почти не двинулся съ мѣста, такъ какъ источникъ основныхъ свѣдѣній, земельный кадастръ, все еще остается въ области тѣхъ же пожеланій, какъ то было и при рекомендовавшемъ его Журавскомъ [2]).

того или другого государства по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ. Статистика также показала вѣчные рубежи, долѣе которыхъ не восходятъ рождаемость и смертность въ государствахъ, обозначивъ въ то же время кругъ, гдѣ можетъ свободно вращаться человѣческая дѣятельность Теорія Мальтуса, столько напугавшая друзей человѣчества, послѣ новыхъ исчисленій, сдѣланныхъ статистикою, является въ другомъ болѣе утѣшительномъ видѣ». (Рославскій, стр. 39).

[1]) Кромѣ того Дмитрію Петровичу *Журавскому* (1810—1856 г.) принадлежатъ слѣдующія сочиненія: Планъ описанія губерній Кіевскаго округа. Кіевъ, 1851 г. Матеріалы для статистики частныхъ имуществъ и кредита Т. I О кредитныхъ сдѣлкахъ въ Кіевской губ. Кіевъ, 1856 г., и, наконецъ, посмертный трудъ—«Статистическое обозрѣніе расходовъ на военныя потребности въ 1711—1825 гг». Спб., 1859 г О Журавскомъ писали *Н. Х. Бунге* («Спб Вѣдомости» за 1856 г., № 272), *Ю. Самаринъ* («Русская Бесѣда» за 1857 г., № 6) и въ «Памятной книжкѣ» Кіевской губ. за 1858 г. (стр. 139—150).

[2]) «Земледѣльческая статистика, еще у насъ не существующая, должна составлять главное основаніе общей государственной статистики. Въ ней

Журавскій сурово критикуетъ всю правительственную систему собиранія статистическихъ свѣдѣній, невѣжественное веденіе метрическихъ книгъ неподготовленнымъ къ этому сельскимъ духовенствомъ, безграмотность и безтолковость населенія, нелѣпость постановки всего дѣла русскихъ ревизій и полное безсиліе центральной бюрократіи справиться съ основными задачами раціональной административной статистики—полностью, достовѣрностью и гласностью. Сдѣлать частнымъ лицамъ какіе-либо выводы изъ такого рода статистическихъ данныхъ, по отзыву Журавскаго, прямо немыслимо. Онъ спрашиваетъ: возможно ли «при такомъ состояніи источниковъ статистическихъ свѣдѣній въ Россіи частному лицу изучить основательно, не говоримъ свое отечество, но какой-либо отдѣльный вопросъ, относящійся къ его пользамъ, къ его потребностямъ?» И тутъ же спѣшитъ отвѣтить: «безъ сомнѣнія, нѣтъ». Въ силу этого у насъ нѣтъ и научной разработки статистики [1]). Объ ученыхъ теоретикахъ, въ родѣ списывавшихъ съ нѣмецкаго А. Ободовскаго и П. Срезневскаго, Журавскій также отзывается крайне отрицательно [2])

Попутно Журавскій рекомендуетъ страхованіе отъ неурожаевъ и настаиваетъ на необходимости организаціи особой статистики неурожаевъ, для выясненія ихъ закономѣрности, рекомендуетъ введеніе анкетъ по образцу анкетъ англійскаго

отражается народный трудъ, силы, средства и состояніе наибольшей массы народонаселенія, котораго движеніе, большее или меньшее, зависитъ преимущественно отъ способа пользованія имъ землею, отъ распредѣленія въ немъ поземельной собственности» (Курсивъ нашъ). *Журавскій, Д.* Объ источникахъ и употребленіи статистическихъ свѣдѣній. Кіевъ, 1846 г., стр 131.

[1]) «У насъ совершенно неизвѣстны статистическія изысканія въ родѣ тѣхъ, которыми занимаются ученые въ другихъ государствахъ. Частныя статистическія сочиненія наши, въ чрезвычайно ограниченномъ числѣ, суть, большею частью, мертвые, неплодотворные сборники и своды множества погрѣшностей и невѣрностей всякаго рода, заключающихся, во-первыхъ, въ источникахъ, изъ которыхъ взяты первоначальныя свѣдѣнія, а во-вторыхъ, въ разумѣніи и воображеніи составителей». *Журавскій*, тамъ же, стр. 160.

[2]) «Обыкновенно тѣ, кто имѣютъ притязанія установить новую теорію науки, начинаютъ съ критическаго разбора всѣхъ предшествовавшихъ теорій и о каждой заключаютъ, что она потому-то и потому не годится, а настоящая

парламента, и, что особенно было ново для тогдашняго времени, — совѣтуетъ заняться бюджетной статистикой и самъ приводитъ два первыхъ въ русской статистико-экономической литературѣ бюджета русскихъ семей.

Въ третьей и послѣдней части своего интереснаго сочиненія [1]) Журавскій излагаетъ свою схему научной и прикладной статистики, которую онъ считаетъ необходимымъ тѣснѣйшимъ образомъ связать съ математикою. «Однимъ предметамъ, говоритъ онъ, свойственно прямое приложеніе математическихъ операцій, другимъ эти операціи не могутъ быть приложены непосредственно, но требуютъ основанія; и этимъ основаніемъ долженъ служить разрядный счетъ предметовъ, фактовъ, явленій и идей, по ихъ родамъ и видамъ. Прямое приложеніе чистой математики къ положительнымъ наукамъ составляетъ собственно прикладную математику; косвенное, основанное на категорической нумераціи всѣхъ предметовъ знаніе, со всѣми ея численными комбинаціями, должно составлять предметъ особой, весьма обширной науки—Статистики» (стр. 173).

Такимъ образомъ, въ широкомъ смыслѣ статистика, по Журавскому, можетъ быть опредѣлена, какъ «наука категорическаго вычисленія» [2]), что «по недостаточности умственныхъ и матеріальныхъ средствъ примѣненія числа и мѣры къ большей части предметовъ» дѣлаетъ практическое осуществленіе такой статистики «еще долгое время невозможнымъ».

теорія, теорія непогрѣшительная, должна быть вотъ какая,—и излагаютъ ее по своему разумѣнію или, скорѣе, по разумѣнію тѣхъ же писателей, которыхъ сначала разгромили, только съ перестановкою отдѣловъ, раздѣловъ и подраздѣленій ихъ теорій въ порядкѣ, по мнѣнію нововводителей, болѣе логическомъ. Но выйдетъ у нихъ все то же, что было прежде, только вывороченное наизнанку, а дѣло отъ новой теоріи нисколько не подвинулось». *Журавскій*, стр. 163.

[1]) Она озаглавлена: «Замѣчанія о теоретическомъ образованіи статистики, какъ науки, и о средствахъ устроить ея основанія» (стр. 163—210).

[2]) «Ей подлежатъ всѣ тѣла, существа, силы, явленія, факты, мысли и т. п., которые могутъ быть раздѣлены и подраздѣлены на однородныя и одновидныя части и сосчитаны по каждому роду и виду отдѣльно». Тамъ же, стр. 173.

Вся система статистики Журавскаго укладывается въ слѣдующую схему:

1. Матеріальная статистика, съподраздѣленіемъ ея на а) основную, б) хронологическую (историческую) и в) сравнительную.

2. Раціональная статистика, съ подраздѣленіемъ на а) элементарную и б) прикладную.

Все это покоится на «устройствѣ постоянныхъ источниковъ статистическихъ матеріаловъ и систематическомъ установленіи статистическихъ категорій, неизмѣняемыхъ рамъ для работы».

Главнѣйшими же категоріями, которымъ Журавскій посвящаетъ подробное изложеніе, онъ считаетъ нижеслѣдующія: «I. Климатъ. II. Мѣстность. III. Народонаселеніе. IV. Народный бытъ. V. Частная собственность. VI. Народный трудъ и производительность. VII. Повинности и налоги. VIII. Бѣдствія (пожары, неурожаи, болѣзни и пр.). IX. Нравственность. X. Просвѣщеніе. XI. Государственное управленіе. XII. Государственное хозяйство. Каждый изъ этихъ предметовъ, взятый отдѣльно, представляетъ множество второстепенныхъ категорій, по которымъ слѣдуетъ вести счетъ относящимся къ нимъ фактамъ».

Нельзя не сказать, что схема и двѣнадцать категорій Журавскаго были исчерпывающими, и что, если бы имъ послѣдовало правительство, то имѣло бы превосходное представленіе о всемъ ходѣ и состояніи русскаго народа.

Послѣ этого труда Журавскаго наступило полное затишье въ русской теоретической статистической литературѣ, которое закончилось уже много позднѣе реформы 60-хъ годовъ появленіемъ работъ Бунге и Янсона. Все же вниманіе статистиковъ 50 хъ и 60-хъ годовъ было обращено на прикладную, или, по терминологіи Журавскаго, «матеріальную статистику».

Къ этой области тѣсно примыкали труды нашихъ оффиціальныхъ статистиковъ, число которыхъ, послѣ учрежденія въ различныхъ вѣдомствахъ статистическихъ отдѣленій, все увеличивалось.

Въ 1844 году К. Арсеньевъ помѣстилъ въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ статью: «Изслѣдованіе о численномъ отношеніи половъ въ народонаселеніи Россіи», а въ

1848 г. въ Петербургѣ вышла въ свѣтъ его книга: «Статистическіе очерки Россіи», касающіеся преимущественно вопросовъ территоріи, топографіи и поземельнаго устройства Имперіи по губерніямъ съ характеристикою въ каждой изъ нихъ главнѣйшихъ промысловъ. Въ общемъ, книга представляетъ собою скорѣе экономическую географію Россіи, чѣмъ спеціально статистическій трудъ. Затѣмъ въ 1849 году вышла книга профессора И Горлова: «Обозрѣніе экономической статистики Россіи»—дополненный и переработанный курсъ его лекцій по экономической статистикѣ, читанный имъ на камеральномъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета. «Экономическое состояніе народа,—говоритъ Горловъ,—это сумма способовъ (очевидно, средствъ), которыми обладаетъ народъ и которыми онъ удовлетворяетъ своимъ нуждамъ. Такимъ образомъ, намъ представляются два предмета, подлежащіе изслѣдованію: народъ и его богатство». Отсюда и все сочиненіе Горлова дѣлится на двѣ части: статистику населенія и статистику промышленную.

Затѣмъ появилось «Статистическое обозрѣніе внѣшней торговли Россіи» Григорія Небольсина, въ двухъ томахъ (Спб., 1850 г.), представляющее собою полезную сводку обширныхъ статистическихъ данныхъ за полстолѣтіе; и нѣкоторыя другія менѣе значительныя сочиненія.

Изъ области математической статистики также появилось нѣсколько интересныхъ работъ. Впереди другихъ здѣсь стоитъ В. Буняковскій. Его «Мысли о движеніи народонаселенія» вообще отличаются яснымъ и глубокимъ изложеніемъ [1]). Нѣсколько ранѣе на ту же тему писалъ проф. Н. Зерновъ [2]), академикъ Брунъ [3]), К. Веселовскій.

---

[1]) Отчетъ о годичномъ актѣ С.-Петербургск. университета 1850 г., стр. 35 и слѣд. Позднѣе тѣмъ же ученымъ были обнародованы два замѣчательныхъ сочиненія: «Опытъ о законахъ смертности въ Россіи и о распредѣленіи народонаселенія по возрастамъ» (Отдѣльно и въ запискахъ Имп. Академіи Наукъ, т. VIII, кн. II, 1865 г.) и «Изслѣдованіе о возрастномъ составѣ женскаго православнаго населенія Россіи». (Записки Академіи Наукъ, т. IX, кн. II, 1866 г.).

[2]) «Теорія вѣроятности съ приложеніемъ преимущественно къ смертности и страхованію». Актовая рѣчь. Москва. 1843 г.

[3]) «Руководство къ политической ариѳметикѣ». Одесса. 1845 г.

Интересные матеріалы печатались, начиная съ 1840 г., въ статистическихъ сборникахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ («Матеріалы для статистики Россійской Имперіи», издаваемые при статистическомъ отдѣленіи Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ). Здѣсь весьма интересна работа С. Корсакова: «Законы народонаселенія въ Россіи», и нѣкоторыя другія Кое-что можно найти и въ «Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній о Россіи», выходившемъ въ 50-хъ годахъ отъ статистическаго отдѣленія Русскаго Географическаго Общества.

Такимъ образомъ, къ концу дореформеннаго времени мы имѣемъ передъ собою уже цѣлую статистическую литературу, разнообразную и въ смыслѣ качествъ и въ смыслѣ направленія, но все же, въ общемъ, статистика была въ маломъ фаворѣ. «Лѣтъ 15 назадъ,—писалъ Е. Анучинъ въ 1872 году,—статистика была у насъ чуть ли не предметомъ глумленія» [1]). Того же мнѣнія были и всѣ его современники.

Учрежденіе земской и городской статистики, основаніе статистическихъ обществъ и общее улучшеніе научныхъ условій, наступившее послѣ эпохи освобожденія крестьянъ, дало возможность шире развиться и русской статистической дѣятельности. Этотъ новый періодъ начинается уже съ начала 70-хъ годовъ, т.-е. со времени учрежденія земскихъ статистическихъ бюро. Время для исторіи и оцѣнки той грандіозной литературы, которая издана нашими земствами, еще не наступило. Замѣтимъ лишь, что исторія ея, несмотря на всю краткость, весьма поучительна, такъ какъ помимо разныхъ теоретическихъ теченій, на ней отразились приливы и отливы нашей общей реакціи. Точно также трудно сдѣлать надлежащую оцѣнку всей громадной работѣ, ожидающей еще объединенія и сводки, хотя и теперь уже ясно, что русскіе земскіе статистики и выработали методы и собрали великолѣпный матеріалъ, который дастъ впослѣдствіи народнымъ представителямъ возможность ближе подойти къ нуждамъ и глубинамъ народнаго моря.

---

[1]) *Е. Анучинъ*: «Значеніе статистики какъ науки и международный статистическій конгрессъ». Спб. 1872 г.

Въ послѣднее время начала проявлять дѣятельность и городская статистика, причемъ нѣкоторые изъ городовъ (Москва, Одесса, отчасти Варшава) обзавелись и дѣятельными статистическими бюро.

Болѣе другихъ видовъ,—дѣятельности казенныхъ статистическихъ учрежденій мы здѣсь вовсе не касаемся,—идейно отстала академическая разработка статистики. Академія почти безмолвствуетъ, спеціальнаго статистическаго журнала въ Россіи не имѣется, а университетскіе дѣятели ограничивались преимущественно удовлетвореніемъ спроса на соотвѣтствующія руководства. Среди послѣднихъ въ началѣ 70-хъ годовъ выдѣлились два профессора: Н. Х. Бунге [1]) и Ю. Э. Янсонъ [2]). Послѣдній оставилъ значительные труды и помимо руководствъ. Таковы его труды: 1) Направленія въ научной обработкѣ нравственной статистики, 1871 г.; 2) Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, 1877 г.; 3) Исторія и теорія статистики въ монографіяхъ Вагнера, Рюмелина, Эттингена и Швабе (переводы), 1878 г.; 4) Сравнительная статистика Россіи, т. I, 1878 г., т. II, 1880 г.; 5) Статистика народонаселенія, и многіе другіе.

Нѣсколько позднѣе выступили проф. А. И. Чупровъ, Л. В. Ходскій, Федоровичъ.

Нѣкоторыя отдѣльныя отрасли статистики нашли себѣ даровитыхъ работниковъ, какъ, напр., въ области санитарной статистики—проф. Ѳ. Ѳ. Эрисманъ, сельскохозяйственной—Н. Карышевъ, Фортунатовъ, Рихтеръ, Каблуковъ, Пѣшехоновъ, Лосицкій и др.

---

[1]) *Бунге, Н. Х.*: Курсъ статистики. 1-е изд. 1874 г., 2-е 1876 г.

[2]) *Янсонъ, Ю. Э.*: Теорія статистики. 1-е изд. 1885 г., 2-е изд. 1887 г., 3-е изд. 1891 г. О *Янсонѣ*—въ словарѣ Брокгауза, замѣтка *В. П.*, т. XLI, 1904 г., стр. 681—684; некрологи: проф. *В. Лебедева* («Жур. Мин. Нар. Просв.», 1893 г., кн. IV), *А. Чупрова* («Сборникъ правовѣдѣнія», 1893 г.), *Георгіевскаго* (Общ. охр. нар. здр., 1893 г.); докладъ академика К. С. Веселовскаго, отъ 25 ноября 1892 г, въ засѣд. истор.-фил. отдѣленія Академіи Наукъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія изданія

Книгоиздательства „НАЧАЛО“.

1. **Святловскій. В. В.** Профессіональные рабочіе союзы, СПБ., 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.
2. **Святловскій, В. В.** Къ исторіи политической экономіи и статистики въ Россіи (сборникъ статей). СПБ., 1906 г. 200 стр. Ц. 1 руб.
3. **Святловскій, В. В.** Жилищный вопросъ. 4 выпуска. СПБ., 1902—1904 г.г. Ц. 4 руб.
4. **„Рефераты и работы“.** Сборникъ студентовъ „кружка политической экономіи при С.-Петербургскомъ Университетѣ“, подъ ред. В. В. Святловскаго. СПБ., 1905 г. 407 стр. Ц. 1 р. 75 к.
5. **Фришмутъ, Марія.** Критическіе очерки и статьи, подъ редак. и съ предисл. В. В. Святловскаго. СПБ., 1902 г. 480 стр. Ц. 2 р. 50 к.
6. **Энгельсъ, Фридрихъ.** Людвигъ Фейербахъ и конецъ классической философіи, пер. съ предисловіемъ и подъ ред. В. В. Святловскаго. СПБ., 1906 г. Ц. 15 к.
7. **Родбертусъ-Ягецовъ, К.** Капиталъ, пер. І. А. Давыдова. СПБ. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

8. **Родбертусъ-Ягецовъ.** 1-ое письмо къ Кирхману, пер. І. А. Давыдова.
9. **Штаммлеръ.** Анархизмъ, изложеніе и критика.
10. **Дэдлей Норсъ.** О свободѣ торговли.

Цѣна 1 руб.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.